

71.4(2)
А86

РЕАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробязева

МНОГООБРАЗИЕ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ НАРОДОВ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

РЕАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ:
теория и практика

Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева

МНОГООБРАЗИЕ
КУЛЬТУРНОЙ
ЖИЗНИ
НАРОДОВ
СССР

МОСКВА
«МЫСЛЬ»
1987

ББК 71
А 86

Редакции исторической литературы

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *И. В. Бестужев-Лада*,
доктор исторических наук, профессор *В. С. Лельчук*

Аругюнян Ю. В., Дробижева Л. М.
А86 Многообразие культурной жизни народов
СССР. — М.: Мысль, 1987. — 303, [1] с.
В пер.: 1 р. 70 к.

Книга написана на основе материалов этносоциологических исследований, проведенных в разных республиках страны в 70—80-е годы. В ней показываются изменения в нормах жизни, обычаях, взглядах, в повседневном поведении, влияние национальных особенностей культуры и психологии на трудовую и общественную жизнь, быт и досуг.

Для специалистов в области истории, культуры, пропагандистов и лекторов, а также для всех интересующихся историей советского общества.

0802010203-052
А 004(01)-87 113-87

ББК 71

© Издательство «Мысль». 1987

ВВЕДЕНИЕ

Каждое время знает свои позывные. В середине 80-х годов интеллектуальные усилия нашего общества направлены на поиски возможностей активного использования всего накопленного историей опыта для оптимизации экономической, социальной, морально-нравственной жизни в стране. Реализация обозначенных целей не может быть успешной без объективного знания конкретной действительности. В многонациональном Советском государстве осуществление экономической и социальной политики невозможно без учета национальных особенностей народов, без использования не только их экономического, но и духовного потенциала.

Ломка национальных перегородок, расширение межнациональных контактов, взаимодействие и взаимовлияние культур — характерная черта развития современного общества. Но интернационализация не есть унификация. При самых интенсивных связях и усилении общих черт в образе жизни народы сохраняют свой неповторимый облик, в том числе культурное своеобразие, язык, некоторые особенности повседневного поведения, национальное самосознание. Исторически сложившиеся особенности и теперь продолжают влиять на социальную жизнь в самом широком смысле этого слова. Изучение и осмысление национальной специфики культуры имеет не только познавательное, но и сугубо практическое значение.

Идет ли речь о трудовых ресурсах, профессиональных ориентациях, территориальных перемещениях, условиях социальной мобильности в республиках, отношениях в трудовых коллективах или тем более о бытовых явлениях, неформальном общении, национальные особенности дают о себе знать со всей очевидностью. Не принимать их во внимание при теоретическом анализе исторического прошлого и современной действительности — значит исказить реальность и сделать невозмож-

ным действенное использование наших знаний в практической деятельности.

При ведущей тенденции интернационализации культуры социальный смысл сохранения национальных особенностей в ней очевиден. Самобытная литература, искусство каждого народа создают многообразие художественного фонда общества в целом и отвечают эстетическим потребностям населения, исторически сложившимся вкусам и привычкам людей. Единая по своему социальному содержанию и национальная по форме, культура помогает осуществлению внутринациональных и межнациональных связей. С помощью национально-самобытных черт художественная культура каждого народа может нести общегосударственную идеологию и принятые нормы поведения в привычной для массового читателя, слушателя, зрителя форме. Тому же способствуют и национальные языки. При выполнении ими разнообразных социальных функций с их помощью распространяются знания и общесоветские идеи и ценности.

Интернационализация предполагает соединение общезначимых элементов культуры разных народов. Развитие национальных культур — источник обогащения общесоветской и мировой культуры. Чем больше развита культура каждого народа, тем больше в ней общечеловеческого звучания, тем полнее она отвечает потребностям и интересам всех народов в масштабах Советского Союза и всего прогрессивного человечества.

Культура любого народа имеет исторические корни. Использование прогрессивного наследия — источник творческой активности людей, поступательного развития культуры в целом.

В период научно-технической революции, при стандартизации условий жизни национальная многовариантность культуры может быть дополнительным средством удовлетворения потребностей человека в разнообразии эмоциональной жизни.

Известно, что в современном обществе культура имеет безусловный социальный эффект, способствует территориальной и профессиональной мобильности людей, расширению общения, духовному росту. Национальное многообразие ее открывает в этом плане дополнительные возможности для людей разных национальностей.

Процесс развития и взаимодействия культур изучают представители разных общественных дисциплин — исто-

тики, философы, этнографы, искусствоведы, социологи. Предлагаемое читателю исследование — этносоциологическое, осуществленное в историческом ракурсе. Этносоциологический подход к изучению проблем культуры не изолирован от других научных направлений. Ему присуще стремление опереться на фундамент конкретно-исторических фактов и использовать опыт исторической социологии, этнографии, исторической психологии, статистики. Наш подход вполне совмещается с предложенным академиком М. П. Кимом комплексным изучением истории культуры. При историческом подходе исследователей прежде всего интересуют этапы развития культуры, их особенности. Исторические корни процессов и явлений интересуют и этносоциологию, но при этом главное внимание акцентируется на изучении динамики современных социально-культурных процессов.

В этом отношении наша работа отличается от тех искусствоведческих и исторических трудов, в поле зрения которых материализованные духовные ценности — сами произведения литературы, искусства. Нас интересует культура людей разных национальностей. Мы рассматриваем ее в современных условиях — в 70—80-е годы, когда проводились наши этносоциологические исследования. В значительной мере они были историко-социологическими, и не только потому, что осуществлялись повторные сравнительные исследования, но и потому, что проводилось изучение культурного кругозора, интересов и потребностей, жизненных ценностей и поведенческих норм людей разных поколений. И хотя мы вполне отдаем себе отчет в том, что культура каждого поколения зависит от возрастных особенностей, образа жизни, вместе с этим на ней лежит отпечаток пережитых людьми исторических событий. Исследования по истории современности — не столь непривычное явление¹, — именно они призваны внести свой вклад в познание того общества, в котором мы живем².

При выяснении механизма социально-культурных процессов современности важнейшим предметом изучения является культура народов как социально-этнически нормированное человеческое самовыражение. Культура — не только материальные и духовные продукты человеческой деятельности, но и ценности, нормы, признанные способы поведения.

При таком широком понимании культуры в исследовании выделяется ряд взаимосвязанных подсистем, что в известной мере отражается в предложенной схеме ее составных частей: фонд культуры, механизм распространения культуры, ее потребление и освоение, детерминирующее реальное поведение.

Фонд культуры может быть материальный — от примитивных орудий труда до современного компьютера; духовный — от раннего фольклора до современного искусства и идеологии, от обычного права до современных конституционных норм.

Различается фонд исторический и действующий; и тот и другой имеют разные масштабы функционирования — от семьи, поселений и до нации, социальной системы и человечества.

Механизм распространения (трансмиссии) культуры — от средств массовых коммуникаций до неформального общения. В зависимости от масштаба рассматриваемой системы меняются роль, функции, удельный вес тех или иных средств распространения культуры. Чем крупнее система, тем большее значение имеет распространение культуры через средства массовых коммуникаций и соответственно уменьшается роль неформального общения. С течением времени все более расширяются масштабы институционального распространения культуры и сужается роль неформального общения.

Приобщение к культуре, освоение ее — главные аспекты исследования, при этом выделены следующие подсистемы функционирования культуры:

- общественно-политическая (в частности, идеология);

- производственная — отношение к труду, профессиональные ориентации и т. д.;

- духовная, имеющая две определяющие категории: а) рационально-эмоциональную — преимущественно науку, б) эмоционально-рациональную — художественную культуру; духовная культура получает и материальное выражение в архитектуре, предметах бытового пользования, техническом оборудовании и др.;

- бытовая, в том числе общественно-бытовая и семейно-бытовая.

Все перечисленные подсистемы «имеют выход» в совокупно связанную подсистему соционормативной, нравственной культуры.

В исследовании предполагается, что культура во всех перечисленных подсистемах может иметь двойное выражение: активное и пассивное. Активное проявляется и фиксируется в реальном поведении. Кульминацией активного выражения в культуре является творчество, так как именно оно пополняет фонд культуры.

В осуществленном исследовании культура как социально-этнически нормированное самовыражение человека рассматривается в разных масштабах и на разных уровнях, начиная с микрогруппы (прежде всего семьи) и кончая нациями (русские, узбеки, грузины, молдаване, эстонцы и др.).

Конкретный эмпирический материал дает возможность сравнительно полной характеристики наций и групп некоренных национальностей в республиках с целью выяснения их общих и специфических черт, уточнения закономерностей и перспектив их развития. Выяснение внутреннего механизма процессов развития и сближения наций чрезвычайно актуально, освещает функционирование советского народа как новой социальной и интернациональной общности, помогает научно обоснованному управлению этими процессами.

В изучении культуры, так же как и ее подсистем в историографии, выделяются по крайней мере два аспекта: первый — исследования с точки зрения анализа деятельности государственных и общественных органов в сфере культуры, культурных учреждений, средств массовой информации, направленности художественных произведений, развития обычаев и обрядов; второй — исследования культуры с точки зрения ее распространения, приобщения к ней широких кругов населения, восприятия ими ценностей своей национальной культуры, общесоветской и других народов СССР, мировой цивилизации. Первый аспект активно изучался в отечественной науке уже многие десятилетия. Он привлекал к себе внимание философов, историков, искусствоведов, этнографов³; второй стал изучаться лишь в последние два десятилетия, с развитием социологических исследований, поскольку объектом исследования при данном ракурсе изучения культуры является личность — человек, включенный в социальные группы, в том числе в ту или иную этническую общность.

Социологическое изучение культуры осуществлялось в специальных исследованиях⁴ и в работах, посвященных

социальным группам — рабочим, крестьянству, интеллигенции; горожанам, сельским жителям. В этих работах культурный облик населения изучался как часть их социальных характеристик⁵. Наконец, культурный кругозор людей изучался в исследованиях конкретных сфер жизнедеятельности, например свободного времени, жизни семьи и т. д., а также образа жизни в целом⁶. Однако во всех этих работах изучалась культура человека с учетом его социальных и демографических характеристик, но без его национальной определенности. Между тем именно в культуре национальные особенности проявляются наиболее очевидно. Поэтому изучение этой проблемы в нашем многонациональном государстве невозможно без учета национальных факторов. В этносоциологических исследованиях через национальные параметры рассматриваются все социально значимые явления культуры в жизни народов⁷, но историко-социологических работ по проблемам культуры, выполненных на основе таких исследований, еще не было.

В данной книге делается попытка показать культурную жизнь людей разных национальностей во всей ее совокупности. В этой связи ставится задача — рассмотреть динамизм общих и национально-специфических черт в культуре народов с разным историческим прошлым, отличающихся степенью интенсивности урбанизации, индустриального развития, модернизации культуры. При этом предстоит отразить, как складывается соотношение этих черт — общих и особенных — в различных сферах современной социальной жизни, связанных с культурой, — от распространения общенаучных знаний до семейно-бытовых, межличностных отношений.

Логика анализа этих проблем предполагает выяснение реальных стимулов культурного роста в современном обществе, механизма распространения культуры, факторов и степени приобщения к культурным ценностям социально-профессиональных, демографических групп людей разных национальностей.

Особый смысл при раскрытии данной темы имеет анализ культурных интересов и ориентаций людей в сфере современной и традиционной культуры, национальной и интернациональной. Естественно, они по-разному проявляются в производственной и досуговой культуре, в общественно-политической и бытовой. И это предстояло иметь в виду в ходе исследования.

В процессе разработки проблемы развивались и уточнялись наши собственные представления о значимости разных компонентов культуры. По мере осмысления массовой информации становилась очевидной не только условность принятой классификации культуры на материальную и духовную, но и необходимость особого внимания к сфере общественного сознания. Именно поэтому в данной работе даже в отличие от наших собственных предыдущих исследований специально выделяется проблема взаимосвязи общественного сознания с другими компонентами культуры, причем в общественном сознании особое внимание уделено национальному самосознанию.

Анализ действительности, осмысление культурного развития, процессов взаимодействия наций дают возможность в какой-то мере выявить доминирующие тенденции, что может иметь прогностическое значение.

Для рассмотрения этих вопросов привлекается разнообразный круг источников: партийные документы, архивы государственных учреждений (Министерства культуры СССР, Государственного комитета по телевидению и радиовещанию СССР и соответствующих комитетов союзных республик, республиканских отделений общества «Знание» и др.), пресса, и прежде всего журналы ЦК компартий союзных республик и татарского обкома КПСС (автономной республики, где проводилось экспериментальное исследование); газеты ЦК компартий и Советов Министров Молдавии, Грузии, Эстонии, Узбекистана.

Одним из основных источников изучения явились также материалы, публикуемые ЦСУ в виде итогов Всесоюзной переписи населения, сборников «Народное хозяйство СССР» и др.

Монография опирается на результаты социологического исследования, проведенного Институтом этнографии АН СССР по программе «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР».

Такое межреспубликанское исследование — трудоемкое и сложное дело. Прежде всего нужно было выделить республики в основных регионах страны, материалы которых дали бы возможность судить о закономерностях социального и культурного развития наций. Республики должны быть типичными для регионов

и в то же время иметь специфические особенности, которые позволяли бы судить о многообразии национального развития.

На основе анализа статистического материала были отобраны для проведения исследований пять республик — РСФСР, Узбекистан, Грузия, Молдавия, Эстония. Каждая представляла регион и отражала своеобразный исторический и культурный опыт, разную степень урбанизации и индустриализации народов и различную длительность их контактов в границах СССР. Выбор республик был проконтролирован методом таксономии. По 35 показателям социального, экономического и культурного развития, имеющимся в официальной статистике, были определены таксоны, включающие республики со сходными характеристиками. Таксонов оказалось восемь. Чтобы завершить сбор материала в сроки, позволяющие производить сравнения, на первом этапе, в 1971—1976 гг., исследования проводились в городах и селах пяти вышеназванных республик⁸. Впоследствии, чтобы представить основные тенденции изменений, в 1980—1981 гг. в столицах этих республик были проведены повторные опросы населения.

Выборка в городах и селах различалась. Общим было то, что она являлась многоступенчатой. С учетом типических характеристик в республиках отбирались для обследования города и села. В выборку в каждой республике кроме столиц входили города, представляющие основные типы городских поселений; при отборе сел учитывался размер населенного пункта, этнический состав, тип сельскохозяйственного предприятия, функциональная роль села, расстояние до ближайшего города. В городах осуществлялась пропорциональная выборка на основе избирательных списков. В селах на основе предварительного анализа похозяйственных книг, по которым можно судить о социально-профессиональном составе населения, была организована непропорциональная выборка, предусматривающая такое представительство каждой социально-профессиональной группы, которое позволяло проводить сравнение между ними. (Поэтому интеллигенция в обследуемых селах опрашивалась практически полностью, а разнорабочие — в необходимой пропорции.) При обработке материалов непропорциональная сельская выборка выравнивалась с помощью специальных поправочных коэффициентов для

того, чтобы выборочная совокупность отражала генеральную.

Поскольку в общей выборке по городскому населению отдельные группы интеллигенции были малочисленными, дополнительно опрашивались представители художественно-творческой, научно-технической, научно-гуманитарной и административной интеллигенции. В каждой из республик опрашивались представители основной, коренной нации, русские и другие наиболее многочисленные национальности.

В итоге опрошено свыше 40 тыс. человек. Отклонения от генеральной совокупности (население республики) по базовым признакам, фиксируемым статистикой, не превышают 5%.

В опросном листе содержалось свыше 100 вопросов. Опросный лист включал общие вопросы и специальные, обращенные к городскому и сельскому населению, к интеллигенции. Несколько дополнительных вопросов было в опросном листе для инонациональных групп в республиках, так как он был нацелен на выявление ориентаций на культуру основной, коренной нации республики, русскую, общесоветскую и мировую культуру.

В качестве индикаторов различных компонентов культуры использовались данные об уровне образования, о степени приобщения к различным источникам информации (условно говоря, культурные навыки), об интересе к своей национальной культуре и духовным ценностям других народов в современной и традиционной форме, об ориентациях в сфере соционормативной культуры (в частности, в обычаях, обрядах).

Опрос проводился специалистами с помощью подготовленных интервьюеров. Заполнение опросных листов контролировалось сотрудниками сектора конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР. В опросном листе были поставлены контрольные вопросы. При несовпадении ответов на них заполненные опросные листы ставились под сомнение, дополнительно проверялись или при контроле забраковывались. Затем повторялся опрос другого лица соответствующей национальности, пола и возраста. Опросы проводились интервьюерами той национальности, представители которой опрашивались. При инструктировании интервьюеров обращалось особое внимание на «тонкость» психологических вопросов, необходимость ненавязчивого, деликатно-

го хода опроса, право интервьюируемого отказаться от ответов.

Материалы опросов были обработаны на ЭВМ в виде безусловных и условных распределений, а также коэффициентов связи признаков.

Использование результатов представительных опросов населения в разных республиках страны позволило обратиться к изучению культуры народа, представителей различных национальностей, социально-профессиональных и демографических групп.

Исследование начинается с попытки ответить на вопрос, что стимулирует людей в современных условиях к овладению запасом духовных ценностей, накопленных человечеством, — только прагматические цели или нечто большее, каковы позиции общества в этом вопросе.

Далее рассматривается, какие возможности представляет государство для овладения культурой, анализируются механизмы распространения культуры. Последующие разделы книги посвящены проблемам приобщения к культуре различных групп населения, показана культурная активность жителей города и села, представителей социальных и демографических групп различных наций, общее и национально-особенное в распределении досуга, формирование общих черт, характерных для образа жизни советских народов.

Затем культура людей изучавшихся национальностей анализируется с точки зрения ее содержания — функционирования в ней национальных элементов и элементов общесоветской и общечеловеческой культуры, делается попытка осветить, в каких подсистемах культуры — материальной, духовной, в том числе художественной, соционормативной, семейно-бытовой, в языке — сохраняется больше национальной специфики, в каких из них активнее идет процесс интернационализации.

Работа завершается исследованием элементов общественного сознания, межличностных национальных отношений и рассмотрением проблемы, почему при активной интернационализации культуры и исчезновении этнической специфики из многих сфер повседневной жизни устойчиво удерживается национальное самосознание и при каких условиях оно сочетается с дружественными межнациональными отношениями.

Авторы, естественно, осознают, что далеко не все задачи удалось до конца решить, но, видимо, сама по-

становка их может стимулировать изучение рассматриваемых проблем.

Анализ процессов развития культуры народов в последнее десятилетие с учетом их исторического прошлого может иметь не только научную значимость, но и практический «выход». Как отмечалось в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, «наши достижения не должны создавать представления о беспроblemности национальных процессов. Противоречия свойственны всякому развитию, неизбежны они и в этой сфере. Главное — видеть постоянно возникающие их аспекты и грани, искать и своевременно давать верные ответы на вопросы, которые выдвигает жизнь»⁹. Этой цели и подчинен анализ материала, включенный в монографию.

ГЛАВА I

СТИМУЛЫ КУЛЬТУРНОГО РОСТА

Культура — это не только результаты материальной и духовной деятельности людей, она включает в себя также общепризнанные ценности, нормы, принятые способы поведения. Вне культуры человек жить не может. С раннего детства социализация личности начинается с освоения способов общения, поведения, с приобщения к знаниям, накопленным той или другой культурой.

В данной главе речь пойдет о стимулах культурного роста в современном советском обществе, т. е. о том, что побуждает людей к овладению культурным богатством, накопленным человечеством (научными знаниями, общественно-политической и культурной информацией и т. д.), и что в этом процессе общее для всех советских народов и национально-особенное.

1. КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ

Обычно не трудно припомнить, кто первый посоветовал прочитать интересную книгу, повел в детстве в театр, кто был тем идеальным героем, который вызывал стремление быть разносторонне образованным, знающим, ориентирующимся в вопросах искусства и политики, науки и нравственности. Но если мы попытаемся обобщить такие впечатления, то это будет не более чем собрание индивидуальных случаев.

Важно найти механизмы, приводящие в движение, стимулирующие рост культуры, стремление к знаниям массы людей. И такие механизмы есть. Прежде всего это деятельность людей. У каждого человека она бывает самой разной: это и его профессиональная деятельность, и его роль родителя, воспитателя, и его занятия в кружке рационализаторов или просто домашние любительские увлечения и т. д. Можно спорить, какая из них имеет большее или меньшее влияние в каждый мо-

мент жизни человека. Задача социологии, в том числе исторической, так же как и других общественных наук, изучающих систему общественных отношений, состоит в том, чтобы абстрагируясь от индивидуальных особенностей человека, его конкретного жизненного пути, поставить в центр внимания социальные позиции людей, их социальные роли, накладывающие отпечаток на всю деятельность.

Каждая социальная роль связана с определенными нормами, которые соответствуют ее выполнению, в том числе с запасом профессиональных, научных, общеобразовательных знаний, наличием культурных навыков. В современном обществе врач, инженер, преподаватель имеют, как правило, вузовскую подготовку, квалифицированный рабочий — профессиональную подготовку и определенный минимум образования (который постоянно растет). С выполнением тех или иных социальных ролей, той или иной работы связано не только представление самого человека о качествах, необходимых для конкретных занятий, но и ожидание определенных качеств работника со стороны окружающих людей. Представления о социальных ролях закрепляются в общественном мнении и становятся двигателем помыслов и поступков людей.

Научно-техническая революция, принципиально изменяющая соотношение работников умственного и физического, квалифицированного и неквалифицированного труда, являясь важнейшим стимулом культурного роста, самым существенным образом влияет на культурный облик людей. Меняются производственные роли — изменяются и сами люди, их стремления, ориентации. Изменения происходят у всех народов страны. Однако масштабы и темпы развития различные. Это зависит как от предшествующего исторического опыта, так и от традиций, сохраняющихся в современной жизни.

Когда старшее поколение ныне работающего населения (те, кому сейчас 50 лет и больше) вступало в свой активный трудовой возраст (50-е — начало 60-х годов), доля работников преимущественно умственного труда только у пяти из 15 наций союзных республик (грузин, русских, армян, эстонцев, латышей) составляла около $\frac{1}{5}$ населения или чуть более, а у пяти наций — лишь около $\frac{1}{10}$ населения (у молдаван всего 4%). Когда же вступало в активный трудовой возраст нынешнее моло-

дое поколение (начало 80-х годов), у 11 наций союзных республик (русских, украинцев, белорусов, казахов, грузин, азербайджанцев, латышей, литовцев, армян, эстонцев) работники умственного труда составляли более $\frac{1}{5}$, а у четырех наций (узбеков, таджиков, туркмен, молдаван) — свыше $\frac{1}{10}$ населения¹. Коэффициент вариации, фиксирующий отклонение доли работников умственного труда среди занятого населения по нациям союзных республик от среднесоюзных показателей, сокращался от десятилетия к десятилетию: в 1959 г. этот показатель составлял 36,9%, в 1970 г. — 28,6, в 1979 г. — 25,8%.

50, 60, 70-е годы были временем, когда быстро и повсеместно рос престиж занятий, требующих высшего образования. Не случайно, по данным социологических опросов 70-х годов, большинство не только среди грузин, армян, русских, эстонцев (народов, у которых доля интеллигенции была наибольшей), но и среди узбеков, молдаван (которые не отличались такими показателями) высказывали желание, чтобы их дети стали специалистами с высшим образованием. О престиже таких специальностей говорили и большие конкурсы во многие вузы во всех республиках.

Тяга к образованию росла не только с повышением удельного веса людей, занятых преимущественно умственным трудом, доля которого в целом по стране выросла с 21% в 1959 г. до 29% в 1979 г., но и в связи с тем, что в этой категории специалисты с высшим и средним специальным образованием занимали все большее место (в 1959 г. — $\frac{2}{3}$, а в 1979 г. — $\frac{3}{4}$)³. Процесс был закономерным. Научно-техническая революция, с одной стороны, требовала повышения квалификации людей умственного труда, с другой — за счет внедрения технических средств создавала условия для сужения круга лиц, прямо связанных с их обслуживанием. Высокий престиж квалифицированного умственного труда создавал даже определенные трудности, нарушая соотношение между спросом и предложением на определенные виды умственного труда. Так, в Грузии, Армении, ряде других республик, в крупных городах РСФСР интеллигенция стала даже ощущать известную «нехватку» мест.

Что касается специфики роста удельного веса интеллигенции у отдельных народов, то здесь сказались не только традиции, но и особенности местных соци-

альных условий, в частности степень урбанизации. Чем больше доля горожан в составе наций, тем больше доля тех, кто занят умственным трудом (см. табл. 1). Однако при сравнении отдельно доли городского и сельского населения у разных национальностей отклонения эти стали мало заметны. Например, среди армян умственным трудом занято 31%, а среди узбеков — 18% населения. В то же время в городах умственным трудом занято 37% армян и 30% узбеков, а в селах — 16% армян и 15% узбеков.

Таблица 1. Соотношение численности городского населения и людей, занятых умственным трудом в 1979 г.
(в % к занятому населению людей данной национальности, расположенных по убывающей доле горожан)*

Национальность	Горожане	Люди, занятые умственным трудом
Русские	77	33
Армяне	71	31
Эстонцы	64	34
Латыши	63	31
Литовцы	62	28
Украинцы	60	26
Грузины	51	33
Азербайджанцы	47	23
Белорусы	39	25
Казахи	32	31
Туркмены	31	17
Узбеки	30	18
Таджики	28	16
Молдаване	27	16
Киргизы	21	20
В целом по СССР	62	29,5

* Таблица составлена по: Социальная политика и национальные отношения. М., 1982. С. 153; Численность и состав населения СССР. М. 1984. С. 181; Вопросы истории. 1982. № 9. С. 8; Народное хозяйство СССР в 1982 г. М., 1983. С. 5; Развитие национальных отношений в СССР в свете решений XXVI съезда КПСС. М., 1982. С. 202—204.

Естественно, чем выше доля интеллигенции у какой-либо нации, тем выше доля тех, кто ориентируется на занятия преимущественно умственным трудом, тем сильнее тяга к образованию, культуре. Обратим внимание на то, что наиболее равномерно у различных наций представлена доля той части интеллигенции, которая состоит из медицинских работников, преподавателей школ, воспитателей детских дошкольных учреждений,

работников всех культпросветучреждений. Это наиболее массовые слои интеллигенции, которые, непосредственно общаясь с другими слоями общества, передают людям знания, ценности, созданные в сфере духовного производства, в известной мере нормы культурной жизни. Если коэффициент вариации (показатель, фиксирующий отклонение доли научной, художественно-творческой и производственной интеллигенции в союзных республиках от среднего по стране) был в конце 50-х годов равен 52—54% и к 1970 г., сократившись, все же составлял 41,5—44,5%, то по доле условно называемой массовой интеллигенции в 1959 г. составлял 31% и в 1979 г. 21,5%.

Существенным выражением и вместе с тем стимулом культурного роста народов явилось повышение удельного веса научной и творческой интеллигенции. У народов, в прошлом отличавшихся наиболее низкой долей этих групп, произошел их существенный рост. Если среднюю по Союзу долю научной интеллигенции принять за 100%, то у более урбанизированных народов научная интеллигенция составляла 112,5—162%, а у менее урбанизированных — 62—75%.

Доля творческой интеллигенции у киргизов, туркмен выравнивалась со среднесоюзной, а у остальных народов Средней Азии и казахов приблизилась к ней. Практически формирование собственной научной интеллигенции и существенное увеличение группы творческой интеллигенции у народов означало, что учебные пособия, книги могут издаваться на местах на собственных национальных языках, а культурные ценности, созданные национальными по форме, становятся более доступными для самых широких масс населения. При этом художественно-творческая интеллигенция, являясь относительно небольшой частью всей интеллигенции (в 70-е годы она составляла 1,4% среди интеллигенции и 0,3% всего населения), тем не менее непосредственно влияет на нормы культурной жизни народов. Через средства массовой информации, литературу, искусство она формирует вкусы и нравы, образцы повседневного поведения.

Научная, особенно научно-техническая, интеллигенция обеспечивает включенность народов в современные виды производства. Потребность в культуре населения, стимулируемая новыми производственными ролями, таким образом, может легче и полнее удовлетворяться.

Общенаучные и культурные знания необходимы не только людям умственного труда, но и лицам новых рабочих профессий. В 60—70-е годы в соответствии с требованиями научно-технической революции доля квалифицированных рабочих среди представителей физического труда заметно увеличивается. Квалифицированные слои в составе рабочих стали преобладать не только у более урбанизированных народов, но и у других. Так, в 70-е годы у эстонцев в городах свыше 60% рабочих принадлежало к квалифицированным слоям, у горожан-молдаван (нации, в составе которой преобладает сельское население) — 52%.

В последние десятилетия существенно изменялся характер труда сельскохозяйственных работников. Только за 60-е годы доля механизаторов среди белорусов, литовцев, молдаван, латышей, эстонцев, занятых в сельском хозяйстве, выросла не менее чем в 2 раза. Больше всего механизаторов сельского хозяйства (в 70-е годы) было среди русских, эстонцев, латышей, казахов, литовцев, украинцев, белорусов (около $\frac{1}{5}$ всех работников, занятых сельскохозяйственным трудом). Вместе с тем уровень квалификации работников сельского хозяйства по регионам, несмотря на большие позитивные сдвиги, пока все же довольно различен. В известной мере это объясняется разным уровнем механизации тех или иных отраслей сельскохозяйственного производства. В Молдавии, где распространено виноградарство, и тем более в Грузии с ее субтропическими культурами уровень механизации сельского хозяйства все еще отстает от среднесоюзных показателей. Соответственно в сельской местности этих республик сравнительно невелик удельный вес квалифицированного труда. Развитие животноводства на базе специализированных ферм, введение в строй перерабатывающих предприятий на селе способствовали распространению новых специальностей. С 70-х годов неуклонно меняется демографический состав населения в деревне. Среднее образование уже не ощущалось многими молодыми людьми, имеющими дело с техникой, как избыточное, не препятствовало их закреплению на селе. Новые профессии и условия труда сельскохозяйственных работников стимулировали как повышение общекультурных навыков молодого и среднего поколения, так и их потребности в изменении материальной базы культурно-бытовой среды.

Конечно, исторически сложившиеся различия между народами в доле занятых квалифицированным трудом не исчезли бесследно. И теперь доля занятых неквалифицированным и малоквалифицированным физическим трудом среди русских, украинцев, белорусов, казахов, литовцев, латышей, армян, эстонцев составляет 22,7—27,3%, а среди туркмен, таджиков — 41,6—40,3%. Эти данные прямо коррелируют с уровнем образования населения и развитием культурно-бытовой среды у народов. Но принципиально важным является следующее: на глазах одного поколения у всех народов, и особенно в прошлом отсталых, очень заметно увеличилась и потому выравнилась доля квалифицированных работников в целом. Так, если в поколении «отцов» в 70-е годы доля квалифицированных работников среди более урбанизированных эстонцев составляла 53%, а среди молдаван — 22%, то в поколении «детей» (т. е. среди опрошенных) у эстонцев — 68%, у молдаван — 58%.

Увеличение квалифицированных слоев населения и сближение народов в этом отношении совершенно очевидно, если сравнить долю квалифицированных групп работников умственного и физического труда по поколениям. Для выявления общих тенденций выделены две наиболее урбанизированные республики — РСФСР и Эстония и две республики с большей долей сельского населения — Узбекистан и Молдавия. Если представители старшего поколения основных, коренных наций этих республик очень заметно отличались друг от друга по доле лиц, занятых квалифицированным трудом, то в среднем и тем более младшем поколении совсем не так существенно. Удельный вес квалифицированных групп растет у народов «с востока на запад». В 70-е годы в Узбекистане квалифицированным трудом в селах занималось 36% людей коренной национальности, в РСФСР — 55, в Эстонии — 76%, в городах — соответственно 72, 80 и 81%.

Важно, что большинство населения теперь у всех наций занимается квалифицированным трудом. Такое положение существенно меняет всю «культурную ситуацию». С одной стороны, для занятий квалифицированными видами труда нужно образование, с другой — образованные, квалифицированные люди имеют и более широкие духовные запросы и интересы, предъявляют высокие требования к условиям культурной жизни.

Как известно, социологи для выяснения тесноты связи различных показателей, в том числе тех или других социальных характеристик, используют математические приемы анализа, в частности коэффициенты связи. С помощью этих коэффициентов (использовался коэффициент Райского) на основе материалов опросов было проанализировано более 20 показателей, которые в той или иной мере связаны с социально-профессиональным положением людей, их социально-профессиональной, трудовой деятельностью, что в известной мере определяет социальный статус. Среди рассмотренных показателей образование оказалось наиболее тесно связанным с социальным положением. У всех народов, несмотря на различные исторические судьбы в прошлом, неодинаковую меру «втянутости» в урбанизационные процессы, связь социально-профессиональной деятельности с образованием оказалась наиболее сильной (коэффициент связи «R» у эстонцев — 0,146, у узбеков — 0,215, у молдаван — 0,178), затем идут другие черты «трудовой биографии» — сфера деятельности, заработная плата, партийность (R у эстонцев — 0,067—0,030, у узбеков — 0,133—0,048), потом характеристики родительской семьи — занятия и образование отца и матери (R у эстонцев — 0,030—0,017, у узбеков — 0,041—0,031) и уже после — бытовые характеристики (детность и пр.).

Показателем культурного кругозора человека выступал такой признак, как «посещение театра». Выбор этот не случаен. Как выяснилось в ходе социологических исследований 60—70-х годов, посещение театра, так же как регулярное чтение, в современных условиях является наиболее дифференцирующим показателем культурного уровня человека (ибо просмотр телепередач, чтение газет и даже посещение кинотеатров стали столь массовым видом досуга, что уже не могут выступать таким критерием). И надо сказать, что связь показателя уровня культуры человека с его социально-профессиональной деятельностью оказалась по значимости близкой к таким факторам, как занятия и образование родителей (R у эстонцев — 0,028, у узбеков — 0,025)*. Таким образом, социальные роли теперь, как правило,

* Данные приведены по городскому населению, но иерархия признаков-характеристик социально-профессиональных групп в среде сельского населения сходная.

приобретаются в первую очередь благодаря собственной активности человека. Приобщение к знаниям, духовной культуре имеет в этом отношении наиболее существенное значение. Понимание «катапультирующей» роли образования, политических и научных знаний для социального продвижения создавало им высокий престиж в обществе.

Значимость образования, профессиональных и общекультурных знаний люди, естественно, должны ощущать и осознавать. Каждый мог наблюдать, что заметное увеличение доли квалифицированных групп в составе населения происходит за счет других, менее квалифицированных слоев населения. Так, доля занятых умственным трудом в составе более урбанизированных эстонцев и узбеков (нации со значительной долей сельских жителей) в настоящее время практически удвоилась в сравнении с их отцами. Произойти это могло только при активном притоке в слои интеллигенции работников физического труда. В 70-е годы среди эстонцев, так же как и среди узбеков, $\frac{2}{3}$ лиц, занятых умственным трудом, были выходцами из рабочих и колхозников.

Возникает вопрос: будет ли меняться эта тенденция и меняется ли она уже сейчас? Представление об этом можно составить, сравнив социальную мобильность у народов с учетом их возрастной структуры. Можно предположить, что с ростом численности интеллигенции у нее увеличиваются возможности самовоспроизводства и удельный вес людей, занятых физическим трудом, в ее пополнениях будет уменьшаться. В какой-то мере это действительно так. По нашим данным видно, что в старшем поколении городских узбеков (в возрасте 50 лет и старше) 20% заняты умственным трудом и $\frac{4}{5}$ состава этой группы — из рабочих и крестьян. Чем моложе группа, тем больше среди них работников умственного труда и тем выше в этих группах доля выходцев из интеллигенции. В возрасте 30—49 лет они составляют среди узбеков уже $\frac{1}{3}$ этой группы горожан, среди молодежи (18—19 лет) — почти половину. В таком же соотношении находятся примерно источники формирования рассматриваемых социальных групп и у наций других республик. Среди эстонцев старшего поколения менее $\frac{1}{5}$ лиц, занятых умственным трудом, были выходцами из семей интеллигенции и служащих, в среднем (30—

49 лет) — $\frac{1}{4}$, а в младшем (до 29 лет) — уже больше.
3. И тем не менее ни в том, ни в другом случае (ни среди узбеков, ни среди эстонцев) ни в одной из республик не может быть речи лишь о самовоспроизводстве интеллигенции.

Прежде всего нужно подчеркнуть, что при всех изменениях основным источником для формирования группы умственного труда в целом (интеллигенции и служащих) остаются, как и в прошлом, люди, занятые физическим трудом. Сравнивая два поколения людей (до 39 лет, 40 лет и старше) из среды коренных наций разных республик, становится очевидным, что соотношение источников формирования интеллигенции за счет рабочих и служащих либо относительно стабильно, либо свидетельствует о расширяющемся «взаимообмене» социальных групп в процессах социальной мобильности — последовательной демократизации в воспроизводстве рабочей силы. Несмотря на количественный рост интеллигенции (и расширение поэтому ее возможностей самовоспроизводства), соотношение источников формирования армии людей физического и умственного труда и баланс между ними в воспроизводстве социальных групп остаются устойчивыми. При этом вероятность самовоспроизводства по поколениям (точнее, возрастным когортам) не увеличивается, а скорее, наоборот, уменьшается. Дети работников умственного труда в поколении 18—39-летних обычно пополняют ряды интеллигенции в 1,5 раза чаще, чем ранее — в старшем поколении. Но дети рабочих и других работников физического труда становились работниками умственного труда в 2—3 раза чаще (чем в старшем поколении), т. е. доступность занятий умственным трудом для них с течением времени увеличивалась.

В результате введения в стране обязательного среднего образования, роста заработной платы у сравнительно малообеспеченных групп населения и благодаря другим мерам социального развития доступность занятий умственным трудом и квалифицированным физическим становится для всех более реальной.

Гибкость социальной структуры советского общества и «открытость» социальных групп привели к отсутствию жесткой социальной «наследственности» характеристик людей. По материалам этносоциологических исследований в разных республиках видно, что в социально-

профессиональных слоях сравнивались (по ряду индикаторов) группы людей, вновь «влившихся» в них, и «потомственные», т. е. из семей, занимающихся данными видами труда уже не одно поколение. В итоге выяснилось, что характеристики этих групп практически совсем мало зависят от происхождения. Однородные социально-профессиональные группы разного происхождения в каждом поколении почти совершенно не отличаются друг от друга. Интеллигенты или рабочие, почти независимо от своего происхождения, имеют характерные для данной группы черты — образование, многие признаки повседневной культуры, индикаторы общественной активности и т. д. Различия проявляются, но весьма незначительно. Так, среди узбеков дети интеллигентов несколько более образованы, чем интеллигенция первого поколения (т. е. бывшие дети рабочих или крестьян); среди горожан 73% интеллигенции во втором поколении имеют высшее образование, остальные — среднее специальное образование. Интеллигенты, вышедшие из рабочих и колхозников, имеют несколько иное соотношение: 55% — с высшим образованием, остальные — преимущественно со средним специальным. Среди эстонцев 85% потомственной, т. е. во втором поколении, интеллигенции имеют высшее образование, а в первом — 71%.

Социальное происхождение в какой-то мере отражается на профессиональной подготовке и образовании рабочих, однако уже в третьем поколении (среди внуков) эти различия и оттенки абсолютно стираются. Чей ты внук, чем занимались твои деды — это уже никак не отражается ни на деятельности, ни на духовных, культурных навыках людей. Причем между людьми разных национальностей различий в этом отношении, т. е. в механизме социального наследования, нет.

В целом судьбы людей во многом определяются школьной подготовкой. Как правило, у тех, кто теперь занимается умственным трудом, в школе заметно преобладала высокая успеваемость. Среди узбеков и русских, занятых умственным трудом в городах, доля имевших удовлетворительную успеваемость в школе была невелика (11%), а среди занятых физическим трудом — 45%. Хотя школьная успеваемость связана с занятиями родителей, эта связь не абсолютна, и профессиональные способности людей, склонности их к тем или иным видам деятельности, соответственно направления и темпы

социальной мобильности во многом индивидуальны. При этом никаких национальных особенностей здесь также не наблюдается.

Условные границы социальных групп фиксируются в различных сферах жизни. Но, как уже говорилось, эти признаки преимущественно не наследуемые, а приобретаемые, связанные главным образом с исполнением тех или иных социально-профессиональных функций.

Интеллигенты или рабочие — чьими бы детьми они ни были — в подавляющем своем большинстве ведут образ жизни, характерный для их «собственной группы». Влияние родительской семьи почти не сказывается — важно, чем ты занимаешься сам, какое твое собственное занятие, каковы непосредственные ролевые функции. Поэтому между детьми интеллигентов (если они заняты разным трудом: в одном случае — физическим, в другом — умственным) сходство стирается, и, наоборот, при разном происхождении у людей одинаковых занятий в основном доминируют общие характеристики, что проявляется, в частности, даже в наборе культурно-бытовых черт повседневного поведения.

Поскольку в советском обществе достаточно распространено представление о том, что человек «сам кузнец своего счастья», по существу во всех группах населения доминируют оптимистические оценки условий жизни в широком смысле этого слова. И русские, и эстонцы, и узбеки, и молдаване, и люди других национальностей чаще всего выражали удовлетворенность работой и культурно-бытовыми условиями, в подавляющем большинстве считали, что их «жизнь в течение времени становится лучше». В оценках отражался фон исторического прошлого: особенно высокие оценки наблюдались в тех социальных и национальных группах, которые в прошлом отличались экономической и культурной отсталостью.

Оценки населения во многом связаны с интенсивностью социальной мобильности, возможностями выполнения активных общественных ролей. При безусловно позитивном опыте здесь встают свои проблемы. В частности, исключительная популярность образования и занятий умственным трудом объективно необходима для общества, но в то же время она ставит свои проблемы координации баланса движения рабочей силы и оптимизации социальной структуры народов. Это следует, в ча-

стности, и из материалов нашего исследования. Выясняя вопрос о том, насколько легко или трудно устроиться на ту или иную работу, обнаруживаем, что во всех республиках (как в городе, так и в деревне) при остром спросе на все виды занятий физическим трудом существует известный избыток некоторых профессий умственного труда, что приводит к нарушению принципа спроса и предложения в этой сфере деятельности. Если на занятия физическим трудом в целом спрос превышает предложение (в городах примерно на 25% на неквалифицированный труд и до 50% — на квалифицированный, а в селах еще больше), то на работу, требующую высшего образования, предложение в целом несколько превышает спрос.

Эти данные свидетельствуют, что для всех народов одинаково необходимы популяризация рабочих профессий, внедрение в сознание людей необходимости и применимости для различных занятий достаточно высокого уровня образования и культуры в целом, наконец, осознание возможности активного использования своих индивидуальных способностей в разных сферах жизни. С этой точки зрения особенно важно использовать механизм вовлечения населения в систему управления, что даст возможность не только рационализировать саму систему, но и ответить психологическим потребностям (активизации социальных ролей) современного человека, независимо от того, каким видом деятельности он занимается. Активизация ролей личности требует также расширения поля и сферы применимости культурного кругозора, выходящего за пределы исполняемых людьми производственных ролей. Эти социальные требования, ощутимые во всех национальных регионах, особо значимы там, где давно сложился профессиональный костяк современного рабочего класса и где особенно дают о себе знать новые социальные запросы и нужды высокообразованных слоев «кадровой» интеллигенции.

2. КУЛЬТУРА КАК ОБЩЕСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ

Нормативная модель демократизации культуры предполагает максимальное участие трудящихся в освоении культурных ценностей. Естественно, культура населения не является изолированной зоной общественного разви-

тия, и преобразования в этой сфере выступают как следствие реальных изменений в социально-экономической жизни. Но как показывает анализ развития культуры, существенную трансформацию всего духовного облика людей, их потребностей и стремлений нельзя объяснить лишь как автоматическое следствие урбанизации, индустриализации, научно-технического прогресса. Количественные изменения в уровне образования, культурных навыков людей настолько значительны, что исключают возможность их объяснения только практическими целями социально-экономического развития.

Конечно, образование, которое в прошлом было достоянием ограниченного круга людей, отвечает теперь задачам эффективного развития производительных сил, приобретает «инструментальный» характер, т. е. становится социально-профессиональным средством, с помощью которого достигают своего положения в обществе очень широкие массы. Но образование имеет и еще более глубокое значение. Оно не только дает систему стандартизованных культурных знаний, но и готовит тем самым всех людей к активному восприятию духовных ценностей, которые передаются различными каналами информации.

Образованные люди, если говорить языком теории социологии культуры, представляют большую общность, испытывающую унифицированное культурное воздействие (в том числе идеологическое). Культурным потребностям ее в значительной мере отвечают средства массовой информации. Причем в отличие от аудитории системы образования аудитория средств массовой информации произвольна, активность людей здесь почти «не организована» (мало организована). Однако селективность (избирательность) информации как раз и обусловлена в значительной мере действием и характером образования.

Известно, что стремление людей к знаниям, информированности в сфере культуры возникает не само по себе, а под влиянием наиболее распространенных стандартов поведения, окружающего общественного мнения. И поэтому, чем больше становилось образованных и квалифицированных людей, тем сильнее их образ жизни воздействует на другие слои общества. Интеллигенция, рабочие, колхозное крестьянство, работники умственного и физического труда не являются замкнутыми,

изолированными группами. Тесное общение их имеет место не только на производстве, но и в быту, в том числе и в системе семейно-родственных отношений.

По данным социологических исследований, социально-гетерогенное общение, в том числе и в быту, довольно распространено ($\frac{1}{5}$ работников физического труда среди узбеков, молдаван, грузин и 40% среди русских имеют друзей из среды лиц умственного труда). Постоянное общение влияет на усиление однородности и схождения в «культурном» поведении и интересах в духовной жизни, причем, как правило, в соответствии со стандартами, характерными для более квалифицированных групп.

Естественно, увеличение схождения в нормах культурного поведения может быстрее идти у народов, в среде которых и в прошлом уже был достигнут известный минимум образования. В середине 70-х годов, когда проводились первые этносоциологические исследования по Всесоюзной программе «ОСУ» («Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения советских наций»), у эстонцев среди людей, занятых неквалифицированным физическим трудом, 78% в городах и 75% в селах уже имели образование более чем начальное. А среди узбеков такой же квалификации даже в городе образование выше начального было у 57%. Конечно, эстонцам сравнительно проще приобщаться к современным стандартам культурного поведения и формам досуга — регулярному чтению газет и литературы, просмотру телепередач, посещению кино и театров, музеев, концертов и т. д.

Но хотя между народами различия в характере и интенсивности их культурно-досуговой жизни пока и заметны, важно, что они с течением времени быстро и последовательно исчезают. И чем дальше, тем очевиднее становится схождение в восприятии культурной информации населением в самых разных национальных регионах страны.

Все народы, во всяком случае в сходной среде — в городской или сельской, имеют уже много общего в интенсивности приобщения к атрибутам современной культуры. Это убедительно отражается конкретными данными «ОСУ». Судя по ним, в республиканских столицах и крупных городах, где проводилось исследование, культурно активные группы разных народов распределены в

основном в сходных пропорциях. «Активность» фиксировалась по наиболее «качественным» атрибутам культурного досуга — чтению художественной литературы, интересу к театру и любительским занятиям — «хобби».

Оказалось, что в пропорциях «активных» групп и полярных — «культурно пассивных» (не читают художественной литературы, не ходят в театр и т. д.) у разных наций в сходной среде много общего. Довольно значительная часть каждого народа в столичной среде «активна», «пассивные» (здесь во всяком случае) оказываются в меньшинстве. Среди грузин-тбилисцев почти половина принадлежит к числу «активных» и только 10—15% — «пассивных». Среди узбеков, проживающих в Ташкенте, несмотря на наличие у них больших семей, почти $\frac{1}{3}$ — «активные», примерно в 2 раза здесь меньше «пассивных».

Этим категориям населения — «активным» и «пассивным» — у всех народов присущи сходные социально-демографические характеристики. «Культурно активные», как правило, намного моложе остальных: у грузин и русских — $\frac{2}{3}$, узбеков — $\frac{4}{5}$ — это люди в возрасте до 40 лет. По крайней мере половина лиц этой категории имеют высшее образование (включая неполное), являются членами партии или комсомольцами, занимаются общественной работой и т. п. «Культурно пассивные» имеют контрастные характеристики: $\frac{2}{3}$ их у каждого народа (64% у грузин и узбеков, 65% у русских) — это люди в возрасте 50 лет и старше, среди них преобладают менее образованные, нередко верующие, даже в сходных возрастных группах у них относительно традиционнее бытовые отношения, в частности больше детей.

В силу этих обстоятельств у одних — «культурно активных» — социально-профессиональный рост облегчается, у других — «пассивных» — затрудняется. Даже длительность стажа и соответственно опыт работы не обеспечивают «культурно пассивным» каких-либо преимуществ.

Характерны данные по Саратову. Здесь населению специально задавался вопрос о служебном продвижении за разные отрезки времени — 5, 10 лет. Не мешает ли культурно-досуговая активность социально-профессиональному росту? Оказывается, наоборот, в течение 10 лет у $\frac{2}{3}$ «культурно активных» наблюдался служебный и профессиональный рост, а у «пассивных» — толь-

ко у $\frac{1}{4}$. Причем опять преимущества «активных» давали о себе знать даже в идентичных возрастных группах.

Хотя сочетание таких признаков, как «культура» (регулярное чтение художественной литературы, интерес к театру, «хобби») и социально-профессиональный рост, было довольно частым, оно не было, конечно, обязательным. Немало встречалось и «обособленных» групп — только «культурных» или только социально мобильных. Те и другие в сумме приблизительно соответствовали доле группы, сочетающей оба признака.

Встает очень существенный вопрос: какой в конечном счете эффект имеет в этом случае культурно-досуговая активность? Способна ли она сама по себе удовлетворить человека, или такой результат возможен только в сочетании с другими существенными преимуществами, в частности социально-профессиональным ростом?

Индикатором оценки культурно-досуговой активности при такой постановке вопроса в какой-то мере могут служить социальные настроения населения. В нашем исследовании они фиксировались, в частности, ответами на вопрос: «Как Вы оцениваете свою жизнь в целом? Становится ли она лучше с течением времени?» Выяснилось, что у всех людей исследованных наций заметно доминировали положительные оценки изменения жизни, мало зависящие от пола, занятий, семейного положения и других жизненных характеристик. Но ответы не были во всех случаях одинаковыми. Наиболее оптимистичными они оказались все же при сочетании социально-профессионального роста и культурной активности, причем для молодежи именно культурная активность занимала особое место. В Саратове, например, среди людей преимущественно молодого возраста (18—39 лет) высокая культура досуга оказалась весьма существенным фактором социального самочувствия, даже более значимым, чем социальный рост. Во всяком случае в «культурно-активных» группах $\frac{3}{4}$ людей молодого возраста давали оптимистическую оценку своей жизни. При достаточной интенсивности культурного досуга (чтение, театр, «хобби») они считали, что жизнь «становится лучше» (70—80% ответов), причем совершенно независимо от того, менялось или нет за это время их социально-профессиональное положение. Не случайно эти положительные оценки резко снижались у подавляющего большинства той части социально-иммобильной молодежи, которая не

имела этих ярко выраженных культурных интересов и не вела активной культурно-досуговой жизни. Среди них в возрасте 18—29 лет при отсутствии социально-профессионального роста только 15% считали, что их жизнь становится лучше. Причем и семья не выручала: низкие оценки жизни «культурно пассивной» и немобильной группой доминировали почти независимо от наличия семьи и детности.

Результаты эти, хотя они требуют, конечно, проверки и подтверждения, позволяют выдвинуть весьма существенную гипотезу о емкости и значимости компенсации социальных ожиданий культурной активностью.

Надо ли говорить, что в условиях распространения всеобщего среднего образования, когда производственное использование и применимость его не всегда могут оказаться полными и достаточными, культурная активность как потенциал жизнедеятельности и источник социального оптимизма может быть практически весьма значимой.

Конечно, культурно-досуговая активность, о которой здесь идет речь, имеет для человека преимущественно сопутствующее значение, т. е. не может и не должна этим ограничиваться. Но тем не менее сейчас такая активность уже и сама по себе в определенной мере играет компенсаторскую социальную роль, влияя на социально-психологический климат и настроения. Остается фактом, что в известной мере благодаря культурной активности высокая оценка жизни и сопутствующий ей социальный оптимизм характерны и для той части населения, которая не ощущает своего социального роста, тогда как, если исключить и то и другое — социальный рост и культурно-досуговую активность, оценка жизни у молодежи может сразу и резко снизиться. Таким образом, оказывается, что культурная активность способна предотвратить или обезвредить опасность ложного осознания своей социальной недостаточности немобильной или иммобильной частью населения.

Государственная направленность социально-культурного воспитания в этом случае может иметь дополнительные «выходы» (результаты), кроме тех, которые ей изначально предназначены. Главное, на что ориентирована государственная политика в сфере культуры, — подготовка людей к активной реализации ими принятых советским обществом социальных ролей. В этой связи

особое значение для страны имеет образование, развитие общей и политической культуры.

Право на образование гарантируется Конституцией СССР. Культура и образование — инструменты формирования общественного сознания, реализации политических и социальных целей, в том числе задач научно-технического прогресса в советском обществе.

Политика государства в области культуры и образования на разных этапах жизни нашей страны являлась предметом специального изучения в исторической литературе⁴. Поскольку целью данной работы является анализ культурной жизни людей в 70—80-е годы — период, который в исторической литературе фундаментально не рассматривался, — мы кратко остановимся на основных вехах государственной политики в области народного образования и частично культуры — тех ее аспектах, которые более непосредственно связаны с повышением уровня культурного развития наций, с сохранением национальных, народных традиций и т. п.

Наибольшее внимание в 70-е годы было привлечено к совершенствованию школьного образования. В 1972 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли специальное постановление «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы»⁵. Для того чтобы обеспечить получение всей молодежью среднего образования, не только мобилизовывалась дневная школа, но и намечались меры по улучшению работы вечерних и заочных школ, распространялась практика завершения образования учащимися в профессионально-технических училищах (ПТУ). В эти годы больше внимания стало уделяться преподаванию русского и родного языка в национальных школах. Как школьный предмет развивалось политехническое обучение, систематически расширялась сеть ПТУ, готовящих квалифицированных рабочих со средним образованием.

В конце 70-х — начале 80-х годов в стране широко обсуждалась проблема совершенствования школьного обучения, воспитания и подготовки учащихся к труду.

30 августа 1977 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР, реализуя решения XXV съезда КПСС, приняли постановление «О дальнейшем совершенствовании процесса обучения и воспитания учащихся системы профессионально-технического образования»⁶, предусмат-

рывающее рациональное размещение и наиболее полный охват молодежи профессиональным и общим образованием. Филиалы технических училищ создавались на сельскохозяйственных предприятиях, в колхозах, на стройках. В целях обеспечения единых требований все ведомственные ПТУ в течение пятилетки передавались в систему профтехобразования; предусматривались меры совершенствования подготовки их преподавательских кадров. Для стимулирования качества обучения ПТУ давалось право 10% выпускников, оканчивающих обучение с оценками «отлично» и «хорошо», направлять в высшие учебные заведения. А в постановлении от 22 декабря того же года «О дальнейшем совершенствовании обучения, воспитания учащихся общеобразовательных школ и подготовки их к труду»⁷ подчеркивалось, что выпускники средней школы должны в процессе обучения вплотную подойти к овладению определенной профессией.

В союзных республиках в 9—11-х классах время на трудовое обучение увеличилось с 2 до 4 часов и дополнительно 2—3 часа в неделю отводилось на изучение русского языка. Предусматривалось расширение приема детей в подготовительные классы. В целях расширения и повышения подготовки кадров для школы университетам предлагалось определить число и профиль выпускников, направляемых работать в школы.

В 1984 г. ЦК КПСС и Советом Министров СССР принимаются два развернутых постановления: «О дальнейшем совершенствовании общего среднего образования молодежи и улучшении условий работы общеобразовательных школ» и «О дальнейшем развитии системы профессионально-технического образования и повышения ее роли в подготовке квалифицированных рабочих»⁸.

Школьная реформа предусматривает постепенный (с 1986 по 1990 г.) переход на 11 (12)-летний срок обучения детей с 6-летнего возраста. В связи с дополнительным временем на трудовое обучение увеличена продолжительность учебного года. Вместе с тем запрещено отвлечение учащихся во время учебного года на сельскохозяйственные работы. Предусматривается обучение основам ЭВМ в старших классах, а за 1986—1990 гг. — завершить создание и укомплектование необходимым оснащением всех кабинетов и мастерских. На этот же период намечается ввод новых школ не менее чем на

7 млн. мест, в том числе на 2,64 млн. — в сельской местности⁹.

Обращает на себя внимание, что в постановлениях Совета Министров за 80-е годы об использовании средств Всесоюзных коммунистических субботников каждый раз в первую очередь основные средства выделялись на строительство школьных и дошкольных учреждений¹⁰.

Постоянное внимание Коммунистической партии и Советского правительства обращается на совершенствование высшего и среднего специального образования, учебных планов вузов, развитие в них науки, использование в учебном процессе электронно-вычислительной техники. За вузами были закреплены базовые предприятия. Еще в августе 1974 г. ЦК КПСС и Советом Министров СССР принято постановление «О мерах по дальнейшему совершенствованию руководства средними специальными учебными заведениями и об улучшении качества подготовки специалистов со средним специальным образованием»¹¹. Оно расширяло права и ответственность республиканских ведомств. Сельскохозяйственные учебные заведения были, как правило, переданы в их ведомство. Соответствующим постановлением Совета Министров СССР¹² (27 января 1978 г.) предусматривалась концентрация студентов в учебных заведениях, имеющих необходимую базу и кадры. При этом между республиками и районами осуществляется кооперация в подготовке специалистов. Данные меры должны были быть использованы для подготовки специалистов и обеспечить более правильное соотношение ИТР и техников в каждой отрасли.

В одном из постановлений, принятом 15 июня 1981 г.¹³, Совет Министров СССР обязывал к 1985 г. расширить прием (при сохранении численности общего ежегодного приема) на 5% на вечернее и заочное обучение. Республики имели право расширить в течение 1982—1985 гг. лимит на эти виды обучения за счет своего бюджета. При планировании распределения кадров в первую очередь удовлетворялись потребности ведущих отраслей народного хозяйства и районов Сибири и Дальнего Востока. В целях регулирования социального состава студенчества в 1981—1985 гг. осуществлялось постепенное увеличение (до 50%) приема молодежи на подготовительные отделения при вузах для обучения без отрыва от производства.

В связи с темой исследования обратим внимание также на политику государства по отношению к народным художественным традициям, промыслам и памятникам истории и культуры. 60—70-е годы были временем, когда внимание общественности и государства к народным национальным традициям заметно возросло. В 1975 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР, учитывая, что в стране насчитывается свыше 200 традиционных народных промыслов, рекомендовали министерствам и ведомствам в постановлении от 29 января «О народных художественных промыслах»¹⁴ рассмотреть вопрос об их состоянии и развитии, о выделении для их деятельности необходимых средств, сырья, материалов, о подготовке соответствующих специалистов.

В 1976 и 1979 гг. Советом Министров СССР были приняты постановления о развитии самодеятельного художественного творчества. Предусматривалось регулярно проводить массовые праздники песни и танца, творческие концерты, смотры клубной самодеятельности. Гостелерадио обязывалось регулярно освещать достижения художественной самодеятельности. На Министерство культуры СССР возложено научно-методическое руководство самодеятельным художественным творчеством в стране¹⁵.

В 1982 г. принимается положение об охране и использовании памятников истории и культуры, в котором предусмотрены подготовка кадров реставраторов, выделение средств на реставрацию и обеспечение сохранности памятников, издание специальной литературы¹⁶.

Государственная политика демократизации культуры, как и в прошедшие годы, выражается в регулировании (путем дотаций) цен на билеты за вход в учреждения культуры, цен на книги и журналы, оплаты за пользование радио- и телевизионными точками, и т. д. Средствами массовой информации, общественными организациями создавалась обстановка стимулирования и поощрения образования, повышения уровня культуры, развития художественного творчества. По этим каналам просвещения многое делается для идейного воспитания населения. Идеологической работой, ведущейся через разветвленную систему пропаганды, средства массовой информации, систему образования, активизировалось участие людей в культурной жизни общества.

ГЛАВА II

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Культура людей, их духовные потребности и интересы зависят от многих обстоятельств. Они стимулируются социальными потребностями людей, их местом в трудовой жизни. Но в немалой мере потребности и интересы человека зависят от той среды, в которой он живет. Среда эта определяется и контактирующими людьми, и материальными условиями, возможностями приобщения к культуре. Эти условия определяются обычно в исторической литературе как материальная база культуры. Поскольку нас интересуют условия жизни людей разных национальностей, в центре внимания — изучение культурной среды в масштабах национально-государственных образований.

Формирование современной базы культуры прошло уже относительно длительный исторический период. Остановимся на 70—80-х годах и рассмотрим значение этого периода в развитии системы образования, культурно-просветительных учреждений и средств массовой информации. Наиболее существенно все основные параметры, характеризующие культурную среду, изменились в 50-е и особенно в 60-е годы. Именно тогда произошло наиболее существенное выравнивание в условиях культурной жизни населения союзных республик (сблизились показатели в обеспечении различных территорий страны школами и клубами, библиотеками и киноустановками, произошел существенный рост выпуска газет, книг, журналов).

В 70-е годы происходили существенные изменения в качественном состоянии культурных учреждений, в изменении значимости различных каналов распространения культуры. При этом важна оценка не только коли-

ественных, но и качественных характеристик культурной среды, непосредственно влияющей на формирование интересов населения. Рассмотрим прежде всего условия культурной жизни тех республик, в которых проходили этносоциологические исследования.

1. ИЗМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

В повышении уровня культурного развития народов важнейшая роль принадлежит системе образования. Условия школьной подготовки — одна из важнейших характеристик культурной среды. В 70-е годы происходили, как известно, важные изменения в системе школьного образования. Если в 50—60-х годах наиболее существенным завоеванием в этой области культуры было осуществление всеобщего 7-летнего образования, то 70-е годы характеризовались переходом на всеобщее среднее образование. Перестраивалась вся система школьной подготовки, менялся профиль школ, но численность их существенно не менялась, ибо указанная перестройка происходила в основном на базе уже функционирующих школ. В среднем в республиках, так же как и в предшествующие годы, в расчете на 1 тыс. населения приходилось примерно 2 школы. В несколько лучшем положении (с точки зрения нагрузки школ по числу учащихся) были жители Эстонии, Грузии, РСФСР, Латвии, из среднеазиатских республик — Узбекистана. Наибольшая нагрузка школ по числу детей была в Киргизии, Казахстане, Армении¹. Важно отметить, что существенно менялась техническая оснащенность школ с точки зрения преподавания в них специальных предметов. По оценкам специалистов в области системы образования, в наилучшем положении в этом отношении были школы центральных районов РСФСР, республик Прибалтики, Украины. Очевидно, выделялись в этом плане столицы всех союзных республик и крупные города.

В связи с новой системой подготовки учащихся, рассчитанной на более раннее подключение детей к сложным видам счета и обучения языку, существенно повышается роль дошкольного воспитания. Советское государство всегда проявляло большую заботу о дошкольном воспитании детей, но в современных условиях значительно выросли материальные возможности расшире-

ния системы детских учреждений. Если в 1960 г. было 70,6 тыс. дошкольных учреждений, которые обслуживали 4 428 тыс. детей, то в 1970 г. — 102,7 тыс., и их посещало 9 281 тыс. детей, а в 1984 г. 137,9 тыс. учреждений посещало 15 768 тыс. человек². Число внешкольных детских учреждений, дворцов и домов пионеров, станций и клубов юных техников, натуралистов, детских музыкальных учреждений и других внешкольных учреждений выросло с 64 850 тыс. в 1970 г. до 112 314 тыс. в 1984 г.³

В республиках, где проводились этносоциологические исследования, обслуживание детскими дошкольными учреждениями существенно различалось. Наиболее широким оно было в РСФСР и Эстонии. Уже в начале 70-х годов в Эстонии $\frac{2}{3}$ городских детей и в РСФСР более половины воспитывались в детских садах. Но в сельских районах этих республик общественным воспитанием было охвачено менее $\frac{1}{5}$ детей. В городах Молдавии дошкольными учреждениями была охвачена практически та же доля детей, что и в РСФСР. Иной была ситуация в Грузии и Узбекистане. В городах этих республик дошкольные учреждения посещали не более трети детей в возрасте до 7 лет, а в сельских районах — примерно 5 из 100 детей. На XXI съезде Коммунистической партии Узбекистана в январе 1986 г. было отмечено серьезное отставание в решении социально-культурных и бытовых вопросов, особенно на селе. «Обеспеченность детскими и дошкольными учреждениями в республике составляет 37 процентов, а в Каракалпакской АССР, Кашкадарьинской, Джизакской областях — 20—25»⁴.

В городах Узбекистана дети из русских и украинских семей посещали детские учреждения чаще, чем дети из узбекских семей. Связано это прежде всего с тем, что в узбекских семьях больше многодетных матерей, которые не работают, и, как правило, в таких семьях есть представители старшего поколения, готовые принять участие в воспитании маленьких детей.

Обратим внимание на то, что детские дошкольные учреждения, облегчая воспитание подрастающего поколения, выполняют и такую функцию, как языковая подготовка детей для обучения, а впоследствии и для работы в многонациональных коллективах. Специалисты, изучавшие эту проблему, отмечают, что знание языка межнационального общения у детей нерусских нацио-

альностей, воспитывавшихся в дошкольных учреждениях, значительно лучше, чем у тех, которые их не посещали. Для воспитания школьников младшего возраста большое значение имело расширение числа школ с продленным днем (в начале 70-х годов таких школ в стране насчитывалось 64,3 тыс., а в 1984/85 учебном году — 85,8 тыс.). Численность учащихся в группах продленного дня увеличилась в РСФСР, Эстонии, Молдавии вдвое, в Грузии — в 3 раза, а в Узбекистане — в 5 раз⁵.

Введение всеобщего среднего образования существенно сказалось на подготовке учащихся. В 1950 г. были существенные различия в показателях по доле учащихся старших классов между Грузией и Молдавией, где они были полярными. Уже в середине 70-х годов такие различия были преодолены. Конечно, возможность получить полное среднее образование отнюдь не означала, что все проблемы, связанные со школьной подготовкой, были решены. Назрели вопросы совершенствования учебных программ, лучшего оснащения кабинетов, трудового воспитания и, наконец, очищения нравственных норм в школе от наслоений, не соответствующих социалистическому образу жизни. О работе школы, осуществлении школьной реформы говорилось на съездах коммунистических партий союзных республик, предшествовавших XXVII съезду КПСС. Так, ЦК Компартии Эстонии, показав примеры хорошего сотрудничества школ и предприятий, обратил внимание на то, что «политическая культура школьников и студентов находится в прямой зависимости от политической культуры преподавателей». Были приведены примеры положительной работы в этом отношении Нарвского горкома, Ленинского, Хаапсалусского райкомов; применительно к профессорско-преподавательскому составу вузов Таллина и Тарту, которые готовят и преподавателей школ, были высказаны пожелания проявления большей активности⁶.

О высокой общественной миссии учительства говорилось на XXVII съезде Коммунистической партии Грузии. Отмечалось, что «нужен тщательный подбор педагогических кадров с учетом идейно-политических, морально-этических... качеств». Обращалось внимание «на полную запущенность комплектации педагогического состава и контингента учащихся вечерних и заочных школ работающей молодежи, где вскрыты крупные нарушения. Для определенной части молодых людей, чаще всего из обес-

печенных семей, эти школы стали своего рода лазейкой для получения льгот при поступлении в высшие учебные заведения. В школах продолжают иметь место факты... подношений и т. д. Министерству просвещения... — указывал съезд. — придется много и настойчиво поработать с тем, чтобы искоренить имеющиеся в системе существенные недостатки и нарушения». Речь шла также о необходимости поднять в республике общественный престиж системы профтехобразования⁷.

Подготовка детей в школах в республиках проходит на своем родном языке, а также на русском языке. Возможность людей получать общее образование на родном языке — очень существенное обстоятельство. Для наций союзных республик существует широкая сеть системы образования от школы до вуза на своем языке и на русском. В автономных республиках имеются школы с национальным языком, педагогические вузы и училища с преподаванием на родном языке, но вузы, как правило, работают на русском языке.

Каждая республика в зависимости от потребностей населения обеспечивает возможность обучения на родном языке. В Грузии, например, обучение ведется на грузинском, русском, осетинском, абхазском, армянском и курдском языках. В педагогических вузах Грузии ведется подготовка учителей для обучения в школах на этих языках⁸.

Как известно, в союзных республиках существует сеть высших и средних специальных заведений, в том числе университеты. Имеются университеты и в большинстве автономных республик. Кроме того, люди различных национальностей имеют возможность получить специальное образование в учебных заведениях других республик нашей страны. Особенно большую роль в подготовке кадров в республиках играют вузы Москвы, Ленинграда, Кисва, Свердловска, Ростова-на-Дону. За 70-е годы в стране появилось 86 новых высших учебных заведений. В республиках, где были наиболее высокие показатели подготовки специалистов с высшим образованием, число вузов не изменилось (в Грузии, Латвии, Эстонии, Армении). В наибольшей мере число высших учебных заведений выросло в РСФСР, на Украине, в Белоруссии, Узбекистане, Казахстане, Азербайджане, Таджикистане, Туркмении⁹, т. е. в тех республиках, которые в наибольшей мере либо нуждались в расшире-

ни профиля подготовки специалистов с высшим образованием, либо обеспечивали подготовку кадров новых специальностей, необходимых для всей страны. Что касается числа обучающихся студентов, то рост их имел место и в республиках, где число высших учебных заведений не изменилось. И в Эстонии, и в Молдавии, и в Узбекистане (в республиках, где проводились наши исследования) число студентов в вузах постепенно увеличилось. Относительно стабильным оно оставалось при некотором колебании по годам обучения в Грузии — 89,3 тыс. в 1970/71 учебном году, 82,8 тыс. в 1975/76, 89,0 тыс. в 1984/85)¹⁰. Как известно, в этой республике уже достигнуты самые высокие в стране показатели подготовки специалистов с вузовским образованием (в расчете на население). Поэтому перед высшей школой Грузии стояли проблемы рационального планирования и использования специалистов. «Минвузу и Госплану, — говорилось в Отчетном докладе ЦК Компартии Грузии XXVII съезду Коммунистической партии Грузии, — пора по-государственному подойти к решению этого вопроса, который может привести к сложным социальным последствиям»¹¹.

Общая закономерность проявлялась в значительном росте числа студенческих мест в тех республиках, где ранее этот показатель был более низким относительно численности всего их населения. Такой процесс происходил в Белоруссии, Литве, Казахстане, а из республик, в которых проводились этносоциологические исследования, — в Молдавии. Принципиально важным с точки зрения осуществления национальной политики Советского государства был рост числа студентов из состава лиц коренных национальностей. За 60—70-е годы число студентов вузов увеличилось в союзных республиках (относительно всего населения) в 1,5—2 раза, а по коренным нациям — более чем в 2,5 раза. В итоге произошло сближение показателей между нациями с наиболее высокой долей студентов и нациями с наименьшей их долей.

В 60-е годы число студентов вузов в союзных республиках относительно всего населения было выше, чем среди коренных наций, проживающих в них. В 70-е годы такая тенденция принципиально изменилась: среди большинства коренных наций союзных республик относительное число студентов стало выше, чем среди населения республик в целом. Поскольку основными груп-

пями инонационального населения в большинстве союзных республик были русские и украинцы, это означало, что доля студентов среди этих национальностей и некоторых других несколько уменьшилась по сравнению с коренными нациями. Но при этом нужно учитывать, что русские и хорошо знающие русский язык украинцы, белорусы могли получать в большей мере высшее образование в вузах РСФСР, поэтому данные показатели выравнивались. Важно подчеркнуть другое — все нации союзных республик вполне сравнялись с русскими в возможности получения высшего образования.

Рост образования стимулировал существенное расширение культурных потребностей населения во всех регионах страны, и, естественно, материальная база культурных учреждений не могла не реагировать на эти потребности. Учитывались они в разной мере. Наиболее массовыми учреждениями культурно-просветительной службы, как и прежде, были клубы, библиотеки, киноустановки. В отличие от предшествующих двух десятилетий в последние 10—20 лет число их в большинстве районов страны оставалось относительно стабильным, а развитие выражалось в первую очередь в совершенствовании качественных показателей. Так, сократилось число клубных учреждений со сравнительно небольшими залами, около половины сельских клубов и домов культуры размещалось теперь в специально выстроенных типовых постройках. Специальные исследования показали, что число клубных учреждений выросло в Узбекистане и Грузии, но главным образом в сельских районах. Складывалась такая ситуация, что в некоторых районах страны сельские клубы нередко были оборудованы лучше, чем городские.

Совершенствование клубной работы упиралось в отсутствие стабильных кадров. К 1980 г. лишь 7% работников клубов имели специальное высшее образование. Из направленных в 1978—1980 гг. Министерством культуры РСФСР для работы в клубах осталось к 1981 г. на местах лишь 51%. Сказывалось не только отставание оплаты труда культпросветработников от оплаты других категорий специалистов с высшим и средним специальным образованием, особенно в сельских районах, но и недостаточная забота о бытовых условиях работников. Аналогичным было и положение библиотечных работников. Качественное совершенствование библиотек за это

ремя проявилось главным образом в росте библиотечных фондов, росте обращаемости книг в библиотеках.

В связи с общей темой работы интересно и важно проследить языковой состав библиотечных фондов и книговыдачи. По данным на 1980 г., в республиках, в которых проходили наши исследования, литература на русском языке составляла в массовых библиотеках большую долю. В Узбекистане и в Молдавии литература на русском языке составляла 80% фондов, в Эстонии — 83, в Грузии — 39,6%. Книговыдачи на русском языке в Узбекистане — 66%, Молдавии — 95, Эстонии — 72, Грузии — 34,4%.

Литература на языках коренных национальностей составляла в фонде массовых библиотек Узбекистана 18%, Эстонии — 11, Молдавии — 16, Грузии — 38,4%; книговыдача в Узбекистане на языках коренных национальностей — 33,4%, Эстонии — 25, Молдавии — 3,5, Грузии — 63%¹². В целом фонды библиотек республик на 72,5% состояли из русскоязычной литературы и на 19,24% из литературы на языках коренных национальностей. Эти данные близки к диапазону книгоизданий в этих республиках. Что касается библиотек отдельных республик, то различие в их фондах и книговыдаче на русском и языках коренных национальностей довольно значительно. Для большинства республик (10 из 14), как отмечают специалисты, характерен более низкий процент книговыдачи на русском языке сравнительно с величиной русскоязычного фонда. Что касается выдачи литературы на языках коренных национальностей, то книговыдача в 11 республиках была выше доли этой литературы в фондах (различие от 8% в Киргизии до 25% в Грузии и Армении)¹³. Видимо, это свидетельствует о том, что библиотечные фонды не всегда соответствуют языковым потребностям читателей. Этот вывод подтверждают и данные об обращаемости литературы на русском и языках коренных национальностей в республиках¹⁴. Во всех союзных республиках (кроме Белоруссии, Азербайджана, Молдавии) обращаемость литературы на языках коренных национальностей больше, чем на русском. В Узбекистане и Грузии, например, обращаемость книг на национальных языках практически в 2 раза выше, в Эстонии более чем в 2 раза выше, чем книг на русском языке. В Молдавии же обращаемость литературы на молдавском языке в 6 раз меньше, чем на

русском. В составе книговыдач почти всегда преобладает русскоязычная литература. Тем не менее в библиотеках Грузии, Литвы, Армении литературы на языках коренных национальностей выдается почти вдвое больше, чем на русском¹⁵. Связано это, видимо, не только с языковой компетенцией населения, но и с ценностью национальной литературы для соотечественников.

С точки зрения интереса к книге 70-е годы характеризовались так называемым читательским бумом. Книги было трудно купить не только потому, что выросла их престижность, но и потому, что существенно выросло и число читателей, и интерес к литературе. Повышению спроса на книгу способствовали и различные средства информации, прежде всего телевидение, а также рекламы через прессу. По данным специальных исследований, у значительной части телезрителей (свыше 40%) аудиовизуальные интересы перерастали в читательские, т. е. после просмотра телеспектакля или телефильма люди стремились обратиться к чтению литературы, подробнее узнать о том, что было просмотрено по телевизору.

Существуют и другие точки зрения, в том числе зарубежных исследователей, считающих, что роль книги в системе социальной коммуникации снижается и снижение будет прогрессировать¹⁶. Советский опыт изучения читательских интересов в большой мере свидетельствует об обратном, о взаимодействии различных средств массовой информации, не снижающем, а повышающем интерес к чтению. Это, кстати, подтверждается и постоянным ростом домашних библиотек и книжным дефицитом на популярную литературу, существующим практически повсеместно по всей стране.

Выпуск книг и брошюр в 70-е — начале 80-х годов в целом постоянно повышается. Особенно заметен рост в Белоруссии, Узбекистане, Казахстане, Грузии, Молдавии, Латвии, Таджикистане, Эстонии (в 8 из 15 союзных республик). Увеличилось число издаваемых книг в Киргизии и Туркмении¹⁷, но здесь очень высоким был и прирост населения, поэтому относительные показатели обеспеченности населения новой литературой почти не отличались от других районов страны.

Поскольку в 50—60-е годы тиражи изданий книг и брошюр были особенно большими, постольку в последующее десятилетие темпы роста тиражей в расчете на душу населения несколько снизились. В конце 70-х и в

начале 80-х годов тиражи книг снова начали расти. Тиражи изданий повысились в РСФСР, Белоруссии, Эстонии, на Украине, в Казахстане, Литве, Молдавии, Киргизии, практически не изменились в Узбекистане, Таджикистане и Туркмении; а в Закавказских республиках в начале 80-х годов даже немного сократились.

Годовой тираж журналов в целом в СССР за 70-е годы несколько сократился, но в республиках Прибалтики, а также в Азербайджане и Киргизии в расчете на душу населения тираж журналов несколько увеличился. Наиболее высокими эти показатели оставались в республиках Прибалтики и РСФСР.

Важно рассмотреть и издание книг на языках коренных национальностей в республиках. Доля книг, изданных на языках коренных национальностей, была наиболее высокой в Латвии, Эстонии, Литве, а также в республиках Закавказья. Литература, издаваемая на русском языке, составляла кроме РСФСР большую долю в Белоруссии, Молдавии, на Украине, а также в республиках Средней Азии и Казахстане. Что касается тиражей книг на языках коренных национальностей, то наиболее заметным рост их был в Эстонии. Тиражи книг в расчете на душу населения на украинском, грузинском, армянском, литовском языках в 70-е годы практически не менялись. У остальных наций союзных республик они даже немного понизились¹⁸.

По оценкам социологов, изучающих процесс интернационализации чтения, в целом по республикам издание книг на русском языке и языках коренных национальностей соответствовало читательским потребностям, что связано в значительной мере с распространением двуязычия в каждой из республик. Поскольку книги, издаваемые в центральных издательствах, в республиках часто купить было труднее, чем в центральных районах РСФСР, ощущалась нехватка в ряде республик книг, издаваемых на русском языке.

Специалисты Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, изучавшие читательские интересы села на Украине, в Казахстане, Таджикистане, установили, что сельские библиотеки располагали всего несколькими десятками книг, а иногда и единицами на русском языке (нередко в сельских библиотеках Белоруссии, Узбекистана, Закавказских республик, Латвии их вообще не было). Если тиражи книг и брошюр росли мед-

ленно, вообще не менялись или сокращались, и поэтому существенных изменений в обеспечении литературой республик в сравнительном аспекте не произошло, то в отношении тиражирования журналов различия между республиками сокращались. По обеспеченности журналами на родном языке одно из первых мест занимают народы Прибалтики и русские. Меньшими были тиражи на языках коренных народов у белорусов, таджиков, казахов, азербайджанцев, армян, туркмен, но зависело это главным образом от читательских потребностей, т. е. от языковой компетенции населения, проживающего в республиках.

Из материалов прессы в 70-е и 80-е годы видно, что главным для общества было отнюдь не число изданий литературных произведений, а их качество. Литературе, как и искусству, принадлежит ответственная миссия в духовно-нравственном обогащении людей, идейно-воспитательном процессе. Естественно, в каждой республике гордились высшими наградами страны и международными призами, которых удостоивались лучшие произведения творческих работников. Вместе с тем показательно, что в республиках на съездах компартий, предшествовавших XXVII съезду КПСС, не только говорилось об успехах творческих организаций, но и проявлялась забота об идейно-художественных качествах произведений. На XIX съезде Коммунистической партии Эстонии в феврале 1986 г. отмечалось, что в истекшей пятилетке, как никогда прежде, выросла материальная база культуры, «и все же... есть недостатки и недоработки в этой области. В творчестве части нашей художественной интеллигенции недостаточно раскрываются проблемы широкого общественного звучания. Тревожит шаткость идейных позиций, оторванность от настоящей жизни отдельных литераторов, режиссеров, художников»¹⁹.

ЦК Компартии Грузии, отметив успехи грузинской творческой интеллигенции, «небывалое оживление культурной жизни в автономных формированиях», ориентацию на то, «чтобы лучше могли раскрыть свой творческий потенциал и представители русской, армянской, азербайджанской, курдской, греческой художественной интеллигенции», одновременно подчеркнул, что «было бы неверным судить о состоянии литературы и искусства только по достижениям». «Тревожит идейно-художественная незрелость, серость, безликость некоторых про-

произведений... Не может не тревожить недостаточная глубина художественного анализа в некоторых произведениях на современную тематику»²⁰.

Выступая на страницах журнала «Театр» в июне 1985 г., Чингиз Айтматов, произведения которого входят в число наиболее популярных в нашей стране, подчеркнул, что важно осмысливать «явления современной национальной культуры гораздо шире национальных рамок... осмысливать происходящее сегодня не только в мировой культуре, но и в своей собственной. Если внутри национальных культур не появится такой мысленно-сущей силы, то они постепенно — но во вполне обозримом будущем — обречены на сильное замедление в своем развитии»²¹.

Нельзя сказать, что ранее смысл и художественное качество произведений не заботило общественность — они всегда были в поле зрения, но национальные художественные школы были молодыми, акценты нередко делались на количественном росте и профессиональном мастерстве, теперь же ведущей, главной заботой стал идейно-художественный уровень литературы.

Книжная продукция во всех ее проявлениях — важнейший массовый канал идейного и художественного влияния на общественное развитие.

Зарекомендовавшим себя средством культурной информации оставалось кино. Стабилизация и даже некоторое сокращение с 60-х годов числа киноустановок сопровождалось строительством более современных помещений для демонстрации фильмов. Это сразу же нашло отражение и в росте числа мест в кинотеатрах на 1 тыс. населения. При стабилизации числа киноустановок в целом по стране в Узбекистане, Молдавии, Грузии, Эстонии наблюдалось увеличение киноустановок, а в РСФСР — сокращение.

Число посещений киносеансов в среднем на одного зрителя с 1970 по 1984 г. по РСФСР сократилось с 22 до 15, в Узбекистане — с 12 до 11, в Эстонии — с 17 до 13, в Молдавии — с 17 до 15, в Грузии — с 12 до 10²². Видимо, в современных условиях не столько доступность кинотеатров, сколько содержание фильмов и интерес к кино вообще в соотношении с другими культурными интересами определяет посещаемость кинотеатров.

Нарекания в выборе тем, подготовке сценариев, работе режиссеров высказывались в адрес киностудии

«Таллинфильм». Даже «Грузия-фильм», киноленты которой получали призы на международных и союзных фестивалях, критиковалась за выпуск серых, посредственных, безыдейных фильмов²³.

Актуальными и злободневными в середине 80-х годов стали произведения, вскрывающие негативные явления, мешающие общественному прогрессу. Деятельность культурно-просветительных учреждений была ориентирована на совершенствование досуга трудящихся в целях борьбы с злоупотреблением алкоголем, стимулирования духовности, противостоящей психологии индивидуализма, стяжательству, непорядочности. Естественно, подготовленность к такой миссии культурных учреждений в разных районах страны, в городах и селах была различной.

С точки зрения насыщенности клубами, библиотеками, киноустановками и вообще развития культурной среды города союзных республик имеют существенное сходство, но сохраняются большие различия в этом отношении в сельских районах. Сельские учреждения культуры, и в первую очередь клубы, отстают от городских и по своей оснащенности, и по квалификационному составу работников²⁴. Среди работников сельских клубно-просветительных учреждений РСФСР было только 2% лиц с высшим образованием, из них 1,7% — со специальным, 68% — со средним, в том числе 20% — со специальным.

10 ноября 1977 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли специальное постановление «О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания сельского населения»²⁵. Оно было направлено на совершенствование самой культурной среды в сельских районах и на большее удовлетворение растущих потребностей сельских жителей.

Известно, что в некоторых индустриально развитых странах сельские районы настолько тесно связаны с городами сетью коммуникаций, что практически сельские жители могут пользоваться услугами культурных учреждений города. В некоторых республиках нашей страны такие городские агломерации тоже реально складываются. Например, в Эстонии, Литве, Латвии, где удаленность сел, как правило, не превышает 60 км от городов, сельские жители имеют возможность посещать концертные залы, театры, музеи. Но в целом для Советского Союза создание подобных агломераций в 70-е годы было

еще исключением, чем правилом, и вряд ли оно важно для повсеместной реализации в ближайшей исторической перспективе. Дисперсное расселение, когда села значительно отдалены от городов, остается пока преимущественным типом большинства районов Советского Союза. Поэтому так остро ставятся задачи по улучшению условий культурной жизни в сельских районах.

Судя по тенденции развития, улучшение сельской культурной среды в последние десятилетия шло опережающими темпами по сравнению с городом. Если в предвоенные годы село отставало от города по всем показателям, то сейчас по ряду важных из них, таких, как школьное обслуживание (число учителей, число детей в школах), численность киноустановок, клубов и библиотек, книжных фондов в расчете на 1 тыс. населения, село опережает город. Совсем незначительна разница по количеству радиоприемников, а также выписываемых газет и журналов. Но в современных условиях сеть клубов и библиотек еще не полностью удовлетворяет интересы сельских жителей.

Средства массовой информации существенно расширяют диапазон потребностей. Как и городские жители, сельские труженики стремятся при непосредственном общении познакомиться и с театральными постановками, и с выставками изобразительного искусства, и с исполнительским искусством актеров. Удовлетворить эти потребности пока возможно главным образом через телевидение. Но, как выясняют социологические исследования, число посещений сельскими жителями городов с целью ознакомления с культурными ценностями возрастает.

В целом для страны и для республик, в которых проходили этносоциологические исследования, имело значение разнообразие культурной среды, связанное с особенностями расселения сельских жителей. Среднеазиатские республики (и в том числе Узбекистан), Молдавия, республики Закавказья, а также часть областей РСФСР входят в зону, где больше половины сельского населения проживает в поселениях, насчитывающих более 1 тыс. жителей²⁶. Проживание в крупных населенных пунктах означает, что культурное обслуживание может быть осуществлено меньшим числом учреждений. С величиной населенного пункта, как показали специальные исследо-

ваний, связан определенный набор культурных учреждений. Наиболее разнообразно и универсально оснащены крупнейшие города страны, столицы союзных республик. Разнообразием материальной базы культуры располагают крупные областные центры РСФСР, Украины, Казахстана, столицы автономных республик, к ним приближаются средние города, а малые города и районные центры городского типа очень близки по уровню культурного обслуживания к крупным сельским поселениям. Причем крупные города отличаются от средних скорее не численностью культурных учреждений, а наличием того ассортимента представляемых культурных услуг, которым не могут располагать малые, а иногда и средние города, например филармониями, специализированными библиотеками.

Крупные села отличаются прежде всего качественной стороной культурного обслуживания. Хотя набор культурных учреждений остается тот же — клуб, школа, библиотека, музыкальная школа и т. д., здесь, как правило, жители чаще могут знакомиться с передвижными выставками, встречать артистов театра, исполнителей концертных и эстрадных программ. Возможности населения разных регионов в приобщении к «городским» видам культуры, судя по специальным расчетам, различаются довольно существенно. Исходя из двухчасовой транспортной доступности городов для сельских жителей регионы заметно различаются, а по доле населения, проживающего за пределами двухчасовой доступности (даже в районных центрах сельского типа), — особенно. Такой уровень доступности выше для сельских жителей в некоторых районах Северного Кавказа и в ряде областей Украины. Что касается Молдавии, Грузии, Узбекистана (районов этносоциологических исследований), то здесь уровень доступности культурных учреждений либо средний для СССР, либо несколько ниже.

По данным Министерства культуры СССР, обслуживание сельских жителей городскими центрами культуры довольно широкое. В 1980 г. в РСФСР 29% театральных спектаклей были показаны сельским зрителям; в селах республики 10,8 млн. человек (свыше 16% всех зрителей республики) посмотрели театральные постановки, концерты. А в менее индустриальной республике, в Киргизии, в 1979 г. на селе было показано большая часть всех театральных спектаклей и концертов; сельские

зители составили около 70% всех зрителей²⁷. В известной мере этому способствовало то, что в небольших городах театры быстро удовлетворяли интересы своих местных зрителей, и поэтому они сами расширяли свою аудиторию, выезжая в села.

Условия культурной жизни населения в разных республиках страны, в городах и селах существенно сближались за счет развития средств массовой информации. Если даже приобщение к текущей информации осуществлялось посредством радио и газет, то теперь решающая роль здесь принадлежит телевидению. Наиболее быстрые темпы роста радиоточек были в 50—60-е годы практически во всех республиках, причем особенно быстро распространялась радиосеть там, где в довоенные годы были более низкие показатели по сравнению с центральными районами. Что касается газет, то это один из самых массовых источников информации как в предвоенные и послевоенные годы, так и на современном этапе жизни нашего общества. Былая диспропорция в обеспечении населения союзных республик местными газетами, которая наблюдалась еще в 50-е годы и в начале 60-х годов, была преодолена. В конце 70-х — начале 80-х годов газеты издавались более чем на 50 языках, основная часть их издается на русском языке, но более трети выходит на других языках народов СССР.

Наиболее высоки тиражи газет на национальных языках в республиках Прибалтики, в последнее десятилетие выделяются обеспеченностью газетами на родном языке и грузины. В целом обеспечение газетами на русском языке или на языках коренных национальностей зависит от объективных условий, знания населения той или другой республики русского языка. И все же, несмотря на повышение доли людей, знающих русский язык, практически во всех республиках Закавказья, в республиках Средней Азии и Литве имела место тенденция к увеличению доли тиражей на языке коренной национальности. Это могло быть связано с разными причинами — с более широкой местной информацией в газетах на языках коренных народов о крупнейших событиях, которые вызывали интерес у населения, с оперативной подачей информации по интересующим вопросам. Нельзя исключать и такой фактор, как рост национального самосознания, выражавшегося в интересе к газетам на своем родном языке. Важно, что по своему социаль-

ному содержанию, по сути информации, отвечающей ценностям советского общества, газеты и на русском и на языках коренных национальностей едины. Можно даже предположить, что на языке коренной национальности эти ценности воспринимаются глубже и эмоциональнее.

Что касается центральной прессы, то распространение ее связано главным образом со степенью владения населением русским языком. В тех республиках, где доля населения, владеющего им, выше (например, на Украине, в Белоруссии, Казахстане, Киргизии, Молдавии), выпускалось больше центральных газет, при этом подписчиками были главным образом городские жители.

Как отмечалось, наиболее существенные изменения в культурную среду внесло телевидение. Оно передает информацию во все уголки страны не только оперативно, но и на высоком профессиональном уровне. Кинокартины, драматургические постановки, концерты и передачи из музеев, встречи с интересными людьми передаются как центральным телевидением, так и телевидением союзных и автономных республик. Телевидение, как говорится, вошло в дом, т. е. приобщение к событиям, постановкам и т. д. стало самым непосредственным. По оценке специалистов, это во многом способствовало быстрому его распространению.

Если в начале 70-х годов по распространенности телеприемников Советский Союз уступал Чехословакии и ГДР, а из европейских капиталистических стран — Великобритании и Франции, то уже в начале 80-х годов по распространенности телеприемников на 1 тыс. населения Советский Союз был на первом месте среди социалистических стран, а из других европейских стран обогнал Францию и вплотную приблизился к показателям Великобритании. Сейчас в ряде союзных республик уровень распространения телевизоров выше, чем во многих капиталистических странах. В Эстонии на 1 тыс. населения приходится 558,8 приемника (в США — 624, в Великобритании — 331, в ФРГ — 337, во Франции — 297); большой насыщенностью телеприемниками отличается Латвия — 334 приемника на 1 тыс. населения, Белоруссия — 241,4²⁸.

Последние 10—15 лет отличались широким распространением телевидения не только за счет увеличения числа телеприемников в семьях советских людей, но и

за счет того, что оно охватило более широкие области страны, стало доступно людям самых отдаленных ее районов. Это достигалось введением в строй телеприемных станций, а также работой ретранслирующих систем космического телевидения. В силу новых технических возможностей системы уверенного приема телепередач практически более 80% жителей страны могут пользоваться системой телевидения. В результате постепенно исчезают различия в возможностях использования телевизоров в союзных республиках. В середине 60-х годов они были еще существенными (так, например, в Латвии на 100 семей приходилось 35 телевизоров, в Белоруссии — 14). В начале 80-х годов такие различия были ликвидированы. В республиках Средней Азии показатели несколько ниже, чем в среднем по Союзу, — на 100 семей приходится свыше 70 телевизоров, а в республиках Прибалтики наивысшие — 94 телевизора на 100 семей.

Важно отметить, что в телеинформации значительно шире представлены теперь сюжеты, непосредственно связанные с отражением национальной жизни, что, без сомнения, отвечает национальным интересам. Так, в конце 70-х годов художественные фильмы, созданные на студиях республик, занимали в передачах незначительную часть. По данным выборочного обследования, в месяц было 2 из 12 фильмов. В 1983 г. в декабре таких фильмов демонстрировалось уже 22 из 60. Примерно в 2 раза выросло число документальных фильмов, снятых студиями союзных республик. Привычным на Центральном телевидении стало отведение времени телестудиям союзных республик. Передачи конца 70-х — начала 80-х годов включали программы всех союзных республик. Они знакомили с историей и современной жизнью народов, с достижениями культуры и спорта. Большую популярность получили телевизионные программы о народном творчестве — «Радуга». Если во второй половине 70-х годов абсолютное большинство передач было посвящено народным праздникам, обычаям, обрядам других стран, то с конца 70-х и в 80-х годах все чаще такие передачи посвящаются трудовой и творческой жизни народов советских республик.

Часто телевидение представляет музыкальные передачи, подготовленные в союзных республиках. В последние годы примечательными стали передачи об истории создания и бытовании старинных народных песен (на-

пример, русских песен, песен донских казаков, песен русского Севера). Количество концертов народной музыки различных национальностей Советского Союза по первой программе увеличилось в 1983 г. по сравнению с 1978 г. в 3 раза, а по сравнению с 1969 г. — в 10 раз²⁹.

Если телеаудитория самая массовая, то наиболее избирательная — аудитория театров. Число театров в стране с 1970 по 1982 г. увеличилось с 547 до 615. Театры наиболее доступны для населения Эстонии, Грузии, Армении, Латвии и Литвы; менее распространены (относительно численности населения республик) в Белоруссии, на Украине, в Узбекистане, Молдавии, Киргизии; в остальных республиках этот показатель близок к среднему по Союзу.

Сеть театров сложилась, как известно, в довоенные и первые послевоенные годы. За 70—80-е годы число театров увеличилось в РСФСР, на Украине, в Грузии, Казахстане, Узбекистане, Белоруссии. Наиболее благоприятные условия для приобщения к театральному искусству у населения Прибалтики и Закавказья (Армения, Грузия). Худшими в этом отношении были возможности у населения Молдавии³⁰. Как показал анализ репертуара театров, осуществленный сотрудником сектора конкретных социологических исследований Института этнографии АН СССР С. С. Савоскулом, соотношение пьес национальной, русской и зарубежной драматургии в республиках носит не только общие черты, но имеет и определенные различия. Театры большинства союзных республик ставят в первую очередь пьесы классической, современной и национальной драматургии, при этом значительное место в репертуаре занимают пьесы русских драматургов. Широко они представлены в театрах Белоруссии, Украины, Молдавии, республик Средней Азии, Закавказья. Зарубежная драматургия, в первую очередь классическая, представлена особенно широко в постановках театров Прибалтийских республик, Грузии, Армении, РСФСР.

Рост национальной драматургии находит отражение в том, что пьесы национальных драматургов все чаще ставятся на сценах театров не только своих республик, но и за их пределами. Так, в РСФСР шли пьесы драматургов И. Друце, Д. Валеева, Ч. Айтматова, А. Корнейчука, Н. Думбадзе, А. Чхеидзе, А. Церетели, Р. Ибрагимбекова, Э. Ветемаа и творческих представителей

других народов СССР. В театрах Эстонии шли пьесы И. Друце, Ч. Айтматова, Х. Гульбиса, А. Макаенка, Н. Думбадзе, О. Иоселиани. Как отмечает С. С. Савоскул, направленность репертуаров драматических театров зависит от уровня развития национального театра, национальной драматургии, традиций театральной культуры, ее связи с культурами других народов нашей страны, национального состава населения республик, направленности театральных интересов публики.

Театр — выразитель общественных настроений — в свою очередь формирует мнения и взгляды людей в повседневной жизни.

Рост национальной культуры и национального самосознания выражается в повышении интереса широкой публики к музеям. Число музеев страны постоянно увеличивается: в 1970 г. — 1144, в 1984 г. — 1878. Особенно выросло их число в РСФСР, на Украине, в Белоруссии, Узбекистане, Казахстане, Грузии, Азербайджане (здесь число музеев удвоилось), Молдавии (утроилось), Латвии, Киргизии, Эстонии. Но в расчете на численность населения диспропорции между республиками по числу музеев несколько увеличились. Самые благоприятные возможности для ознакомления с музеями имеет население Эстонии, Латвии, Литвы, Грузии и Армении, ниже эти возможности в Узбекистане, Таджикистане, Киргизии и Казахстане.

Несмотря на рост музеев, значительная часть музейных коллекций не экспонируется. Немало музеев, особенно национальных музеев Средней Азии, находится в недостаточно удобных для экспонирования коллекций помещениях. Видимо, это сказалось на том, что число посещений в расчете на количество населения в республиках Средней Азии оставалось заметно меньшим, чем в других республиках страны.

Таким образом, в конце 70-х — начале 80-х годов по обслуживанию населения средствами массовой информации происходило очень существенное сближение между республиками, но в меньшей степени это проявлялось в охвате населения культурно-просветительными мероприятиями и наличии соответствующих учреждений, хотя и здесь тенденции к сближению сохраняются. Наблюдавшаяся в конце 70-х — начале 80-х годов стабилизация (в сравнении с 60-ми — началом 70-х годов) в сближении показателей развития социальной инфра-

структуры, в том числе культурно-просветительных учреждений по республикам, имела свои основания. Она была связана с замедлением темпов экономического развития, особенно в ряде среднеазиатских республик, с общими условиями, потребовавшими перераспределения государственных вложений ввиду обострившейся международной обстановки. Совершенствование социально-культурного строительства в современных условиях предполагалось самым тесным образом увязать с эффективностью труда каждого человека, коллектива в каждом регионе страны.

2. НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ И ОЦЕНКА ЕЕ НАСЕЛЕНИЕМ

Проанализировав изменения в распространении учреждений культуры, средств массовой информации, мы можем представить, исходя из этих показателей, своеобразие условий культурной жизни населения республик. Совершенно очевидно выделяются Прибалтийские республики. Здесь выше средних показателей по стране насыщенность средствами массовой информации и шире сеть культурно-массовых учреждений: школ, клубов, библиотек, а также театров и музеев. Только за последние годы в Эстонии, например, вошли в строй такие сооружения, как Вильяндиский театр «Угала», библиотека Тартуского университета, 9 новых музеев, реставрирован концертный зал-музей «Нигулисте» и Курессаареский замок-музей. Дворец культуры и спорта им. В. И. Ленина в Таллине увеличил концертную аудиторию на полмиллиона человек в год. Проектируется новый оперный театр и новое здание для консерватории³¹.

Для развития культурной среды в прибалтийском регионе существенное значение имело создание городских агломераций, возможности приобщения сельских жителей к городским центрам культуры. И хотя в самом регионе сохраняются различия по ряду этих показателей (особенно между Литвой и Эстонией), все же материальная база культуры здесь существенно выравнена и является наиболее оптимальной и показательной для культурного развития населения всех других регионов страны.

С запада на восток огромной Российской Федерации условия культурной жизни населения меняются. Хотя в целом показатели развития культурной среды в республике близки к общесоюзным, разнообразие внутри ее очень большое. В РСФСР, как известно, входят такие регионы, как Поволжье, Урал, Северный Кавказ, Дальний Восток, условия жизни в которых различаются не только экологически, но и по уровню развития материальной базы культуры. В некоторых районах РСФСР, прежде всего в центре — Московской, Ленинградской областях, на Урале, показатели числа клубов, библиотек, киноустановок, театров и музеев на 1 тыс. населения либо выше республиканских, либо соответствуют им. В то же время в Северокавказском регионе они отстают от средних по республике, особенно это заметно в распространении учреждений культуры в сельской местности.

Районы Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока по насыщенности культурными учреждениями идут на уровне среднереспубликанских или даже выше, но, учитывая дисперсность расселения в этих районах, условия для культурного обслуживания здесь затруднены.

Среди автономных республик РСФСР лучшие показатели по обеспеченности клубами и библиотеками в Карельской, Бурятской, Татарской, Тувинской.

Киносеть в РСФСР, особенно в сельской местности, развита шире, чем в среднем по стране. Радио- и телеприемников здесь несколько больше, чем в среднем по Союзу, а сеть театров и музеев находится на уровне среднесоюзных показателей.

В РСФСР заметно выше, чем в других республиках, выпуск книг и издание журналов, но, как отмечалось, это преимущество не столь ощущается, т. к. значительная часть этой печатной продукции распространяется в других союзных республиках.

Близки показатели культурной материальной среды к средним по Союзу и по РСФСР на Украине и в Белоруссии, но это относится главным образом к культурно-просветительным учреждениям и обслуживанию населения радио- и телевизионной сетью. А что касается театров и музеев, то их доступность для населения данных республик ниже, чем, например, в Прибалтике или в целом по Союзу.

В Белоруссии обслуживание населения учреждениями культуры за 60—70-е годы особенно существенно изменилось к лучшему. Показатели сети клубов и библиотек, распространение музеев здесь сейчас выше, чем в РСФСР и Союзе в целом.

Молдавия, наименее урбанизированная из союзных республик европейской части, по большинству показателей культурного обслуживания населения не отвечает оптимальным условиям, лишь сеть клубов в городах и сеть музеев по республике распространены шире (в расчете на население), чем в других союзных республиках.

Но статистика не может отразить многие качественные показатели материальной базы культуры. Например, те, кто бывал в Молдавии, в том числе в молдавских селах, знают, что обычно клубы здесь расположены в хороших, добротных зданиях. Во многих селах есть музыкальные школы, при клубах организована и пользуется популярностью художественная самодеятельность. В общеобразовательных школах работают различные самодеятельные кружки. Нередко организуются небольшие, условно говоря «самодеятельные», музеи, которые имеют порой свою национальную окраску. Например, в Гагаузском историко-культурном музее собраны произведения гагаузских поэтов, писателей, другие достопримечательности культурной жизни этого народа.

В селах РСФСР (Краснодарский край, Калининская область, Подмосковье) такое активное самодеятельное формирование культурной среды встречается, по нашим наблюдениям, реже, хотя показатели статистики культурных учреждений здесь, как отмечалось, выше. И возможно, более высокая удовлетворенность культурными учреждениями молдавского сельского населения в сравнении с русским имеет реальные объективные основания.

По многим показателям развития культурной среды к прибалтийскому региону близки республики Закавказья, и прежде всего Грузия и Армения. Культурно-просветительных учреждений, клубов, библиотек (в расчете на население) здесь почти столько же, сколько в Прибалтике. Несколько меньше, чем в Прибалтике, театров и музеев, но в целом их больше, чем в среднем по стране. Несколько ниже, чем средние показатели по стране, интенсивность книгоиздания, отстает и сеть телевидения, но касается это главным образом сельских

районов и связано с проживанием части населения в горных районах. В городах Грузии и Армении возможности культурного досуга практически такие же, как в Латвии и Литве. Сходны тенденции и в обеспечении населения изданиями литературы на национальном языке.

Для среднеазиатского региона и Казахстана характерны быстрые темпы развития учреждений культуры, но по распространению сети культурных учреждений, развитию сети музеев, театров, тиражам печатных изданий, обеспеченности телеприемниками эти республики стоят на уровне ниже общесоюзного. Особенно нуждаются в совершенствовании клубные учреждения, библиотеки и школы в сельских районах республик Средней Азии (особенно Киргизии и Туркмении).

Доминирующей тенденцией в 70-е годы, как и в предшествующее десятилетие, были наиболее высокие темпы роста культурных учреждений в республиках Средней Азии. Но на фоне общего совершенствования материальной базы культуры и роста численности населения в регионе они нуждаются в большем внимании с точки зрения предоставления средств и ресурсов для улучшения культурного обслуживания населения. Естественно, средства важно мобилизовать прежде всего в самих республиках. Как говорилось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, «следовало бы подумать над тем, как потеснее связать объем ресурсов, выделяемых на социальные нужды, с эффективностью региональной экономики»³².

В рамках проекта «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР» проводился анализ соответствия развития культурно-бытовой среды культурной активности населения. Выявилось, что эти параметры не всегда и не во всем совпадают. Было замечено, что большее соответствие отмечается в отношении наиболее сложных, селективных видов культурной деятельности. Так, посещаемость театров и музеев оказалась жестко связанной с их распространением, хотя такая закономерность тоже не всегда прослеживается. Например, активность посещения музеев в РСФСР, на Украине, в Узбекистане, Литве или театров в РСФСР, Латвии выше, чем уровень развития сети культурных учреждений в этих республиках.

В некоторых республиках культурная активность на-

селения (посещаемость кинотеатров в городах Азербайджана, Таджикистана, Туркмении, в селах Белоруссии, Латвии) ниже, хотя распространенность кинотеатров здесь дает возможность более высокой посещаемости. То же самое наблюдается в отношении чтения книг жителями Белоруссии, Грузии, Литвы. В то же время в других случаях культурная активность населения опережает возможности, предоставляемые ей культурными учреждениями (посещаемость кинотеатров в городах Литвы, Молдавии, Эстонии, в селах Казахстана, Молдавии, Киргизии, Туркмении). Видимо, это обстоятельство связано с развитостью культурных интересов, с определенными национальными традициями, а в известной мере может быть и временным явлением, обусловленным содержанием работы культурных учреждений.

Задача государства, общественности состоит в том, чтобы обеспечить такое развитие социальной инфраструктуры, которое бы не сдерживало культурный рост населения, как известно, связанный не только с развитием локальной среды. Культурные потребности, интересы людей определяются в настоящее время более широким спектром средств коммуникации, которые приобщают их не только к локальной, но и к глобальной культуре.

Личность формируется все в большей мере под влиянием общества в целом, а ее запросы и культурная деятельность способны выходить далеко за пределы локальных поселений. Между тем удовлетворять эти запросы человеку приходится в данной конкретной среде. Отсюда оценка условий культурно-бытовой жизни далеко не всегда совпадает с реальным положением, характеризующимся объективными показателями. Причем удовлетворение культурных интересов различных слоев населения в городских и сельских условиях принципиально отличается тем обстоятельством, что в сельских условиях эта среда является единой для всех. Одним и тем же клубом и библиотекой пользуется и полевод с начальным образованием, и учитель, и врач. В городе возможность выбора намного больше: одни могут ходить в кино, цирк, другие — в филармонию, театр. И не случайно, как показывают материалы социологических исследований, во всех республиках горожане чаще удовлетворены работой культурно-массовых учреждений и культурно-бытовыми условиями. Но проявляется любо-

пытная закономерность. Различия в оценках горожан и сельских жителей не столь существенны, хотя сама культурная материальная среда отличается более существенно и более заметно. Городские жители, имея возможность пользоваться более широким спектром культурных учреждений, одновременно имеют и более высокие запросы, чем сельское население.

Самые высокие оценки удовлетворенности культурно-массовыми учреждениями высказали горожане-узбеки, самые сдержанные — горожане грузины и эстонцы. Среди сельских жителей наиболее удовлетворены культурно-массовыми учреждениями молдаване, узбеки, грузины; менее удовлетворенными среди сельчан оказались эстонцы и русское население.

Еще раз отметим, что удовлетворенность культурной средой зависит не всегда от ее развития, а связана и с запросами населения, определяющимися как уровнем образования, так и традициями культурной жизни. Например, учреждениями культуры, средствами массовой информации эстонцы обеспечены не хуже, а лучше, чем узбеки в сельских районах, но удовлетворенность у эстонского населения меньше, чем у узбеков. Очевидно, что для наций, которые и в прошлом имели возможность пользоваться учреждениями культуры в большей мере, чем отстававшие в своем развитии народы, определенный уровень, стандарт культурного обслуживания стал уже привычным, и запросы их программируются самыми высокими нормами культурного потребления.

Обращает на себя внимание и еще одно обстоятельство. Различия между социально-профессиональными группами в оценке условий культурной жизни, как правило, сильнее, чем между нациями. Среди интеллигенции удовлетворенных культурно-бытовыми условиями заметно меньше, причем на селе различия в оценках интеллигенции и малоквалифицированных групп более контрастны, чем в городе.

Оценка условий культурной жизни представителями разных поколений у наций тоже неодинакова. У эстонцев, русских, грузин и молдаван различия в оценках между молодежью и старшим поколением заметнее в селе, чем в городе. У узбеков они практически несущественны.

Столичные города хотя и выделяются большим разнообразием в возможностях выбора реализации куль-

турных интересов, но оценки материальной базы культуры здесь не выше, чем у жителей средних городов, что также, видимо, определяется более высокими запросами столичного населения. К тому же в столицах имеет место значительный приток населения из других республик, городов, сел, поэтому возможность посещения театров, музеев (когда там идут интересные спектакли или проходят популярные выставки) для столичных жителей может иногда ограничиваться.

Город со своими учреждениями культуры является привлекательным для сельских жителей. Не случайно, оценивая преимущества городской жизни, сельские жители в любой республике, как правило, отмечают такую ценность, как более высокий уровень культурного обслуживания. Это преимущество городской жизни отметила практически треть сельских жителей Молдавии и Эстонии, 44% сельчан Грузии и 1/4 всех опрошенных в узбекском селе. Естественно, что такое преимущество чаще отмечали представители интеллигенции, квалифицированных групп населения.

Запросы к культурным учреждениям, так же как и к средствам массовой информации, растут как со стороны аудитории, так и со стороны государства. Общество, государство возлагают на них обязанность совершенствовать досуг граждан, отвлекать их от бездеятельного времяпрепровождения, использовать механизм распространения культуры для стимулирования духовности, совершенствования нравственности, противостоящих индивидуализму, непорядочности, всему тому, что не соответствует нормам гуманности и справедливости.

Аудитория в силу своих возросших потребностей не удовлетворяется работой культурных учреждений и средств массовой коммуникации по прежним нормам, ждет новых программ, нового репертуара клубов, обновления фондов библиотек, интересных телепрограмм и злободневной информации в газетах.

ГЛАВА III

КУЛЬТУРНАЯ АКТИВНОСТЬ ЛЮДЕЙ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Культура находит выражение в различных сферах деятельности людей. Производственная культура, профессиональные знания проявляются прежде всего в трудовой сфере. Политическая информированность, мировоззренческие взгляды определяют общественные позиции людей, духовные потребности и интересы — досуговое времяпрепровождение, моральные нормы и обычаи — повседневное поведение в быту, семье, дружеском окружении. Все виды жизнедеятельности тесно взаимосвязаны, определяются многими факторами, в том числе самым существенным образом зависят от образования людей. Собственно, само приобщение к знаниям уже является выражением культурной активности. С него мы и начнем анализ этого процесса.

1. ВЫРАВНИВАНИЕ УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ НАРОДОВ СССР

Образование в отечественной и мировой науке является одним из важнейших общепризнанных индикаторов уровня развития общества, народов, общественных групп. Критерии уровня образования людей не стабильны, они зависят от исторических этапов в жизни народов. Так, на первых этапах истории советского общества критерием выступало уже само наличие грамотности, затем — начальное образование, в первые послевоенные пятилетки — семилетнее и впоследствии восьмилетнее образование, и, наконец, в 70—80-е годы базовым показателем стало полное среднее образование. В период, когда у всех советских народов сформирова-

лась своя интеллигенция, важным показателем для сравнения уровня образования становится доля лиц со средним специальным и высшим образованием.

Успехи образования в СССР разительны. Три четверти населения России до революции было неграмотно. Специалисты полагали, что потребуется больше двух с половиной веков для того, чтобы достичь всеобщей грамотности населения в стране. Но прошло всего пять с половиной десятилетий, и государство в условиях социализма обеспечило молодежи право на получение среднего образования.

Основными этапами движения нашей страны к всеобщему среднему образованию можно считать 30-е годы, когда к середине этого десятилетия в основном было осуществлено всеобщее начальное 4-летнее обучение, затем середину 50-х годов, когда каждый подросток в нашей стране кончал 7 классов. Переход к 7-летнему обучению означал качественный скачок — от элементарных знаний по арифметике и родному языку к широкому кругу знаний учащихся о природе и обществе. В конце 50-х годов было введено всеобщее обязательное восьмилетнее обучение, а в начале 70-х годов на XXIV съезде КПСС был установлен конкретный срок перехода к полному среднему образованию в течение девятой пятилетки.

Годы первого этапа нашего исследования приходятся как раз на период перехода к всеобщему среднему образованию. В конце 60-х годов полное среднее образование получали около 70% детей, а с 1976 г. — 97%. В конце 70-х годов образование в объеме полной средней школы получали практически все юноши и девушки, вступающие на путь самостоятельной трудовой жизни. База полного среднего образования существенно расширилась, другими становились знания, получаемые людьми в объеме 10 классов. Менялась не только материальная база в школах, менялся и состав учителей, дающих знания. Специалисты с высшим образованием составляли в школе 70%, а в старших классах — свыше 90%¹. Обязательность среднего образования позволила отказаться от дублирования некоторых разделов программ обучения по ряду предметов, их изучение было перенесено в старшие классы и велось на более глубоком уровне. Усложненные школьные программы на передний план выдвигали проблему повышения уровня и

качества знаний учащихся, совершенствования их нравственного и трудового воспитания.

Научно-техническая революция выдвигала свои требования к школьным программам.

Народное хозяйство нуждалось в специалистах с высоким уровнем знаний. Подростки получали их не только при десятилетнем обучении в школе, но и в профессионально-технических училищах. После перехода к обязательному десятилетнему образованию профессиональные училища тоже были нацелены на подобную систему обучения. Такая практика обучения не только удовлетворяла права граждан на среднее образование, но и отвечала возможным потребностям производства в будущем. И дело не только в том, что производство требует разносторонне образованных и подготовленных специалистов, сама духовная жизнь общества в целом предъявляет новые требования к человеку, а их возможно удовлетворить только на основе широких знаний, которые закладываются в школе.

Стремительный рост образования в целом имел, естественно, свое разнообразие в разных районах страны. В недалеком прошлом образовательный уровень людей разных национальностей существенно различался, что заметно проявлялось даже в начале 60-х годов. На 1000 человек населения в возрасте 10 лет и старше лиц с высшим и средним образованием в Литве приходилось практически вдвое меньше, чем в Грузии, Армении. В 70-е годы (начало исследований) на 1000 человек в указанном возрасте приходилось лиц со средним и высшим образованием в Грузии — 554, Армении — 516, Латвии — 517, а в Молдавии — 397, Литве — 382. К середине 80-х годов в Грузии, Армении соответствующие показатели выросли до 743, 749 человек, а в Молдавии, Литве — до 620, 626².

Изменения в уровне образования населения особенно заметны, когда сравниваются поколения. Сравнение по республикам показывает, что представители старших поколений различались между собой очень существенно, а в среднем и особенно младшем поколении ситуация в корне изменилась. Рассмотрим эти изменения на примере республик, в которых проводились исследования (см. табл. 2). В городах 69% молодых узбеков имели среднее и высшее образование. Русской и эстонской молодежи с таким образованием было соответственно

58%. В младшем поколении существенно выравнено образование людей разных национальностей и в деревне.

Если повышение образовательного уровня пойдет такими темпами и дальше, то уже примерно через 10—20 лет во всех регионах Советского Союза такой важный базисный показатель, как доля людей со средним и высшим образованием, будет по существу одинаковым.

Наглядно может быть представлен процесс выравнивания наций по уровню образования, если рассмотреть показатели среднего числа лет обучения³. В 1959 г. среднее число лет обучения среди городского населения у русских, украинцев, киргизов, армян, латышей, эстонцев составляло 6—6,5, среди азербайджанцев, белорусов, литовцев, туркмен — 5,5 и среди узбеков, казахов, молдаван, таджиков — 4,6—4,9. Самый высокий показатель у грузин — 8 лет обучения. Среди сельских жителей в более урбанизированных районах страны среднее число лет обучения составляло 4—4,8, а в менее урбанизированных — 3—3,8 (см. Приложение, с. 291.)

К концу 70-х годов уровень образования, судя по среднему числу лет обучения, еще более выравнился. У двенадцати наций союзных республик он составлял 8—8,9 года обучения, у грузин — 9,9, у таджиков и туркмен — 7,7 (по городскому населению), и в пределах

Таблица 2. Уровень образования (доля людей со средним и высшим образованием) по полярным возрастным группам коренных национальностей республик на 1000 человек данного возраста*

Возрастная группа	Республика				
	РСФСР	Эстонская	Грузинская	Молдавская	Узбекская
20—29 лет	522	476	711	305	561
50 лет и старше	86	110	149	12	18
в том числе город					
20—29 лет	581	556	850	544	686
50 лет и старше	137	188	354	53	47
село					
20—29 лет	354	322	571	221	492
60 лет и старше	18	44	43	6	11

* Арутюнян Ю. В. О некоторых тенденциях культурного сближения народов СССР на этапе развитого социализма // История СССР, 1978, № 4, с. 98.

5,3—7,3 колебалось среднее число лет обучения по разным национальностям среди сельского населения.

Примечательно, что в пределах каждой республики выравнивался уровень образования всех контактирующих национальностей. Это наблюдается на примере молдаван, украинцев, русских, болгар, гагаузов в пределах Молдавии, так же как среди грузин, русских, армян, азербайджанцев, осетин в Грузии.

Престиж образования в стране был и остается очень высоким. Практически на получение среднего образования ориентированы все. Различия состоят только в том, что одни хотят получить среднее образование в школе, другие ориентированы на получение его в ПТУ или техникумах. Как показывают специальные исследования, среди тех, кто ориентирован получить не высшее, а среднее образование, большая часть ориентирована на получение второго образования (техникум — 93,7%)⁴. Надо сказать, что ориентация на получение «другого среднего образования» в СССР по сравнению с другими социалистическими странами довольно высокая. Среди лиц со средним образованием доля людей, стремящихся получить его вместе с профессиональными знаниями, составляет 47,7%, в НРБ — 43, в ВНР — 15,8%. Значительная часть населения рассматривает более высокий уровень образования как ценность, которая не всегда непосредственно связана с характером выполняемого труда, причем в сравнении с другими социалистическими странами в СССР зафиксирована более высокая ориентация на продолжение образования⁵.

Быстро меняющийся уровень образования поколений был очень важным фактором с точки зрения культурной жизни общества, ведь образование определяет и вкусы, и потребности, и интересы людей. Учитывая, что у молодого поколения более высокий уровень образования сочетается с определенным этапом жизненного цикла, когда у молодежи больше свободного времени, а интерес к культуре более разнообразен и свободен от традиционных норм, так называемая молодежная субкультура нередко представлялась исследователям как совершенно своеобразная гамма потребностей, интересов и соответствующих норм поведения. Эта, казалось бы, общая тенденция, характерная для всего мира, имеет, однако, свои национальные вариации. Стандарты культуры молодежи и среднего поколения в более урбанизиро-

ванных республиках западных районов оказывались во многом схожими, но существенно отличались от стандартов самого старшего поколения. В то же время в восточных республиках молодежь при том же уровне образования от среднего и старшего поколения по нормам бытового поведения отличалась меньше. В семейных отношениях, в отношениях между поколениями молодежь здесь придерживалась в основном традиционных норм, которые были характерны и для старших. В то же время молодежь была во многих семьях «пропагандистом» общекультурных, научных и общественно-политических знаний среди старшего поколения. Если в 60-е и начале 70-х годов разрыв в образовательном уровне отцов и детей у молдаван, литовцев, азербайджанцев, белорусов, среднеазиатских народов был существенным, то в конце 70-х — начале 80-х годов родителями становились люди, которые сами уже, как правило, имели немалый запас общеобразовательных знаний. В связи с этим общекультурные интересы поколений сближались.

В послевоенные годы существенным критерием уровня культурного развития населения республик становилась подготовка специалистов с высшим и средним специальным образованием. Основная сеть вузов страны сформировалась, как известно, в предвоенные годы. В послевоенный период культурная и национальная политика государства выражалась как в создании новых вузов, открытии факультетов в существующих учебных заведениях, так и в регулировании численности студенческих мест. Если в первый период культурного строительства в нашей стране речь шла прежде всего об использовании уже сложившихся вузовских центров для подготовки, условно говоря, первого эшелона специалистов, многие из которых были призваны стать педагогами будущих специалистов, то на втором этапе, который приходится на предвоенные годы и первые послевоенные годы, речь шла уже о том, чтобы сеть вузов строить с расчетом подготовки необходимых специалистов по регионам и создания собственной интеллигенции разного профиля в союзных республиках. Такая политика, как можно судить по результатам подготовки специалистов, осуществлялась вплоть до 60-х годов.

В 60-х годах еще сохранялась тенденция наиболее высоких темпов подготовки студентов в тех республи-

...которые располагали меньшей долей интеллигенции в своем составе и соответственно меньшей численностью студентов в высших учебных заведениях. В 70—80-е годы тенденция в подготовке специалистов в высших и средних специальных учебных заведениях по республикам заметно изменилась. Анализ статистических данных о численности студентов вузов и средних специальных учебных заведений в расчете на 10 тыс. населения по разным республикам позволяет сделать вывод о том, что изменение численности вузовских мест, а следовательно, и численности студентов регулировалось уже другими факторами. В условиях, когда все республики и все народы располагали собственными отрядами интеллигенции, увеличение подготовки студентов в вузах определялось необходимостью обеспечения специалистами новых отраслей производства, связанных с научно-техническим прогрессом, приоритетностью районов, которые решали важнейшие задачи стимулирования развития экономики страны в целом, наконец, соотношением спроса и предложения на высококвалифицированную рабочую силу, сложившимся в конкретных районах страны.

Общей тенденцией для страны в 70-е годы был рост численности студентов, хотя темпы этого роста были уже не такими высокими, как в предыдущие годы. Этой общей тенденции отвечал рост студенческих мест в таких республиках, как Узбекистан, Казахстан, Молдавия, Белоруссия, Литва, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Армения. В 70-е и первой половине 80-х годов здесь происходил постоянный рост численности студентов. В других республиках их численность варьировала. Например, в Грузии в 1970/71 учебном году было 89,3 тыс. студентов, а в 1975/76 — 82,8 тыс.; в начале 80-х годов численность студентов в этой республике снова поднялась и в 1984/85 учебном году составила 89,0 тыс. В РСФСР, Эстонии, Латвии рост студенческих мест продолжался до 80-х годов, затем стабилизировался, несколько сократившись (например, в Эстонии в 1970/71 учебном году — 22,1 тыс., в 1980/81 — 25,5 тыс., в 1984/85 — 24,6 тыс. студентов; в Латвии в 1970/71 учебном году — 40,8 тыс., в 1980/81 — 47,2 тыс., в 1984/85 — 45,2 тыс. студентов). В Азербайджане в 70-х и начале 80-х годов число студенческих мест постоянно увеличивалось, а к середине 80-х годов несколько сокра-

тилось (в 1970/71 учебном году — 100,1 тыс., в 1983/84 — 110 тыс., в 1984/85 — до 108,0)⁶.

Политика регулирования численности студенческих мест не всегда оказывалась адекватной возможностям молодежи разных национальностей для поступления в вузы. При том, что численность студентов высших учебных заведений в СССР в целом на 10 тыс. населения увеличилась со 188 в 1970/71 учебном году до 196 в 1980/81-м, рост студенчества в расчете на 10 тыс. населения имел место в таких республиках, как РСФСР, Украина, Белоруссия, Казахстан, Литва, Молдавия; до начала 80-х годов он был характерен также для Эстонии, Латвии. В республиках с высоким естественным приростом населения имела место тенденция к сокращению численности студентов на 10 тыс. населения (Узбекистан, Грузия, Азербайджан, Киргизия, Армения, Туркмения). К этой группе республик относились как республики с наиболее высокими показателями числа студенчества (такие, как Армения — 214 студентов в начале 70-х годов на 10 тыс. населения, Узбекистан — 192, Азербайджан — 191, Грузия — 189, при среднем по Союзу показателе — 188 студентов), так и республики с относительно невысокими показателями (Туркмения и Киргизия — соответственно 131 и 162 студента на 10 тыс. населения в 1970 г.).

Таким образом, если вплоть до начала 70-х годов фиксируется постоянная тенденция к сближению республик по численности студентов в расчете на 10 тыс. населения, то в 70-е годы подобная тенденция, очевидно, не проявлялась. Крайние показатели по республикам, т. е. вариационный размах, даже увеличились. Если в начале 70-х годов наибольшие показатели в Армении (214) отличались от минимальных показателей по Молдавии (124) на 90 пунктов, то в 1980/81 учебном году наиболее высокие показатели по РСФСР (219) отличались от минимальных показателей в Туркмении (124) на 95 пунктов, увеличился и разброс вокруг среднего показателя⁷.

Все эти изменения происходили на фоне в целом очень высоких показателей подготовки специалистов высшей квалификации. Практически они означали, что при значительных отрядах интеллигенции, созданных в республиках, государство имело возможность регулировать подготовку специалистов, исходя из потребностей

экономики страны в целом и состояния спроса и предложения на квалифицированные виды труда в республиках, а также в зависимости от возможности наиболее эффективной подготовки специалистов в тех или других вузах страны (имея в виду как необходимое оснащение вузов, так и наличие наиболее подготовленного преподавательского состава). Не всегда эти возможности полностью использовались. В Грузии, например, показатели подготовки студенчества были одними из самых высоких по стране, но серьезной, осознаваемой в республике проблемой, о которой речь шла на XXVII съезде Компартии республики в январе 1986 г., была проблема рационального планирования и использования специалистов. В Узбекистане и других республиках Средней Азии, где были достигнуты очень значительные успехи в подготовке специалистов, ощущалось несоответствие потребностей народного хозяйства в инженерах, агрономах и других специалистах, необходимых для интенсификации экономики, и профиля выпускаемых кадров. В результате, как отмечалось на XXI съезде Компартии Узбекистана, около 200 тыс. человек с высшим и средним специальным образованием в середине 80-х годов работали не по специальности⁸.

Что касается национальных аспектов проблемы подготовки кадров, то важно отметить существенное обстоятельство: состав учащихся вузов и техникумов в целом в республиках менялся в сторону все более полного удовлетворения национальных интересов. Об этом свидетельствует прежде всего тот факт, что за 70-е годы заметно изменилось представительство коренных национальностей в составе студентов. Конечно, представители каждой национальности могут реализовать право на высшее образование не только в пределах своей республики. Как известно, состав студентов в вузах нашей страны, как правило, многонационален, но в данном случае важно другое. Если в начале 60-х годов относительное число студентов среди всего населения в республиках было выше, чем среди основной национальности (в расчете на 1 тыс. населения), то в начале 70-х годов, так же как и к концу этого десятилетия, уже в девяти республиках (РСФСР, Грузии, Казахстане, Азербайджане, Армении, Литве, Эстонии, Киргизии, Туркмении) число студентов на 1 тыс. человек среди коренных национальностей стало больше, чем среди на-

селения республик в целом. Причем процесс увеличения представительства коренных национальностей в составе студентов был особенно заметен в тех республиках, где доля их в вузах и техникумах была непропорционально низкой. Так, если в республиках Прибалтики, в Армении, РСФСР и на Украине, т. е. в республиках, где коренные нации уже были представлены довольно широко среди студентов, процент коренной национальности в вузах почти не менялся, то в Узбекистане и в Молдавии он вырос в 1,3—1,4 раза.

Примечательным для 70-х годов было то, что увеличивалась доля коренных национальностей среди студентов не только вузов, но и техникумов (в Молдавии — с 48 до 61%, в Узбекистане — с 45 до 59%). И если для студенчества республик в целом мы не могли фиксировать для 70-х годов тенденцию сближения показателей, то для наций союзных республик этот фактор проявлялся очевидно, — коэффициент вариации представительства коренных национальностей в вузах постоянно сокращался и к концу 70-х годов составлял всего 12%⁹.

Выравнивание представительства коренных национальностей среди студентов вузов не означало, естественно, решения всех проблем, связанных с подготовкой специалистов из среды коренных национальностей. В частности, обращает на себя внимание тот факт, что во многих республиках студенты коренных национальностей в большей мере представлены, скажем, в сельскохозяйственных и педагогических вузах и меньше — в сравнении с русскими, украинцами, живущими там, — в политехнических вузах и техникумах.

По-разному складывается в республиках спрос и предложение на высококвалифицированные кадры. По данным, полученным в ходе исследования Л. В. Остапенко, в Узбекистане, например, спрос на специалистов, особенно занятых в материальном производстве, был практически равен предложению (о чем можно судить по данным бюро по трудоустройству и информации населения), а в Грузии и Эстонии даже специалисты очень важных отраслей народного хозяйства не всегда могли свободно устроиться на работу, соответствующую их квалификации. В Эстонии в течение 1980 г. получили направление на работу 70% специалистов, в Грузии — 84%. Поэтому так важна ориентация на совершенствование системы планирования подготовки специалистов

и их распределения. Важно полнее использовать реальные возможности республик и Союза в целом, творческий потенциал каждой из них в интересах коммунистического строительства.

Для регулирования распределения кадров и обеспечения необходимыми работниками различных регионов СССР специалисты предлагают разные меры, в том числе перемещение подготовленных специалистов в другие районы страны. Такое регулирование практически осуществлялось в стране на всех этапах истории советского общества. Но надо отметить, что оно ограничивается рядом существенных объективных факторов, в частности таких, как знание русского языка возможными мигрантами, а также традициями поддержания тесных повседневных родственных контактов, привычкой людей жить в своей родной среде. Как показали опросы в городах Грузии, республике, где в последние десятилетия подготовлено особенно большое число квалифицированных кадров, лишь 6—7% специалистов хотели бы переехать на новое место, причем подавляющее большинство если и намеревается это сделать, то только в пределах своей республики. В Молдавии, где знание языка межнационального общения среди городского населения выше, чем в Грузии, ориентация на миграцию среди специалистов несколько шире — 19%.

Специально может рассматриваться вопрос о специалистах, которые готовятся в республиках из среды русских и украинцев и других групп некоренных национальностей. Доля русских среди студентов в большинстве республик сократилась, причем в республиках Средней Азии, в Казахстане, Грузии и Армении численность студентов вообще из среды инонационального населения республик сократилась непропорционально их численности. Главным образом этот процесс характерен для 70-х годов. Чем больше увеличивался удельный вес лиц коренной национальности среди студенчества республик, тем меньшим, естественно, было представительство инонационального населения. В Грузии, Эстонии доля русских среди студентов примерно в 2 раза меньше в сравнении с их удельным весом в населении республик и их меньше среди специалистов.

Как показало специальное изучение, осуществленное Л. В. Остапенко в ходе реализации исследования «Оптимизация социально-культурных условий развития

сближения наций», отмеченная ситуация не была связана с какой-либо приоритетностью для лиц коренной национальности при приеме в вузы или техникумы. Русские, как известно, во всех республиках представлены главным образом городским населением. Уровень школьной подготовки здесь, как правило, выше, чем у сельчан, и соответственно подготовленность для поступления в вуз у русского населения не меньше, чем у молодежи коренных наций (в Грузии, например, русское население состоит на 80% из горожан, в то время как среди грузин горожан 41%). Именно этот фактор оставался решающим при поступлении в вуз или техникум, вследствие чего даже в конце 70-х годов в Грузии процент успешно сдавших экзамены и соответственно принятых среди русских абитуриентов был выше, чем среди грузин. В Тбилисском политехническом институте в 1978/79 учебном году было принято 46% русских абитуриентов и 32% грузинских, в университете — 32% русских и 18% грузинских.

Таким образом, меньшее представительство русских среди студентов объясняется прежде всего более низкой численностью самих абитуриентов этой национальности именно вследствие того, что русские, хорошо зная язык, могут быть ориентированы на продолжение образования за пределами Грузии, особенно в связи с ощущаемым населением «перенасыщением» народного хозяйства Грузии собственными кадрами интеллигенции. По данным этносоциологических исследований, русское население во всех рассматриваемых республиках проявляет большую склонность к миграции, чем коренные национальности. Но естественно, выраженность такой ориентации в республиках разная. В Грузии различия между миграционными установками грузин и русских заметнее, в Молдавии у молдаван и русских они более сходны. (Если среди грузин ориентировано на миграцию всего 6—7% в городах, то среди русских — свыше 40%, причем большинство их ориентировано на переезд за пределы республик).

Регулируя перераспределение кадров, нужно, естественно, представлять, что возможная реализация миграционных установок русских может повлиять на повышение национальной однородности республик, фиксируемое уже сейчас в большинстве республик страны. Стимулирование миграции из республик Закавказья и Средней

Азии не должно закрывать для нас реальных последствий происходящего процесса.

С точки зрения реализации принципа социальной справедливости важно рассмотреть вопрос об источниках пополнения отряда студенчества. Период, когда студенты во всех республиках были в своем большинстве выходцами из среды рабочих и крестьян, поскольку собственная национальная интеллигенция была еще численно очень невелика, завершился. Послевоенные годы, и особенно 60—70-е, когда во всех республиках была создана своя национальная интеллигенция, внесли заметные изменения в источники пополнения студенчества. Политика партии оставалась неизменной, она отдавала приоритет подготовке студентов прежде всего из среды рабочего класса и крестьянства, но само изменение соотношения социальных групп в составе населения вносило изменения в источники их пополнения. Повышение представительства молодежи коренных национальностей в составе студентов, фиксируемое в нашем исследовании, означало для многих республик, прежде всего для республик Средней Азии, повышение доли представительства рабочих и колхозного крестьянства, сельских жителей. Как было зафиксировано специальными социологическими исследованиями, в частности проведенными под руководством Ф. Р. Филиппова, соотношение в составе студентов доли рабочих и их детей, так же как и крестьян, было связано с изменением в пропорциях рабочего класса и колхозного крестьянства¹⁰. В конце 70-х годов в Грузии рабочие и их дети составляли среди студентов вузов 31%, в Узбекистане — 35, в Эстонии — 43%. Вместе с представителями колхозного крестьянства они насчитывали около половины всех студентов. Представительство детей интеллигенции выше там, где больше ее доля в составе населения (например, в Эстонии в конце 70-х годов — 52%, в Грузии — 53, а в Узбекистане — 33,5% студентов¹¹).

Доля сельских жителей, особенно колхозного крестьянства, в вузах (за исключением сельскохозяйственных) ниже, чем их доля в составе населения; в техникумах она почти соответствует доле сельских жителей в составе республик. В профессионально-технических учебных заведениях, техникумах, функционирующих на селе, в совхозах-техникумах сельская молодежь находится в доминирующем большинстве. В ряде республик,

где сельское население большинство, сельчане представлены в вузах более пропорционально, а нередко и выше, чем доля сельских жителей в населении республики. Например, в конце 70-х годов в Узбекистане сельская молодежь составляла 61,3% студенчества, хотя среди абитуриентов высших учебных заведений горожан было зачислено 29%, а среди абитуриентов из села — 26%. Таким образом, молодежь города и села в этой республике практически выравнена в возможностях поступления в вузы, и такая тенденция становится характерной для других среднеазиатских республик и имеет место в Молдавии¹².

Сближение республик и народов по подготовке специалистов с высшим образованием проявлялось в увеличении сходства контингента обучавшихся специалистов. Еще в предвоенные годы, как известно, из среды коренных национальностей, да и в целом населения республик Кавказа, Средней Азии, Белоруссии готовились преимущественно специалисты, связанные с непосредственным обслуживанием населения (педагоги, работники культурно-просветительных учреждений, врачи). В целом в республиках был подготовлен тогда и отряд художественно-творческой интеллигенции. Но во многих республиках инженерно-технические кадры практически не готовились. Специалисты этого профиля поступали в народное хозяйство республик из центра. В некоторых республиках, например в Молдавии, до середины 60-х годов вообще не было высших учебных заведений политехнического профиля. Примечательным явлением конца 60-х и особенно 70-х годов было создание и расширение политехнических вузов в республиках. Вместе с расширением этих учебных заведений росло и представительство в них молодежи коренных национальностей.

В последние 10—15 лет темпы подготовки студентов политехнических вузов, например, из среды узбеков были наиболее высокими по сравнению с подготовкой других специалистов. По данным Л. В. Остапенко, материалы которой о подготовке студентов в вузах республик, полученные в ходе реализации этносоциологического исследования, мы используем в данном разделе книги, почти одна треть студентов узбекской национальности в конце 70-х годов готовилась в политехнических вузах. Доля узбеков среди студентов политехнических

институтов республики в конце 70-х годов достигала 53% в 1970 г. — 41%). Повышалась и доля молдаван в политехнических вузах Молдавской ССР (в 1979 г. — 60%, а в 1970 г. — 55%). Доля грузинской молодежи среди студентов политехнических институтов в 1979 г. составляла 86%. Треть всех грузинских студентов — это молодежь, готовящаяся в вузах политехнического профиля.

Сельскохозяйственные вузы республик готовят главным образом студентов из среды коренных национальностей. Численность студентов сельскохозяйственных вузов и техникумов в Союзе и по республикам увеличилась в последние десятилетия, но доля подготавливаемых специалистов по этому профилю не менялась, что было связано прежде всего с развитием в сельской местности промышленного производства и в целом с ростом потребности промышленного производства в кадрах. При том, что значительное число представителей коренных национальностей обычно предпочитает вузы сельскохозяйственного профиля, доля их в разных республиках, естественно, различается. В начале наших исследований в Грузии и Эстонии в сельскохозяйственных учебных заведениях доля представителей коренных наций превышала их удельный вес в населении республик (среди грузин их было 94%, среди эстонцев — 90%), а у молдаван и узбеков была ниже удельного веса этих национальностей в составе населения республики (соответственно 33,5 и 55%). В момент завершения исследования все народы, изучаемые нами, были представлены в вузах и техникумах сельскохозяйственного профиля выше их удельного веса в составе населения.

Во всех республиках продолжал расти отряд студентов университетов — основного источника подготовки научных кадров. В Молдавии доля студентов университета выросла с начала 60-х годов к 1979 г. с 18 до 23%, в Узбекистане — с 12 до 15%, в Грузии — с 13 до 19%. До 60-х годов при многонациональности всей университетской студенческой аудитории представительство в ней инонациональных групп республик было более широким, но в последние два десятилетия, и особенно в 70-е годы, ситуация изменилась. В эти годы доля коренных национальностей среди университетской молодежи стала расти особенно быстро. За 60—70-е годы среди обучающихся в вузах узбеков численность студентов университета выросла в 3,4 раза, в то время как среди всей

студенческой молодежи республики — в 1,5 раза. В Грузии доля студентов-грузин, обучающихся в университете, выросла в 3 раза, а среди студенчества в целом — в 1,9.

Таким образом, к концу 70-х годов в университетах Эстонии, Грузии, так же как Молдавии и Узбекистана, доля молодежи из среды коренных национальностей либо превышает, либо равна представительству коренных национальностей в составе республик. Выше эта доля в тех республиках, где коренная национальность шире представлена среди горожан, т. е. в Эстонии и Грузии. В Узбекистане и Молдавии русские, украинцы и другие национальности, шире представленные среди городского населения, составляют значительную часть студенчества университетов. Имеет значение и другое обстоятельство: там, где выше урбанизированность коренной нации, как правило, выше и доля интеллигенции из их среды, а поэтому их дети имеют больше возможностей для поступления в вуз.

В современных условиях сохраняется своеобразие в подготовке художественной интеллигенции в вузах и техникумах. В более урбанизированных республиках (Эстония, Грузия) в учебных заведениях художественного профиля лица коренных национальностей представлены более широко, что соответствует, кроме того, и их представительству в других учебных заведениях. В менее урбанизированных республиках (Узбекистан, Молдавия) доля лиц коренной национальности в художественных вузах и техникумах ниже, так же как и меньше их представительство в этих учебных заведениях в сравнении с другими вузами — сельскохозяйственными и техническими. Но все же эта доля достаточно высока. Узбеков и молдаван в вузах художественного профиля было около половины общего числа студентов, а среди всех студентов в своей республике узбеки и молдаване составляли 64,5 и 62%. Л. В. Остапенко, изучавшая эту проблему, высказывает предположение, что такое представительство коренных национальностей в художественных вузах связано в известной мере с тем, что художественные учебные заведения имеют меньше заочных отделений, и поэтому для сельской молодежи коренных национальностей обучение в таких учебных заведениях менее реально, чем в других вузах и техникумах. На наш взгляд, здесь могут сказываться и опре-

деленные традиции профессиональной ориентации, и профиль самих художественных вузов и техникумов, готовящих специалистов самого разнообразного профиля — от художников, музыкантов до архитекторов, дизайнеров и т. д. Во всяком случае, как показывает изучение состава творческих союзов в республиках и состава вузовской аудитории, творческая интеллигенция, а также и новые готовящиеся в республиках отряды ее интернациональны.

Пожалуй, наиболее широко коренные национальности представлены в вузах, готовящих специалистов массовых профессий — учителей, медицинских работников, что соответствует уже сформированным отрядам интеллигенции. Как известно, эти группы интеллигенции в среде коренных национальностей были созданы во всех республиках прежде, чем специалисты других отраслей. В связи со все большим представительством лиц коренных национальностей в вузах, готовящих инженерную и научную интеллигенцию, доля их среди студентов педагогических и медицинских институтов понижалась. В 70-е годы в большинстве республик число лиц коренных национальностей в составе педагогических вузов и техникумов было представлено в соответствии с долей национальности в составе всего населения республики или даже превышало ее. В 70-е годы наиболее существенно коренные национальности повысили свой удельный вес в составе специалистов, готовящихся по этому профилю прежде всего в республиках Средней Азии.

Преимущественная подготовка педагогов и медиков из среды лиц коренной национальности вполне понятна. Это именно та интеллигенция, которая наиболее широко общается с населением и обслуживает его. Естественно, она должна хорошо знать язык коренных народов, так же как их обычаи и традиции. Именно поэтому тенденция преимущественной подготовки данной группы интеллигенции из среды коренных национальностей вполне целесообразна и не нарушает принципов интернационализма в подготовке высококвалифицированных кадров.

Вообще в подготовке специалистов разного профиля закономерности определяются прежде всего объективными обстоятельствами. Так, чем больше в республиках доля сельского населения, тем шире их представительство в вузах и техникумах сельскохозяйственного профиля (в Узбекистане их доля доходила до 80% и выше).

Сельская молодежь здесь шире представлена и среди студентов других профилей, прежде всего в педагогических и медицинских вузах и техникумах (например, в Молдавии молодежь из села среди будущих педагогов составляла 50%, в Грузии — около 30%). В вузах художественного профиля в этих республиках также увеличивается доля представителей села (в Узбекистане с 1970 по 1979 г. их доля увеличилась в 3 раза). Увеличивается доля сельской молодежи в вузах и техникумах индустриального профиля, но главным образом в более урбанизированных республиках (Эстонии, Грузии). В Узбекистане же в политехнических институтах доля сельских жителей меньше, чем во всех учебных заведениях других профилей.

Проявлением объективной закономерности является и то обстоятельство, что подготовка специалистов индустриального профиля, а также работников науки и творческих организаций идет главным образом из среды городской молодежи, и поэтому естественно, что более урбанизированные нации представлены в этих вузах несколько шире, чем представители тех национальностей, большая часть которых проживает на селе.

С точки зрения представительства социально-классового во всех республиках устойчивым оставался процент рабочих и их детей, особенно среди инженерно-технических специальностей. Дети интеллигенции — студенты медицинских, художественных вузов и техникумов в Грузии составляли свыше 70%, в университетах — 63%, в то время как в Узбекистане дети интеллигенции среди студентов медицинских вузов, художественных и в университетах составляли соответственно 39, 52 и 47%¹².

Принципиально важным являлось то обстоятельство, что в 70-е годы существенно выравнилось представительство коренных национальностей среди учащейся молодежи разных профессий и отраслей народного хозяйства. Ведь еще сравнительно недавно при формировании различных отрядов отмечались довольно существенные различия среди национальностей. Техническими специальностями овладевали главным образом русские, украинцы и другие урбанизированные народы. Специалисты массовых профессий, педагоги и медики, наоборот, шире формировались из среды коренных национальностей. Сейчас все отряды интеллигенции формируются со все

более равным участием представителей коренных национальностей. Но естественно, некоторая специфика сохраняется и в современных условиях. Русские, украинцы в республиках чаще ориентированы и представлены среди технических специальностей, молодежь коренных национальностей — среди педагогов, врачей, а также среди специалистов, подготавливаемых для сельского хозяйства.

В ходе осуществления исследовательского проекта «Оптимизация социально-культурных условий развития сближения наций в СССР» выявлена большая ориентированность среди узбеков на сельскохозяйственные и педагогические вузы, среди молдаван доминировала приоритетность медицинских вузов, среди грузинской молодежи — ориентация на получение образования в университетах. Некоторые национальные различия в профессиональной ориентации отмечались и в ходе социологических исследований в Прибалтийских республиках¹³.

Высокие темпы подготовки специалистов через вузы создавали в республиках все более ощутимую проблему соотношения специалистов с высшим и средним специальным образованием. В целом по стране среди работающих специалистов лица с высшим образованием составляли 42%, а среди всех учащихся вузов и техникумов, студентов вузов было 52,2%. Такие пропорции в республиках имели свою вариацию. Так, в Грузии студенты вузов составляли 61% среди готовящихся высококвалифицированных специалистов, а в Молдавии — 45%. Обращал на себя внимание рост студентов вузов среди всех отрядов готовящейся интеллигенции в республиках Средней Азии и Казахстане. В Таджикистане среди подготавливаемых специалистов из среды коренной нации студенты вузов составляли 64%. Для этих республик в некоторой мере такая тенденция была оправдана в связи с тем, что специалистов высшей квалификации среди этих национальностей в предшествующий период было меньше, но все же опасность диспропорции явно обозначилась. Среди русских соотношение специалистов — выпускников техникумов и вузов было более пропорциональным, чем среди коренных наций Закавказских республик и республик Средней Азии. Потребность в специалистах среднего звена ощущалась уже длительное время. Это фиксировалось нами в ходе интервьюирования населения в республиках, находило отражение в

прессе. На Сырдарьинской областной партийной конференции в январе 1984 г. отмечалось, что некоторые должности работников среднего звена «занимают люди, которые не имеют необходимой подготовки и не справляются с порученным делом», причем внимание на это обращалось и ранее¹⁴.

Особенно ощущается необходимость переориентации молодежи на профессионально-техническое образование. Определенная переориентация происходила. В 60-е годы на высшее образование было ориентировано до 90% выпускников школ, а в 70-е годы — около 50—60%¹⁵. Вообще за 70-е годы доля готовящейся молодежи в профессионально-технических училищах заметно увеличилась. С начала 40-х до 70-х годов профессионально-технические училища готовили кадры преимущественно в РСФСР, Белоруссии, на Украине и в Казахстане. В то же время в ПТУ Узбекистана доля узбеков почти не росла и к началу 70-х годов составляла 40%. К концу 70-х годов доля узбеков в ПТУ выросла до 60% и почти соответствовала доле их в составе населения республики. В целом в Узбекистане численность подготовленных в ПТУ за 70-е годы увеличилась в 1,3 раза. Это не значит, конечно, что потребности в кадрах квалифицированных рабочих были удовлетворены в республике. На областных партийных конференциях об этом остро ставился вопрос и в 80-х годах, причем речь шла не только о наиболее сложных индустриальных профессиях, но и о нехватке рабочих на стройках республики¹⁶.

Подготовка через ПТУ работников со средним образованием заметно повысила приток сюда молодежи. В Грузии, Эстонии все производственно-технические училища, а в остальных республиках до 90% училищ давали образование в объеме среднего. Специалисты отмечают сближение доли лиц из среды коренных национальностей с долей лиц инонационального населения республик в профессионально-технических училищах. Особенно это характерно для Грузии, Армении и Узбекистана. Как и прежде, русские, украинцы, белорусы наиболее широко пополняли ряды квалифицированных рабочих технических специальностей. Среди учащихся ПТУ коренных национальностей Средней Азии наблюдалось невысокое участие женской молодежи в формировании рабочих пополнений. Кроме того, существовала очень высокая ориентация среди лиц коренных национально-

стей на получение их детьми высшего образования — около 80% (у русских, живущих в Узбекистане, такая ориентация зафиксирована приблизительно у 60% населения). В техникумах и профессионально-технических училищах русское население в республиках Средней Азии представлено шире, чем лица коренных национальностей. В то же время грузины в ПТУ Грузинской ССР составляли 74% при том, что в составе населения их было 68,8%. Симптоматичным в 70-е годы являлось то, что среди учащихся ПТУ доля детей из семей специалистов и служащих имела тенденцию к повышению. Так, в крупных городах РСФСР их доля среди учащихся профессионально-технических училищ почти соответствовала доле интеллигенции в составе населения (25%)¹⁷.

Сельская молодежь в профессионально-технических училищах была представлена, естественно, шире в республиках, где сельских жителей больше (в Молдавии, в республиках Средней Азии — до 70—80%, в то время как в Грузии, Эстонии сельская молодежь среди учащихся ПТУ составляла лишь 43—45%). В целом во всех республиках доля сельского населения в ПТУ увеличивается. Связано это прежде всего с тем, что росла сеть ПТУ в самой сельской местности. Как известно, в республиках Средней Азии, в том числе в Узбекистане, расширялась подготовка рабочих для промышленности через ПТУ непосредственно на селе. Большая часть, естественно, оставалась работать в сельских районах. А вот в РСФСР, Эстонии, Грузии ПТУ преимущественно готовили специалистов для промышленности. В то время как в РСФСР, Молдавии девушки среди учащихся ПТУ довольно широко представлены, в ПТУ среднеазиатских республик их не более трети учащихся.

Невысокая ориентация на подготовку молодежи через профессионально-технические училища зафиксирована в ходе опросов во всех республиках, где проводились наши исследования. Для женщин специальности, которые готовятся в ПТУ, представляются малопривлекательными. Тем не менее участие женской молодежи в профессионально-технических училищах растет, и особенно в сельских районах. Так, в ПТУ Узбекистана узбечек в 1971 г. было около 40% среди всех учащихся здесь девушек, а в 1975 г. — около 60%. Такая же тенденция отмечена в ходе исследований в Молдавии. В то же время среди женской молодежи Грузии каких-то

изменений в профессиональной ориентации в этом отношении не происходило¹⁸.

Чтобы совершенствовать использование трудовых ресурсов, намечались меры для подготовки кадров молодежи коренных национальностей республик Средней Азии в центральных районах страны. ЛКСМ Таджикистана и Туркмении направил отряд молодежи в составе 3 тыс. в ПТУ Нечерноземной зоны РСФСР. Обучаясь в Российской Федерации, молодые кадры рабочих из среды коренных национальностей Средней Азии получают современную квалифицированную подготовку. Живя среди русского населения, они, естественно, совершенствуют свои знания в русском языке, проходят школу непосредственных межнациональных контактов. Но как показывает опыт, работать на новых местах остаются немногие. Из 1747 таджиков, окончивших ранее ПТУ в РСФСР, 1100 вернулись в Таджикистан¹⁹.

С точки зрения ориентации на получение высшего и среднего специального образования в целом сохраняется тенденция преимущественного получения образования в пределах своих республик. Поэтому и конкурсы в вузах в различных республиках имели разную степень изменений. В целом за последние десятилетия величина конкурсов по СССР несколько снизилась. Тенденция к сокращению конкурсов имела место в РСФСР, Белоруссии, Латвии, Эстонии, Грузии, Армении, т. е. главным образом в тех республиках, где доля специалистов с высшим и средним специальным образованием была выше, а рождаемость не такой высокой, как в районах с наиболее высокими ее показателями. В то же время в республиках Средней Азии конкурс в вузах рос. Например, в Таджикистане и Туркмении 290 человек претендовали на каждые 100 мест в вузах, что было связано не только с численностью молодежи в этих республиках, но и с тем, что здесь особенно быстро повышался престиж высшего образования. В связи с уменьшившимся конкурсом (150—180 человек на 100 мест в Прибалтике) увеличился приток молодежи, в частности из Закавказских республик. Вместе с тем, как показало исследование Л. В. Остапенко, абитуриенты из этих республик, получив образование в Прибалтике, в подавляющем большинстве возвращались обратно в республики. Таким образом, возлагать оптимистические ожидания на возможность перемещения кадров разных

национальностей за счет их подготовки в вузах других республик вряд ли было бы верным. Имеющиеся материалы свидетельствуют о возможности подготовки специалистов в других республиках, но не о каком-либо существенном перераспределении кадров за счет такой подготовки.

Итак, в целом за 70-е годы произошло существенное сближение республик по подготовке специалистов различного профиля из среды всех национальностей. Как известно, в это десятилетие вариативность доли интеллигенции в целом между различными нациями и республиками сокращалась, коэффициент вариации доли специалистов с высшим и средним специальным образованием продолжал сокращаться (в 1970 г. — 28,6%, в 1979 г. — 25,8%), а коэффициент вариации в подготовке новых пополнений специалистов, т. е. студенчества, между республиками практически не сокращался (в 1970 г. — 14,7%, в 1983 — 14,1%²⁰). Это свидетельствовало о том, что дальнейшее сближение республик и наций в подготовке высококвалифицированных кадров определялось главным образом общим социально-экономическим развитием, соотношением городского и сельского населения в республиках и в несравненно меньшей степени зависело теперь от национальных традиций и языковой подготовки.

Введение всеобщего среднего образования существенно сблизило возможности получения высшего и среднего специального образования, и это было наиболее существенным явлением с точки зрения обеспечения фактического равенства наций как в получении высшего образования, так и в целом в социальном развитии. Повышение уровня образования у всех наций, дальнейшее выравнивание народов в этом отношении являлись объективной основой для их сближения в культурных навыках, привычках, в духовных запросах и интересах.

2. ПРИОБЩЕНИЕ К КУЛЬТУРЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Культурная активность людей привлекает в последние десятилетия внимание специалистов различных профилей. Социологи и культурологи, историки и философы пытаются осмыслить направления и изменения культурных интересов, сферы их интенсивного проявления и за-

тухания, причины перемен склонностей и вкусов людей, факторы, способные их регулировать. Специалисты, работающие в учреждениях культуры, изучают культурные интересы людей для совершенствования деятельности клубных учреждений и библиотек, кинопроката, концертного обслуживания. Такое внимание к культурной активности людей вполне понятно, оно объясняется многими жизненно важными обстоятельствами в современных условиях. Прежде всего тем, что человек сейчас выступает на первый план и как наивысшая ценность в обществе, и как инструментальный фактор совершенствования производства. В то же время духовность человека, осмысленность его досуговой деятельности — это проявление морального здоровья общества и потому предмет постоянной заботы социалистического государства. Наконец, знание духовных интересов социальных и национальных групп необходимо с точки зрения сбалансированного развития культурной среды и личности.

Каждая из этих проблем — предмет специального исследования. Имея в виду их значение для общества, в центре своего анализа мы выделяем национальный аспект развития культурной активности людей, выявление общих для всех народов черт в этом процессе и специфики, присущей конкретным народам, выяснение причин такой специфики. Предположительно они могут быть связаны с городским и сельским образом жизни, преимущественно характерным для той или другой нации, спецификой их социального состава, с исторически сложившимися традициями вне рабочего временипрепровождения. Могут быть особенности, связанные и с новыми социальными ситуациями, в частности с повышением в тех или других районах страны уровня образования населения, проживающего не только в городских, но и в сельских условиях, с меняющейся системой ценностей в жизненных ориентациях, с новыми представлениями о ролевой функции человека в дружеском окружении, в семье (например, с новыми представлениями о роли родителей в воспитании детей).

Пытаясь выяснить все эти общие и специфические черты культурной активности, мы имели возможность опираться на ряд индикаторов в нашем исследовании. Одни из них фиксировали меру приобщения к культуре: чтение, посещение театральных постановок, кинотеатров, просмотр телепередач и т. п. Другие отражали интерес

к различной по содержанию культуре: предпочтение тех или других сюжетов при чтении, интерес к разной по сложности музыке и т. п. Наконец, система показателей фиксировала субъективное отношение людей к различным видам деятельности в сфере культуры, удовлетворенность их культурных интересов. (См. Приложение, с. 292—294.)

Уже анализ официальной статистической информации давал возможность в предыдущих исследованиях отметить общие и специфические черты в культурной активности людей. Так, совершенно очевидным был тот факт, что в последние 20—30 лет интенсивность приобщения к культуре постоянно возрастала, и это было характерно как для населения страны в целом, так и для жителей каждой республики. Специфика обращала на себя внимание тогда, когда осуществлялся анализ интереса к конкретным видам культуры. Так, если интерес к телепередачам, приобщение к информации, публикуемой в газетах, были общими для населения всех республик, и здесь данные и по республикам и по народам сколько-нибудь заметно не отличались (свыше 70% населения среди и русских, и узбеков, и грузин, и эстонцев, и молдаван сейчас более или менее регулярно смотрят телепередачи), то в отношении чтения художественной литературы, посещения театров, интереса к любительским занятиям нации, несомненно, отличались. Судя по данным ЦСУ, посещаемость театров была особенно активной в Эстонии, Латвии, затем в Грузии и Армении. Близким с среднесоюзным данным, но все же несколько выше их было число посещений театров в расчете на 1 тыс. населения в РСФСР и Литве, менее высокие показатели — у населения Молдавии, Казахстана и республик Средней Азии.

Судя по данным нашего исследования, не реже чем 1—2 раза в год в театре бывает 50—60% горожан — русских, узбеков, молдаван и грузин и не менее четверти сельских жителей этих национальностей. Существенно выделяются своими театральными интересами жители Эстонии, особенно эстонцы; среди них свыше 80% горожан и сельчан посещают театры не менее 1—2 раз в год. (См. Приложение, с. 292.)

Более или менее регулярно читают литературу горожане всех национальностей (около 40%), а жители села отстают по этому показателю (приблизительно $\frac{1}{5}$ или

$\frac{1}{4}$ населения). Более или менее постоянно занимаются в свободное время спортом, охотой, рыбной ловлей среди различных национальностей от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$.

Занятие самодеятельностью вообще не широко распространено среди различных национальных групп и колеблется в пределах 10% у русских, молдаван, эстонцев, узбеков, грузин в городе, а в селе у молдаван и русских примерно 2%, у узбеков и грузин несколько выше. Более высокими показателями в этом отношении, так же как и более широким распространением любительских занятий, выделяются эстонцы, живущие в селах. Если в целом любительские занятия распространены примерно у $\frac{1}{5}$ части населения в выделенных национальных группах, то среди эстонцев — 41% в городе и 43% на селе.

Анализируя темпы изменения направления культурных интересов за последние десятилетия, можно предположить, что общим для всех национальностей в 80-е и, пожалуй, 90-е годы будет тенденция роста интереса к чтению книг и журналов, а также газет. Будет сохраняться интерес к просмотру телепередач, возможно даже увеличение такого времяпрепровождения. Можно ожидать в ближайшее десятилетие повышение посещения спектаклей профессиональных театров, так же как и повышение посещаемости музеев и выставок. В то же время интерес к кино имеет тенденцию к сокращению.

Такую оценку позволяют сделать выявленные тенденции изменений в интересах к различным видам деятельности в социальных и возрастных группах в 70-е годы. Например, в посещаемости театров (при том, что среднесоюзные показатели практически не изменились) имела место тенденция к росту в восьми республиках. Причем если анализировать по возрастным группам, то практически у всех исследованных национальностей в младших группах интерес к театру был самым высоким. Конечно, можно было бы предположить, что это связано с особенностью жизненного цикла. В известной мере это действительно так. В то же время совершенно очевидно, что люди в возрасте 25—39 лет, т. е. даже тогда, когда у них формируется семья и дети требуют особого внимания, являются довольно активными театралами. Из горожан 60—70% не только среди грузин, русских, но и среди узбеков бывают в театре не реже 1—2 раз в год. Для эстонцев посещение театра является привычным времяпрепровождением (среди лиц в возрасте 40—

49, 50—59 лет 80—90% посещают театры не реже 1—2 раз в год; даже среди 60-летних и старше почти 60% посещают театр). (См. Приложение, с. 293.)

Интерес к художественной литературе, так же как и к театральному искусству, был предметом нашего особого внимания, поскольку это наиболее содержательные виды культурной деятельности, в известной мере прогнозирующие духовные интересы, а также дифференцирующие современную аудиторию. Поэтому проанализировать проявление национальных особенностей по отношению к этим видам культуры представлялось особенно значимым. Прежде всего обращала на себя внимание особенность интереса к этим видам культуры в возрастных группах различных национальностей. Если среди эстонцев, грузин чтение художественной литературы, посещение театров более или менее равномерно присуще людям разных поколений, то среди узбеков, молдаван высокая культурная активность присуща младшим группам и существенно различается в старших возрастных группах. Так, постоянных читателей в возрасте до 30 лет среди узбеков вдвое больше, чем среди лиц в возрасте 30—39 лет, т. е. среднего поколения, и в 6 раз больше, чем среди 50—60-летних. Посещают театр не реже чем 1—2 раза в год более 70% узбеков в возрасте до 30 лет, в среднем возрасте — около 60% и старше 60 лет — 24%. (См. Приложение, с. 292, 293.)

Еще разительнее контрасты в культурной активности среди сельских жителей. Постоянных читателей художественной литературы среди узбеков и молдаван в возрасте до 30 лет практически вдвое больше, чем среди людей в среднем поколении, и в 10 раз больше, чем среди лиц 60 лет и старше. В то же время среди грузин и эстонцев таких существенных различий по возрастам в культурной активности не наблюдается и в составе сельского населения. Но именно потому, что у наций, в прошлом отстававших в своем культурном развитии, межпоколенные различия в культурной активности особенно заметны, важно отметить и такое обстоятельство, что в младших группах эти нации выравнивались с более урбанизированными народами и сближение имело место не только среди горожан, но и сельских жителей. Ведь среди узбеков и молдаван сельские жители составляют большинство, и поэтому особенно примечательно, что постоянных читателей в младших группах среди узбеков

теперь не меньше, чем среди эстонцев. Так, в селе постоянно читают художественную литературу в возрасте до 30 лет среди узбеков от 34 до 44%, среди эстонцев — от 30 до 40%. Среди сельского населения просматривают театральные спектакли не менее 1—2 раз в год у узбеков в этом возрасте около 60%, у эстонцев — более 80%. Естественно, такие высокие показатели культурной активности среди узбекского населения требуют объяснения. Несомненно, они были связаны с тем, что узбекскому селу присущ иной возрастной и социальный состав населения, чем во многих урбанизированных республиках. Узбеки, даже получив образование, чаще возвращаются жить в свои родные места. Поэтому доля специалистов с высшим и средним специальным образованием в узбекском селе выше, чем в селах урбанизированных республик, и они, естественно, проявляют широкий интерес к разнообразной культурной информации. (См. Приложение, с. 291—293.)

Повышение культурной активности жителей села в республиках с преимущественно сельскохозяйственной направленностью экономики, несомненно, способствует общему сближению духовной жизни наций с разной степенью урбанизации. О тенденции сближения народов свидетельствует и сходство культурных интересов в молодежных группах как прогнозирующих слоях населения. Прогнозирующими группами населения являются также и более образованные, квалифицированные слои — интеллигенция и квалифицированные рабочие. В проявлении культурных интересов, ориентациях на сложные виды досуговой деятельности в этих слоях у всех народов значительно больше сходства, чем в малоквалифицированных группах.

Как уже отмечалось, дифференцирующим показателем культурной активности, кстати, и менее, чем другие, зависимым от материальной базы культуры (например, в сравнении с театром), является чтение, и именно этот индикатор свидетельствует, что национальные различия для квалифицированных групп населения не имеют теперь сколько-нибудь заметного значения. Во всяком случае они более второстепенны в сравнении с различиями социально-профессиональными и различиями в условиях городской и сельской жизни. Этот вывод подтверждался и при специальном изучении читательских интересов²¹.

Тенденция сближения культурных интересов у людей различных национальностей в дальнейшем будет реализовываться также за счет увеличения общих черт в досуговой деятельности жителей города и села. Перспективы будущего в известной мере можно очертить, опираясь на материалы, полученные во время исследования в Эстонии, одной из наиболее урбанизированных республик страны. Постоянные читатели литературы здесь составляли в городе 37% и 29,5% на селе. Регулярно бывают в театре 1—2 раза в год свыше 80% жителей как города, так и села. Более частое посещение театров (1 раз в 2—3 месяца и 1 раз в месяц), естественно, характерно для городских жителей. Но и сельские жители многих районов Эстонии почти столь же частые их посетители в Тарту, Таллине и других городах. В республиках, где сельская местность менее урбанизирована и села разбросаны на большем отдалении, такая тенденция не может быть в ближайшей перспективе быстро реализована. Но все же увеличение сходства в образе жизни городских и сельских жителей, в их культурных интересах уже сейчас наблюдается повсюду.

Обнаруживая тенденцию к сближению наций в приобщении к культуре и при сравнении возрастных и социальных групп и при сравнении городского и сельского населения, исследователи задавались вопросом: за счет чего удерживаются различия в культуре наций в этом отношении? Материалы, собранные нами, показывают, что в современных условиях в наибольшей мере различия в культурной активности зависят от степени урбанизации и от представительства более квалифицированных и образованных групп населения в составе каждой нации, а также в известной мере от исторически сложившихся традиций того или другого народа.

Возникает вопрос: насколько устойчиво своеобразие национальной жизни в досуговой сфере? Об этом в известной мере можно судить по анализу предпочитаемых занятий в свободное время. Этот очень интересный индикатор позволяет проследить приоритетность видов культурной активности, общность и своеобразие в досуговой деятельности. Среди 11 видов возможного проведения досуга опрашиваемые могли отметить те, которым они отдали бы предпочтение, если бы у них появилось больше свободного времени.

Как показывают результаты опросов, сходство между народами проявляется прежде всего в том, что в число приоритетных видов деятельности — пяти наиболее желаемых занятий в случае увеличения досуга — у всех народов попало чтение, а у большинства такие занятия, как спорт, охота, рыбная ловля, туризм. Своеобразие проявляется в очередности приоритетных занятий. Узбеки на первое место поставили воспитание детей, далее следует ориентация на самообразование, учебу (второе и третье места в городе и селе), затем просто отдых (второе место в селе, третье — в городе), и далее отдается предпочтение чтению и просмотру телепередач. У молдаван высока ориентация на занятие домашним хозяйством и детьми (первое и третье места в городе и на селе), в городе у молдаван выделяется желание больше посвятить времени чтению, посещению кино, театров, а также самообразованию, а сельские молдаване в случае увеличения досуга стали бы использовать его на телепросмотр, чтение, посещение кино.

У русских воспитание детей вообще не попало в число пяти приоритетных занятий, на которые они ощущают нехватку времени. На домашнее хозяйство ориентированы главным образом русские, живущие в селах, а горожане поставили это занятие на четвертое место. С точки зрения активности непосредственно культурной деятельности русские-горожане отдали предпочтение чтению книг (первое место среди всех занятий), посещению кино (второе место), а далее занятиям спортом, охотой, рыбной ловлей, после этого упоминалось посещение театров (заметим, что такая приоритетность занятий фиксировалась по городам с преимущественно русским населением и средним по численности; естественно, что в столице и таких городах, как Ленинград, Свердловск, Горький, Новосибирск, с их развитой базой культурных учреждений, наличием театров, филармоний, консерватории она окажется несколько иной). Сельские жители отдали предпочтение телевидению (второе место), чтению (третье место), занятиям спортом, охотой, рыбной ловлей и просто отдыху. Эстонцы среди предпочитаемой досуговой деятельности в городе и на селе на первое место поставили чтение. Затем горожане считали наиболее желаемыми для себя театр, занятие спортом, охотой, рыбной ловлей, домашним хозяйством, воспитанием детей. Сельские эстонцы после чтения от-

дали предпочтение домашнему хозяйству, спорту, охоте и т. п., затем стали бы чаще посещать театры, выставки и, наконец, больше бы стали отдавать времени воспитанию детей.

Таким образом, чтение книг оказалось наиболее желаемым видом досуга у русских-горожан и эстонцев в городе и на селе; посещение театров — у эстонцев, русских и городских молдаван; кино — у городских русских, у молдаван в городе и на селе; телевидение — у узбеков в городе, у русских, молдаван на селе. Предпочтение телевидения в городских условиях узбеками, видимо, связано в большей мере с многодетностью семей, нежели с особой приверженностью узбеков к этому виду досуга. Телевидение как домашний вид отдыха и развлечения более доступен для многодетных родителей.

В занятия, в которых ощущают потребность большинство людей разных национальностей, включали спорт, охоту и рыбную ловлю (они не попали в число пяти наиболее приоритетных занятий только у молдаван). Домашнее хозяйство как вид деятельности в нерабочее время оказалось на первом месте у молдаван и русских на селе. В городах русские и эстонцы поставили этот вид деятельности на четвертое место. Потребность просто в отдыхе ощущают узбеки в городе и на селе и русские на селе, что связано, видимо, не только с физической усталостью, но и в известной мере с традиционными установками.

Структура предпочитаемых населением занятий в городе и на селе больше всего сходна у эстонцев, у них все пять видов деятельности, выделенные в приоритетные, оказались сходными. Среди молдаван и узбеков сходными у горожан и жителей села оказались 4 из 5 видов досуга. Русские-горожане и сельские жители проявили еще меньше сходства в своих выборах. У них совпали три вида деятельности среди желаемых.

Обращает на себя внимание тот факт, что в структуре предпочитаемых занятий русские, проживающие в республиках, проявляли большое сходство в выборе с основной коренной национальностью. Так, русские в городах Узбекистана проявили сходство с узбеками в выборе таких видов деятельности, как занятие спортом, охотой и рыбной ловлей, воспитание детей, и в ориентации преимущественно просто на отдых. Русские в городах Молдавии совпали с молдаванами в своем мнении

о четырёх из пяти видов проведения досуга, выделив среди них чтение, занятие домашним хозяйством, воспитание детей и посещение кинотеатров. Наибольшее сходство в структуре предпочитаемых занятий проявили русские с эстонцами в городах этой республики. У них не только совпали четыре наиболее ценимых вида занятий, но и последовательность их в трех видах была одинаковой — чтение, посещение выставок и театров, спорт.

Анализируя культурные интересы русских горожан, мы уже обратили внимание на специфику их в разных типах поселения. Разнообразие культурных учреждений, так же как и состав населения в городах и селах разного типа, несомненно, накладывает отпечаток на культурную жизнь их населения. Поэтому чем более разнообразен тип поселений в каждой из республик, чем больше городов с их разнообразной сетью культурных учреждений, тем, естественно, разнообразнее культурная жизнь народов, проживающих на территории республик.

Анализ своеобразия культурной жизни в городах разных типов был проведен в ходе исследования по программе «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР» в Молдавии. В ходе сравнения культурной жизни столицы республики Кишинева, средних городов (Тирасполя и Бендер) и малых городов стало очевидным, что существенных различий между столицей и средними городами в культурной активности их населения не замечается, но жители малых городов выделяются значительным сходством и по своим культурным интересам, и по активности с жителями сел, особенно крупных. Постоянно читают художественную литературу и не реже 1—2 раз в год бывают в театре, постоянно занимаются спортом, охотой, любительскими занятиями, участвуют в художественной самодеятельности практически равные пропорции жителей как в Кишиневе, так и в средних городах. В равной мере с ними жители малых городов участвуют в прослушивании радиопередач, почти в равной мере в просмотре телепередач. Но в таких видах досуговой деятельности, как чтение, посещение театров, жители малых городов заметно отстают от столичных жителей и проживающих в средних городах Молдавии (см. табл. 3).

О сходстве и различии в культурных интересах жителей городов разного типа свидетельствует и анализ

предпочитаемых занятий во внерабочее время. Практически 5 из 11 видов проведения нерабочего времени оказались для жителей Кишинева и средних городов одинаковыми. В число их попали чтение, занятие домашним хозяйством, воспитание детей, посещение театров и выставок, занятие спортом, охотой, рыбной ловлей, туризмом, посещение кино. Чтение книг поставили на первое-второе место жители как столицы, так и средних городов. Затем после занятий домашним хозяйством были поставлены столичными жителями самообразование, учеба, посещение театров и кино, жителями средних городов — воспитание детей, просмотр телепередач, самообразование, учеба, а затем посещение театров. В малых городах на первое место среди занятий при дополни-

Таблица 3. Интенсивность занятий в сфере культуры населения разных по величине городов Молдавской ССР, в %

	Кишинев	Средние города	Малые города
Постоянно читают художественную литературу	48	46	32
смотрят телепередачи	70	78	66
слушают радиопередачи	74	78	71
Бывают в театре не реже 1—2 раз в год	69	75	36
Постоянно занимаются спортом, охотой и т. п.	37	38	29
любительскими занятиями	26	37	30
художественной самодеятельностью	7	7	6

тельном свободном времени было поставлено домашнее хозяйство (40% жителей высказали такое желание), а затем чтение книг и газет (26%), потом воспитание детей, просмотр телепередач, посещение кино. Малые города отличаются от больших и средних и ориентацией населения на домашнее хозяйство (если здесь ему отдали предпочтение 40% населения, то в Кишиневе и средних городах — не более трети). Но в целом жители малых городов, занимаясь различными видами деятельности, не так уж заметно отличаются от населения сто-

лицы и средних городов (см. табл. 4). Они отличаются больше структурой первоочередности предпочитаемых занятий, но не долей выразивших желание заниматься тем или иным видом деятельности. Они меньше ориентированы на выделение времени для посещения театров и концертов, что, естественно, соответствует их возможностям. Что касается чтения, просмотра телепередач, времени на самообразование и учебу, то они сходны в своих ориентациях с жителями средних городов.

Попытаемся сделать еще один шаг для углубления рассмотрения сходства и различия наций в культурных предпочтениях, обратившись к анализу содержания самих культурных интересов.

Как отмечалось, чтение оказалось общим для всех народов предпочитаемым видом досуга, но при этом важно, что читают поклонники книг, к каким сюжетам и жанрам проявляют интерес читатели различных национальностей. Одними из самых популярных у всех национальностей (в этом отношении выделяются лишь эстонцы) являются книги о войне, любви и дружбе, приключенческая литература. Приоритетность этих тем среди читательских интересов обусловлена прежде всего

**Таблица 4. Предпочитаемые занятия
во внерабочее время жителей
разных городских поселений Молдавии, в %**

Если бы у Вас было больше нерабочего времени, то как бы Вы его использовали?	Кишинев	Средние города	Малые города
На домашнее хозяйство	29	33	40
На воспитание детей	24	27	24
На самообразование и учебу	25	17	17
На чтение (книг, газет)	33	29	26
На спорт, охоту, рыбную ловлю, туризм	22	18	16
Чаше ходил бы в кино	25	17	18
На просмотр телепередач, слушание радио	18	22	19
Просто отдыхал бы, играл в домино, карты	7	6	5
Чаше ходил бы на выставки, в театр, на концерты	25	16	18
Занимался бы художественной самодеятельностью	4	5	3
На любительские занятия	5	5	5

тем, что эти книги доступны самым широким кругам читателей. Различие же в интересе к тому или другому сюжету связано с общей образованностью (понятие, которое мы считаем более емким, чем уровень образования) населения, которая определяется и культурными традициями, и спецификой ценностных ориентаций. Так, очевидно, что эстонцы и грузины выделяются интересом к литературе сложного психологического содержания, она заняла у них третье место среди выделенных семи тем. Видимо, это связано с тем, что читательские интересы и у эстонцев, и у грузин имеют более давние традиции среди самых широких слоев населения. Очень высок интерес у этих наций и к литературе о прошлом своего народа. Исторические романы и повести заняли у грузин первое место, у эстонцев — третье среди предпочитаемой литературы, что, несомненно, является выражением высокого уровня национального самосознания у этих народов.

Литература о прошлом заняла второе место у читателей-узбеков, у русских же и молдаван — четвертое место. Но для русских литература о войне, которая стоит практически на первом месте, является продолжением этой исторической тематики.

Общественно-политическая литература пользуется большим вниманием у русских и молдаван, что в известной мере может быть выражением уровня общественно-политической и социальной активности.

Естественно, дает о себе знать определенная специфика читательских интересов у людей разных возрастов. Так, у всех национальностей среди молодежи больше интерес к специальной литературе, что связано с учебой. У молодежи же и несколько больший интерес к литературе о любви и дружбе в сравнении с интересом к военной литературе, в то время как среди людей средних возрастов интерес к литературе о войне и о прошлом своего народа занимает большее место. Примечательно, что в среднем поколении повышается интерес не только к литературе о прошлом и военных событиях, но и к общественно-политической литературе. Русские, проживающие в республиках, и в отношении к видам культурной деятельности, и в своих литературных вкусах также существенно сходны с коренными нациями. Особенно это сходство очевидно с эстонцами в Эстонской ССР, что проявляется в доле ориентированных на литературу

сложного психологического содержания и в снижении интереса к литературе о военных событиях.

Очевидное своеобразие сохраняется у людей разных национальностей в ориентациях на различные музыкальные жанры. Самой широкой популярностью среди городского населения у эстонцев и русских пользуется эстрадная и народная музыка. Эстрадной музыке у эстонцев в городах Эстонии отдали предпочтение около 70% населения, у русских в городах РСФСР — около половины. Народной музыке среди эстонцев отдали предпочтение около 40% в городе и на селе, а у русских — половина населения в городе и свыше 70% на селе. Число поклонников симфонической музыки не превышает $\frac{1}{5}$ части населения, т. е. практически она популярна среди интеллигенции. Но, как правило, те, кто любит музыку вообще, ценят хорошие произведения всех жанров. Грузинский композитор Г. Баланчивадзе, разрешивший нам обнародовать его мнение, сказал в своем интервью: «Я люблю хорошую музыку, будь то оратория или эстрадное произведение, а тем более народная песня».

Несколько неожиданными для нас были как раз результаты опросов грузин. При столь богатом и разнообразном культурном наследии, в том числе в профессиональной симфонической музыке, и широком круге талантливых исполнителей грузины в очень незначительной части своей даже в городе отдали предпочтение симфонической музыке (7%) и эстрадной (13% в городе, 5% на селе), балету и современным танцам (не более 4%). Народная музыка здесь оказалась наиболее популярной, приоритет ей отдало большинство в городах и селах, так же как и народным танцам. Даже народные песни других национальностей по популярности оказались у грузин выше, чем симфоническая музыка и балет. Эти в значительной мере неожиданные данные подтверждались и «выбором» наиболее интересного для опрашиваемых концерта, причем условия «выбора» были очень жесткими. Строилась проективная ситуация, в которой человек имеет один свободный вечер и ему предлагают выбрать билет на концерт, популярный в тот или иной период (середина 70-х — начало 80-х годов), с хорошими исполнителями. Отбор наиболее популярной музыки и исполнителей в каждом виде произведений определялся во время предварительных, так назы-

заемых пилотажных опросов. Например, в начале 70-х годов предлагался на выбор концерт Ансамбля грузинской песни и пляски, ансамбля «Березка», польского ансамбля «Мазовше», концерт из произведений Палиашвили, Мусоргского, Рахманинова, концерт ансамбля «Орэро», концерт зарубежного эстрадного оркестра, эстрадный концерт с участием Л. Зыкиной, О. Воронец. И оказалось, что концертам классической музыки отдали предпочтение не более 5% грузин, а эстрадной — $\frac{1}{3}$ в городе и всего 1% на селе, в то время как концерты народной музыки оказались предпочитаемыми у 70% горожан. Видимо, это связано с традицией приоритетности народной музыки как национальной в общественном мнении и с тем, что народные песни в Грузии часто исполняются дома и в кругу друзей, любовь к ним прививается с самого раннего детства.

Если по интересу к театру грузины ближе оказались по своим вкусам к эстонцам и русским, то по музыкальным вкусам очень сходны с молдаванами и узбеками. У молдаван ситуация с музыкальными вкусами примерно такая же, как у грузин, с той лишь разницей, что современные танцы и эстрада пользуются у них большей популярностью. Но больше всего симпатий остается на стороне народной музыки и танцев (народной музыке отдали предпочтение до 70% молдаван в городе и 90% на селе, эстраде — 34% в городе и 12% на селе). Любители симфонической музыки даже в городе не превышают 10%.

Доминирует предпочтение народной музыки и танцев у узбеков. Практически 90% горожан и сельских жителей назвали их в числе любимых. Эстраду практически никто из узбеков не назвал в числе любимых жанров. Но видимо, такая ситуация отражала не столько собственные вкусы, сколько общественное мнение. Во всяком случае при выборе концерта $\frac{1}{4}$ горожан и $\frac{1}{5}$ сельских жителей, прежде всего молодежь, отдали предпочтение концерту легкой эстрадной музыки, но при этом концерты народной музыки, так же как и при общей оценке любимой музыки, заняли абсолютно приоритетную позицию (70% в городе и свыше 80% на селе).

Как и в отношении интереса к театру, менее всего расхождение во вкусах горожан и сельских жителей проявилось у полярных по своим музыкальным ориентациям наций — эстонцев и узбеков. Но сходство это

происходит на совсем разной качественной основе. Среди эстонцев наблюдается сходство во вкусах горожан и сельских жителей за счет примерно одинаковой доли интересующихся различными жанрами в музыке и танцах (и особенно это проявляется практически в равной доле предпочитающих эстрадную музыку в городской и сельской среде). В среде же узбеков сходство обнаруживается за счет доминирующей склонности к народной музыке и танцам во всех слоях населения.

У русских расхождение в музыкальных вкусах горожан и сельских жителей оказалось самым выраженным. Предпочитающих симфоническую музыку среди горожан в 7 раз больше, чем в селе, а легкую музыку — в 2 раза больше.

О тенденциях в музыкальных предпочтениях можно судить по молодежным группам, и особенно в когорте 30-летних, т. е. в том возрасте, когда молодежные увлечения проходят и стабилизируются устойчивые вкусы. Выделив эти группы, мы имели возможность наблюдать не только у русских и эстонцев, но и у молдаван, грузин повышение интереса к современной эстрадной и симфонической музыке.

Наиболее разнообразны музыкальные вкусы в группе высококвалифицированных специалистов. В этом отношении выделяется молдавская и узбекская интеллигенция, которая в своей доминирующей части отдала предпочтение народной музыке.

За счет чего возникает такое разнообразие в музыкальных предпочтениях у народов? Выделив население в городских и сельских условиях, мы отчетливо видим, что сельские жители всех национальностей, за исключением эстонцев, отдают предпочтение народной музыке и танцам. Следовательно, можно предположить, что горожане, выходцы из села, тоже до какого-то времени могут сохранять сложившиеся с детства предпочтения. Такая ситуация возможна среди молдаван и узбеков, среди которых горожане первого поколения представляли в 70-х годах довольно значительную группу. Но среди грузин и русских вряд ли в течение столь долгого времени могут сохраняться такие предпочтения за счет традиционных установок. И это заставляет предположить, не являются ли высказывания о предпочтении народной музыки выражением национального самосознания. Симптоматично, что когда опрашиваемые были по-

ставлены в ситуацию выбора концерта, то уже не $\frac{1}{10}$, а $\frac{1}{3}$ городских грузин отдали предпочтение концерту легкой эстрадной музыки, а среди русских в городах в 2,5 раза, в селах в 3 раза большее число пошло бы на концерт эстрады, чем на концерт народной музыки и танца. Даже среди узбеков, целиком отдававших симпатии народной музыке, $\frac{1}{4}$ населения в городе и $\frac{1}{5}$ на селе пошли бы на концерт эстрадной музыки. Стало быть, при выборе любимой музыки люди в определенной мере руководствуются отношением к своей национальной культуре. Конечно, в немалой мере на музыкальные предпочтения влияет степень урбанизации, распространение новых образцов поведения в среде того или иного народа. И все же для одних наций предпочтение народной музыки — это тоска по прошлому или выражение национального самосознания, для других (грузин, молдаван, узбеков) — это уже реальная жизнь, выражение повседневной культуры даже в условиях урбанизации. В этом и есть реальное проявление национального многообразия в художественной культуре народов.

Наиболее ценным обществом выражением культурной активности является творчество. В нашем исследовании оно зафиксировано участием населения в художественной самодеятельности, а также в распространении любительских занятий (игра на музыкальных инструментах, резьба, вышивка, радиолубительство и т. п.).

К сожалению, фиксируемый визуально рост коллективов художественной самодеятельности, различных конкурсов, фестивалей самодеятельных коллективов в 70-е годы еще не привел к существенным изменениям в участии в них широких масс населения. Судя по опросам, среди представителей всех национальностей постоянные участники художественной самодеятельности составляли не более 10% населения. Среди русских и молдаван активность в этом отношении была несколько меньше, а среди эстонцев и грузин — несколько выше (3—4% среди русских, 9—12% среди узбеков, грузин, эстонцев в городе и на селе).

Более значительное место в досуговой деятельности людей разных национальностей принадлежит любительским занятиям. Практически $\frac{1}{3}$ населения среди русских, узбеков, свыше 40% среди эстонцев, $\frac{1}{5}$ часть населения среди молдаван отдают свое время различным видам любительских занятий. Здесь, конечно, сказыва-

ются исторические традиции в таких видах деятельности, как вышивка или ковроткачество, чеканка или резьба. Такие любительские занятия всемерно поощряются. В современных условиях они противостоят бездеятельному досугу и рассматриваются одним из средств борьбы с отклоняющимся поведением. В стране пропагандируется образ жизни людей, которые ведут насыщенную и активную культурную жизнь в свободное время. В передовой от 5 января 1986 г. «Правда» рассказывала об увлечении рабочего совхоза «Салантай» в Литве Алессаса Гапанавичюса, создавшего по своей инициативе музей, в котором были собраны народные музыкальные инструменты, древняя крестьянская посуда, старые книги и журналы. Ветеран войны Яков Янченко из города Коссово Брестской области отдавал свое свободное время живописи, радуя своими картинами односельчан. Житель Симферополя Георгий Мануйлов вместе со своими одноклубниками из секции ДОСААФ совершает дальние автопробеги на собранных машинах.

Все эти виды деятельности отвечают решению той задачи, которая ставится КПСС по формированию гармонически развитой, общественно активной личности, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство. Клубные учреждения на местах нацелены на то, чтобы стать опорными центрами партийных организаций в воспитании общественной активности и совершенствовании культурного досуга.

На воспитание культурного досуга ориентированы многие новые формы, родившиеся в последнее время в городах и селах страны. Это и «Огоньки», собирающие молодежь и представителей старшего поколения, и вечера «От всей души», «Что? Где? Когда?», которые проводятся не только средствами массовой информации, но и внедряются в жизнь в городах и селах, активизируя все звенья организации досуга, культурно-спортивные комплексы на местах. Правительство ориентирует их на обеспечение благоприятных условий для содержательного проведения досуга. Досуг должен стать источником духовного роста, хорошего настроения, здоровья.

До сих пор мы проводили сравнение наций разных республик, которые представляют различные регионы нашей страны, отмечали общие черты в их культурной активности и национальные особенности. Теперь корот-

ко остановимся на сходстве и различиях между национальностями в пределах республик.

Как отмечалось, наибольшее сходство в доле активных читателей, в их литературных интересах, в посещении театров обнаруживалось у эстонцев и русских в Эстонии. Это можно объяснить как тем, что здесь контактируют представители наиболее урбанизированных наций, так и тем, что наличествуют условия, при которых основная, коренная национальность выделяется в Союзе такими высокими показателями культурной активности, при которых все другие национальности быстрее воспринимают ее образцы проведения досуга. Но нужно отметить, что с течением времени все больше проявляется сходство в видах досуга между национальностями и в пределах других республик. Так, в Узбекской ССР (полярной по уровню урбанизации в сравнении с Эстонией), по данным опроса 80-х годов, в Ташкенте наблюдалось выраженное сходство в отношении к культуре, в активности проведения досуга среди представителей всех наиболее многочисленных в этой республике национальностей. Так, у узбеков, русских, украинцев, татар доля постоянных читателей литературы колебалась в пределах 46,5—54,8%, посещающих театр 1—2 раза в год — от 53,3 до 59%, а посещающих театр 1 раз в 2—3 месяца — в пределах 24—14%.

Отличаются национальности здесь больше не по активности, а по интересам к тем или другим видам литературы и музыки. В этом отношении русские, например, более сходны по своим вкусам с русскими в РСФСР и других республиках.

В Кишиневе, по результатам опросов 80-х годов, активность досуга у молдаван, русских и украинцев была практически одинаковой (постоянные читатели составляли 50—58%, а доля самых активных театралов колебалась в пределах 39—40%). Русские и армяне в Тбилиси в сходных социальных группах тоже практически не отличаются культурной активностью от грузин. Отличия в досуге инонациональных групп здесь имели место, но связаны они обычно со спецификой их социального состава.

Среди грузин в современных условиях, как уже упоминалось, выше доля людей с высшим образованием, специалистов, и практически именно это определяет более высокую долю постоянных читателей и театралов

ных зрителей среди них. Что касается содержания культурных интересов, то русские в Тбилиси более сходны в своих читательских интересах и музыкальных вкусах с русскими в РСФСР. Армяне же в своих музыкальных склонностях близки к грузинам. Таким образом, в видах и интенсивности проведения досуга во всех республиках у коренных национальностей и у инонациональных групп, в том числе русских, наблюдается существенное, можно сказать преобладающее, сходство. Различия более очевидны в интересах к конкретным жанрам литературы и музыки.

Итак, при рассмотрении изменений в культурной сфере образа жизни, сходства и особенностей в активности проведения досуга и художественных вкусах можно сказать, что интеллектуализация общества в современных условиях проявляется не только в увеличении круга образованных людей. Этот процесс находит проявление в различных показателях и охватывает довольно широкие круги населения. Одним из наиболее очевидных показателей его является приоритетность чтения среди всех других видов досуговых занятий, которая оказалась характерной для всех национальностей. Как мы видели, не было каких-то исключений среди всех групп опрошенных в желании больше отдавать времени чтению. Таким же показателем может быть и рост интереса к театру, который во многих районах страны является выразителем общественных настроений. Именно литература и театр призывают к повышению нравственности, моральной чистоте. Не случайно книги А. Иванова, П. Проскурина, Н. Думбадзе, Ч. Айтматова, В. Распутина, в которых были выражены эти настроения, входили в число самых популярных.

Процесс интеллектуализации общества в 60-е и особенно в 70-е годы касался всех национальностей, в том числе в прошлом отстававших. Особенно примечательны в этом отношении данные о расширении круга читателей и посещающих театр в селах Узбекистана. Изменения эти прежде всего происходили за счет того, что в узбекском селе оставалась молодежь и специалисты, получившие образование, возвращались на родину.

И сейчас и в ближайшей перспективе Прибалтийские республики, центр РСФСР, столицы республик будут оставаться районами, где культурная активность населения наиболее высока и разнообразна. Но тенденции

к сближению показателей активности проявляются достаточно интенсивно, и уже сейчас среди городских жителей разных регионов каких-либо существенных различий в этом отношении не наблюдается.

На вопрос, культурная среда или исторически сложившиеся привычки больше всего определяют особенности в культурной активности национальностей, нельзя дать однозначного ответа. Даже в одинаковых видах досуговой деятельности имеют значение то среда (например, для посещения театров в больших городах в сравнении с малыми), то традиции, развитость интересов (например, к тому же театру в Эстонии). Совершенно очевидно, однако, что в приобщении к культуре, в активности досуговой деятельности национальные особенности в привычках, вкусах отступают на второй план в сравнении с различиями городской и сельской среды, особенностями в культуре социальных групп. Более того, сами различия в культурной активности наций решающим образом определяются долей в их составе городских и сельских жителей, степенью урбанизации среды проживания и связанной с этим долей квалифицированных работников. И проявляются эти различия не в приобщенности или отстраненности по отношению к каким-то видам культурной деятельности, а в широте круга активных читателей, слушателей, зрителей, тех, кто не просто читает, а читает постоянно, не просто посещает театр, а делает это 1 раз в 2—3 месяца и чаще, посещает концерты, музеи и проявляет интерес к наиболее содержательным видам чтения, музыки и т. п.

Все большее значение для роста культурной активности приобретает содержание художественных произведений. Популярное произведение литературы, драматургии дефицитны, а очередь за ними в библиотеках расписана далеко вперед, в то же время немало книг пылится на полках в магазинах. Не всегда развитость того или иного вида искусства определяет активность интереса к нему. Пример тому — Грузия. Развитость музыкальной исполнительской культуры грузин совсем не соответствует наполненности концертных залов в городах Грузии.

Ни массовость, ни глубину процесса интеллектуализации общества не следует преувеличивать. Расширению круга читателей совсем не всегда соответствует столь же заметное увеличение интересующихся литературой,

поднимающей общественно значимые проблемы, обращающейся к сложным психологическим сюжетам. Рост интереса к литературе, театру совсем не всегда означал, что активные читатели и театралы внешне воспринятое преобразуют в нормы своего собственного сознания и поведения. Это вопрос специальный.

Но все же тяга основной массы к произведениям злободневным, интеллектуально насыщенным, несомненно, означает проявление осознанной внутренней потребности к самосовершенствованию. Оценивая период недавно минувший, В. Катаев писал о том, что надо различать интеллигентность и псевдоинтеллигентность. «Иным кажется, что стоит лишь усвоить некую систему манер и интересов, как сделаешься интеллигентом, — отмечал он в интервью «Литературной газете». — Что, как правило, включают в такую «систему»: собрание книг, осведомленность в культурной жизни, вхождение в круг завсегдатаев какого-нибудь элитарного клуба — Дома ученых, архитектора, художника, Дома кино, ЦДЛ, ЦДРИ, ВТО и т. д. ...«Система» псевдоинтеллигентности ориентирует людей на внешнюю атрибутику культуры, на всеядность: предписывают знать литературу (почему-то в основном зарубежную!), музыку, живопись, любить народные хоры, которых у нас теперь необычайно много (к слову сказать, от выступлений некоторых так и несет купеческим и трактирным духом).

Подобные «системы», о которых мы здесь говорим, придумывают и конструируют ловкачи псевдоинтеллигенты...

К сожалению, на удочку всяких таких «систем» попадают и простые, славные люди, менее искушенные и, может, искренне желающие нравственно совершенствоваться.

Интеллигент вовсе не обязательно должен все знать и любить... Но он обязан уметь слушать «музыку революции»...»²²

Можно сказать, что именно в 70—80-е годы, когда духовные ценности стали действительно доступными широкому кругу публики — и потому, что они интенсивно тиражировались, и потому, что уровень образования населения подготавливал к их восприятию, — стала особенно очевидной важность того, что мы читаем, слушаем, стремимся увидеть, насколько все это согласуется

с самовыражением людей, их нравственными позициями в жизни. Осознавалось это во всех республиках. Для всех было очевидным, что «культурная служба», в частности даже киноискусство и театр, вовсе не всегда отвечают возросшим потребностям людей. Создание таких новых творческих организаций в сфере культуры, как, например, Союз театральных деятелей СССР, объединяющий театральные общества всех союзных республик, призван стимулировать творческую жизнь в искусстве²³.

Требовали внимания и другие нерешенные проблемы. Так, различия в условиях культурно-бытовой жизни еще заметно сказываются на возможностях культурной активности людей разных национальностей, проживающих в отдаленных от культурных центров районах. Это влияет, в частности, и на показатели культурной активности как русского населения в сельских районах, так и народов Средней Азии. И хотя средства массовой информации существенно нивелируют условия культурной жизни, тем не менее внимание к совершенствованию культурного обслуживания в отдаленных и труднодоступных районах должно быть неослабеваемым.

НЕКОТОРЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ КУЛЬТУРЫ И ПРОЦЕССЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ

До сих пор мы обращались к тем сторонам культурной жизни народа, которые имеют очевидно выраженное социальное значение. Достижение схождения уровня образования, активности проведения досуга всех национальностей имеет, несомненно, гуманистический смысл и означает реализацию тех ожиданий, которые люди связывают со справедливым социальным строем. Рассмотрим и такие явления, которые обычно связывают с национальной спецификой в жизни народа, т. е. те элементы в культуре, которые несут этническую нагрузку. Выполняя этноконсолидирующую роль, они в то же время имеют и этноразличительные функции, ибо само использование этих элементов, приверженность к ним воспринимаются как маркеры принадлежности к определенной этнической общности. К таким элементам культуры относятся этническая специфика в художественной и социально-нормативной культуре (обычай, обыряды и пр.), язык и элементы материальной культуры (пища, одежда, жилище) и т. д.

Разнообразный исторический опыт развития народов мира свидетельствует как о довольно устойчивом сохранении этнических специфических черт в культуре, так и о межкультурных взаимодействиях в формировании общего слоя культуры, особенно в полиэтнических государствах. До сих пор на международных форумах и в мировой литературе идут споры как об оценке направления в межэтнических взаимодействиях, их интенсивности, так и о наиболее соответствующих развитию цивилизации путях государственной политики в этой сфере. Нужно разобраться, что доминирует: «плавильный котел» (перемалывание национальных различий), «салат» (новые образования при определенном сохранении компонентов состава) или «культурный плюра-

лизм» (сохранение обособленных национальных культур)? Какие тенденции отвечают больше всего интересам народов, интересам цивилизации?

Советский опыт взаимодействия народов, стоявших в прошлом на разных ступенях общественного развития, живущих в одних случаях компактно, в других более дисперсно, дает богатейший материал для рассмотрения результатов межнациональных контактов.

Политика партии, зафиксированная в Программе КПСС, нацелена на развитие и сближение культур народов СССР¹. При этом обращается внимание на создание условий для развития литературы, искусства всех национальностей нашей страны и в то же время для контактов творческой интеллигенции, для распространения их лучших достижений в среде не только своих, но и других народов. Проследим, как в результате такой политики формируются культурные интересы населения, потребности и установки на чтение книг национальных писателей и поэтов, литераторов других народов, прослушивание музыки национальной и инонациональной, вошедшей в фонд общесоветской культуры. Наконец, как меняются традиции повседневного поведения, нормы взаимоотношений людей, как соотносятся в результате общесоветские и национальные черты, т. е. как в целом складываются этнокультурные ориентации людей, имеют ли они специфику в разных сферах культуры — литературе, музыке, языковой жизни, повседневном поведении.

Выявленные особенности этнокультурной ориентации в социальных и демографических группах в известной мере позволяют прогнозировать тенденции во взаимодействии культур, сделать определенные выводы о том, как меняются национальные вкусы, в каких сферах культуры национальная специфика удерживается более стойко, где идет более активная интернационализация.

1. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ

Как известно, в культурологической и этнографической литературе культуру делят на материальную и духовную. Условность такого деления очевидна, поскольку творчество литераторов воплощается в книгах, деятельность архитекторов материализуется в памятниках архитектуры, какие-то элементы материальной культу-

ры (например, сванки или тюбетейки) могут служить выражением национального самосознания, национальных чувств.

Нам уже приходилось писать о том, что в материальной культуре, по наблюдениям этнографов и по материалам социологических исследований, интернационализация идет наиболее активно². Промышленное производство продовольственных товаров, одежды и мебели в соответствии с современными стандартами и моделями не оставляет большого места для сохранения национальной специфики, за исключением тех случаев, когда это делается для потребностей моды (мебельные гарнитуры в стиле «ретро» или кухни в стиле крестьянской избы, вышивка по старинным образцам и т. п.). Коснулось это всех районов страны, но все же в различных видах материальной культуры у разных народов процесс этот идет далеко с не одинаковой степенью интенсивности. Что касается видов материальной культуры, то теперь, когда проведены исследования по всей стране, совершенно очевидно, что у многих народов в наибольшей мере национальные вкусы и предпочтения сохраняются в пище, затем уже в одежде и интерьере, что больше согласуется с природными условиями и направлением народнохозяйственного развития регионов.

Национальная специфика во всех видах материальной культуры возрастает с запада на восток и с севера на юг. В республиках Средней Азии и теперь мы видим на улице людей, особенно женщин, в национальных платьях, мужчин в тюбетейках, а когда входим в дома, то даже в городских условиях замечаем больше ковров, чем в домах европейских районов страны, и непременно пивалы, а к столу повседневно подаются блюда национальной кухни. В республиках Закавказья национальная специфика больше удерживается в пище, значительно меньше — в интерьере и еще меньше — в одежде (практически только в сельских условиях). Национальная пища заметно доминирует у узбеков. 87% узбеков в городе отдали предпочтение национальной пище, в деревне — 96%. Около 40% молдаван в городе и деревне предпочитают национальную пищу. В то же время русские (в Саратовской области) предпочтение национальной пище выразили более заметно в селе (около 30%), в городе — лишь 12%. Совсем незначительное число людей среди эстонцев отдали предпочте-

ние национальным блюдам. Хотя в этом случае, видимо, речь идет скорее об осознании каких-то блюд как национальных, поскольку в составе продуктов в Прибалтике все же сохраняется своя специфика. У эстонцев в составе пищи преобладают молочные и мучные продукты, хотя, конечно, мясо и овощи также входят в ассортимент блюд.

Материалы исследований показывают, что национальная пища часто имеет не столько этнические границы, сколько региональные. Например, русские, проживающие в Узбекистане, Грузии, Молдавии, часто предпочитают местную кухню своей национальной пище, хотя в целом у них преобладает выбор блюд, не имеющих национальной окраски. Выбор элементов национальной кухни обычно продиктован не стремлением сохранить национальную кухню, а реальной потребностью и в известной мере стремлением к экзотике в этой сфере.

Как уже говорилось, национальные элементы в одежде исчезают еще быстрее. Это наблюдается даже среди узбеков, где, казалось, этот пласт традиционной культуры удерживается более устойчиво (особенно у сельских жителей). Национальные головные уборы, халаты, обувь носят в селе 75%, в городе эти атрибуты имеют и время от времени используют 69% населения. Важно обратить внимание, что здесь обнаруживаются различия между группами населения с разным социальным статусом: например, среди горожан, специалистов высшей квалификации, имеют и что-то используют из национальной одежды 63%, среди разнорабочих — 78%, но «вилка» эта не такая уж заметная.

В других районах страны значительно уже круг людей, имеющих национальную одежду и использующих ее. В Молдавии, например, национальные головные уборы и праздничные наряды, куртки носят лишь 8% горожан и 15% жителей села.

Еще меньше сохраняется специфика в интерьере домов. Только в Узбекистане примерно $\frac{1}{4}$ узбеков в городе и на селе при проектировании покупок на будущее отдали предпочтение элементам национального декоративного убранства.

В духовной культуре разнообразие сочетания элементов национальной и интернациональной культуры

больше, чем в материальной. Совершенно отчетливо доминируют общесоветские черты у всех народов в сфере идеологии, в определении основных жизненных ценностей.

Общим идеологическим содержанием пронизана художественная культура — литературные произведения, драматургия, живопись. Но вместе с тем при единстве основных жизненных идеалов, отражающихся в содержании литературы или искусства, большое значение имеет здесь и выражение их в национально-специфической форме. Именно в этой форме они наиболее глубоко доходят до разума и сердец читателей и слушателей. Поэтому национальная литература у большинства народов союзных республик (в автономных республиках и областях в этом отношении больше вариативности) пользуется неизменной популярностью.

Читательские интересы населения в различных республиках страны изучались под руководством Н. Е. Добрыниной социологами Государственной библиотеки имени В. И. Ленина в специальном исследовании «Чтение как фактор сближения культур народов СССР». Этому предшествовал ряд социологических исследований читательских интересов. Первые из них были проведены еще в конце 50-х годов среди относительно небольшого круга читателей библиотек Ленинграда. Через семь лет исследование было повторено. Оно обнаружило расширение «национальных границ», интернационализацию нашего культурного фонда и читательских интересов. Если в 50-х годах в числе популярных литераторов ленинградцы довольно часто называли имя латышского писателя В. Лациса, то теперь не менее часто упоминались такие известные во всем мире художники слова, как киргиз по национальности Ч. Айтматов, литовский поэт Э. Межелайтис.

В конце 60-х годов было проведено исследование «Советский читатель», которое охватило не только РСФСР, но и восемь союзных республик (Украину, Белоруссию, Казахстан, Азербайджан, Латвию, Киргизию, Армению, Таджикистан). Среди наиболее популярных книг тогда были выделены произведения не только уже упомянутых авторов, но и Навои, Низами, Рудаки, Хафиза, Хаяма³. Исследователи зафиксировали существенное расширение круга читателей, обращающихся к произведениям литератур братских народов.

Исследование, специально посвященное чтению как фактору сближения культур, проведенное в начале 80-х годов, показало, что в целом у абонентов массовых библиотек преобладает своя родная литература. Исследователи выделили среди нерусского населения разные типы читательских ориентаций. Первый тип — ориентированные преимущественно на родную литературу. Это читатели в селах Средней Азии и Закавказья (от 54 до 70% и более среди читателей в целом и 50—60% среди квалифицированных работников). Второй тип читателей — это ориентированные на родную и русскую литературу. Такие читатели есть во всех республиках, даже в мононациональных селах республик (примерно 25%). Но особенно характерен такой тип читателей в районах с наибольшим распространением двуязычия (на Украине, в Казахстане, Молдавии).

Преимущественная ориентация на русскую литературу характерна для читателей в Белоруссии. И наконец, выявился еще один тип читателей, ориентированных преимущественно на родную и зарубежную литературу. Такие читатели преобладают в Прибалтийских республиках (например, в Литве их примерно 40% населения). Но это отнюдь не означает, что читатели «замкнуты» только на этой литературе. 88% из них читают русские издания и 85% имеют книги русских писателей в домашних библиотеках.

Как показали исследования, люди нерусской национальности читают литературу на русском языке чаще, чем говорят на нем. Как можно судить по материалам исследования, у наиболее активных читателей популярны писатели разных народов. Материалы опросов, изучение читательских автобиографий показывают, что среди наиболее популярных произведений — книги К. Симонова, А. Иванова, П. Проскурина, А. Чаковского, В. Быкова, В. Лациса, Р. Гамзатова, Ю. Рытхэу, М. Стельмаха, Н. Думбадзе, Ю. Балтушиса, И. Шамякина, Ч. Айтматова, Ю. Смула⁴.

Можно констатировать, что, называя высокоценных деятелей культуры, люди многих национальностей выделяли русских писателей чаще, чем русских композиторов и художников. На русскую литературу в значительной мере ориентированы и инонациональные группы, проживающие в республиках. Например, до 80% украинцев, татар, евреев в Ташкенте во время опросов

Т а б л и ц а 5. Некоторые характеристики музыкальных интересов людей разных национальностей, в %

Предпочтения в музыкальных интересах	Русские		Эстонцы		Грузины		Молдаване		Узбеки	
	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Предпочитают народную музыку своей национальности	51	76	37	32	60	84	67	90	86	93
народную музыку других народов	51	76	5	2	5	4	20	13	8	5
симфоническую, классическую музыку	21	3	19	8	13	1	7	1	11	6
легкую, эстрадную музыку	44	19	68	68	35	18	34	12	—	—
народные танцы своей национальности	47	72	41	40	75	85	78	91	85	93
балет, классические танцы	19	6	26	13	13	2	9	2	6	4
современные танцы	30	10	48	52	18	9	26	8	15	6

Национальные предпочтения

Выбор концерта музыки и танцев своей национальности	65	80	43	60	83	90	68	85	80	91
русской музыки и танцев	20	5	12	9	7	4	19	11	5	2
зарубежной музыки	20	5	42	31	13	6	17	4	5	2

Музыкальные вкусы

Выбор концерта народной музыки	32	22	23	25	45	63	70	85	69	86
классической музыки	15	3	23	8	15	6	6	1	5	3
легкой, эстрадной музыки	59	69	50	64	52	38	27	14	28	20

80-х годов среди популярных и любимых ими писателей называли русских. Столь же велика была доля назвавших русских писателей как выдающихся деятелей культуры среди украинцев, болгар, гагаузов в Кишиневе и среди армян в Тбилиси. Итак, литературные ориентации при сохранении интереса к своей родной литературе, несомненно, в целом интернационализируются.

Национальные предпочтения в сфере музыки более вариативны. Современный спектр интересов в музыке зафиксирован в нашем исследовании у русских и эстонцев. Это проявляется в интернациональном спектре ориентаций русских и эстонских слушателей на симфоническую и эстрадную музыку. Как правило, среди почитателей этих музыкальных жанров любовь к своим национальным композиторам сочетается с интересом к музыкальным произведениям, вошедшим в фонд общесоветской и мировой культуры. Но в Эстонии партийное руководство выразило озабоченность тем, что в репертуарной направленности театров, концертных коллективов, клубных учреждений наметилась тенденция к уходу от глубокой социальной тематики, некоторая склонность к национальной обособленности⁵.

Национальные предпочтения в музыке у узбеков, грузин и молдаван выражаются главным образом в склонности к собственной народной музыке (см. табл. 5).

При условии более жесткого выбора, когда опрашиваемым предлагали выбрать концерт при условии, что у них один свободный вечер, лишь у эстонцев «на равных» конкурировали концерты национальной музыки и произведения зарубежных композиторов. Правда, степень такого предпочтения разная. При условии, если остается один свободный вечер, среди горожан пошли бы на концерт своей национальной музыки 65% русских, 80—83% грузин и узбеков, а среди селян — 80% русских, 90—91% грузин и узбеков. (См. также Приложение, с. 295.)

У узбеков, молдаван и грузин различия в музыкальных вкусах в целом у разных поколений и социально-профессиональных групп мало выражены. Это касается и национальных аспектов таких вкусов. В то же время у эстонцев и у узбеков различия по поколениям более заметны (см. табл. 6,7). Обычно предпочитая национальную музыку, люди среди выдающихся деятелей музыкальной культуры чаще называли своих националь-

Т а б л и ц а 6. Музыкальные интересы возрастных групп коренной национальности в городах Эстонской ССР, в %

Музыкальные интересы	Узбеки							Эстонцы						
	18-19 лет	20-24 года	25-29 лет	30-39 лет	40-49 лет	50-59 лет	60 лет и старше	18-19 лет	20-24 года	25-29 лет	30-39 лет	40-49 лет	50-59 лет	60 лет и старше
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1														
Предпочитаемая музыка народная музыка своей национальности русская народная музыка симфоническая, классическая легкая, эстрадная	75	73	87	88	90	95	91	17	26	27	29	33	42	57
	13	14	6	10	7	3	5	0	4	2	3	6	5	7
	—	—	—	—	—	—	—	17	20	14	16	23	20	20
	24	9	5	8	6	8	10	17	20	14	16	23	20	20
Предпочитаемые танцы народные своей национальности русские народные танцы балет, классические танцы современные танцы	66	80	80	90	86	94	92	17	24	34	34	36	51	64
	5	9	5	7	4	3	1	5	6	20	4	13	8	10
	6	7	8	5	3	5	9	17	26	3	25	27	29	29
	37	30	16	13	6	6	6	5	78	71	56	48	41	20
Национальные предпочтения														
Выбор концерта музыки и танцев своей национальности русской музыки зарубежной музыки	81	81	80	88	86	84	75	20	21	26	34	51	54	58
	9	10	11	8	8	4	6	0	6	10	12	17	13	11
	12	13	7	7	3	3	1	80	75	70	43	33	28	16
Музыкальные вкусы														
Выбор концерта классической музыки легкой, эстрадной музыки	6	11	5	8	8	5	5	4	23	20	22	25	25	23
	49	49	33	33	24	15	11	0	64	68	60	51		

Таблица 7. Музыкальные интересы социально-профессиональных групп узбекского и эстонского городского населения, в %

Социально-профессиональные группы	Какая музыка Вам больше нравится?				Какие танцы Вам больше нравятся?			
	народная своей национальности	русская народная	симфоническая	легкая	народные своей национальности	русские народные	балет	современные
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Узбеки								
квалифицированные работники физического труда	81	8	6	18	76	7	7	23
неквалифицированные работники физического труда	95	4	8	2	93	2	6	6
служащие	80	17	9	19	78	12	2	17
специалисты средней квалификации	80	15	10	20	77	7	11	24
специалисты высшей квалификации	85	9	6	15	21	6	6	12
Эстонцы								
квалифицированные работники физического труда	32	4	7	77	34	6	11	59
неквалифицированные работники физического труда	56	5	8	50	59	9	27	32
служащие	25	2	19	78	36	6	27	53
специалисты средней квалификации	28	5	31	74	33	10	34	48
специалисты высшей квалификации	36	7	24	61	39	17	23	56

ных артистов и композиторов. Но это не всегда свидетельство национальной замкнутости в музыкальной культуре. Несмотря на приоритет национальной музыки, ее любители знают также зарубежных композиторов и исполнителей, особенно современной музыки, дают ей высокую оценку. Как правило, среди выдающихся композиторов и артистов назывались деятели и других национальностей. (См. Приложение, с. 295.)

Особенно многогранны национальные ориентации в музыке среди лиц некоренных национальностей в республиках. Например, у русских, болгар, гагаузов, еврей-

ев в Молдавии практически более половины ответивших на вопрос о выдающихся деятелях культуры называли композиторов и исполнителей не своей национальности. Армяне, проживающие в Грузии, отдавали предпочтение музыкальным деятелям своей национальности, затем грузинским и русским, а среди писателей на втором месте после армянских шли русские, потом грузинские.

Национальные ориентации у народов в преимущественно эмоциональных видах культуры (в первую очередь, в музыке, танцах), как правило, складываются в пользу предпочтения своей культуры (хотя это далеко не всегда означает узконациональную замкнутость). В то же время в литературе расширенные интересы берут верх, и тогда они складываются в пользу тех культур, которые располагают большим арсеналом произведений высокого профессионального уровня.

Несмотря на языковое различие, к литературе интерес наиболее интернационален, особенно в перспективных группах у всех национальностей. В музыкальных интересах, которые служили индикатором ориентаций в эмоциональных видах культуры, проявляется большая склонность к своей национальной культуре.

Различие в вариативности национальных вкусов в литературе и музыке вполне объяснимо. Музыка доставляет эмоциональное удовольствие, в ней привычность мелодии, ритмики имеет большое значение. Широкая ориентация на национальную музыку совсем не обязательно связана с национальной замкнутостью в культуре вообще, в других ее формах. Литературные интересы больше связаны с общественными устремлениями, с потребностью найти ответы на волнующие вопросы, и поэтому в подходе к литературным произведениям руководствуются не столько привычностью стиля, образов, сколько увлекательностью сюжета, содержанием. Осмысливая этот процесс на примере среднеазиатских народов, Ч. Айтматов писал: «...несколько десятилетий назад, когда в республиках Средней Азии национальная культура в современном понимании, в современных формах только складывалась, формировалась, задача была в том, чтобы возродить и использовать фольклор, традиции, а на их основе развивать современные виды искусства — литературу, театр, музыку, живопись. Тогда этого было достаточно. Я бы позволил

себе назвать те годы романтическим периодом нашего развития. Сейчас задачи уже решены, и ограничивать национальные культуры прежними рамками, мягко говоря, нецелесообразно». Пользуясь системой художественных образов, сложившихся в традициях культуры, образным поэтическим мышлением данного народа, и художник и вся культура в целом, считает писатель, должны постоянно обращаться к темам общезначимым, выходящим за национальные рамки⁶. Именно такие произведения пользуются широким признанием.

Одной из сфер духовной жизни народов являются обряды, сопровождающие жизненные циклы от рождения до кончины. О некоторых их формах будет специально идти речь в следующем разделе книги о социоперформативной культуре. Остановимся на этнических ориентациях в обрядах. Как неоднократно отмечалось, традиционная национальная обрядность в современных условиях выступает вместе с общесоветской праздничной культурой, новыми обрядами и праздниками. Этому вопросу посвящена специальная литература. В связи с темой данного раздела выделяется лишь один вопрос — об общественном мнении по поводу национально-специфических элементов в обрядности.

На конкретных этапах исторического развития обрядность народов СССР имела специфические особенности как в символическом отражении представлений об идеалах человека и отношениях между людьми в обществе и семье, так и в соотношении традиционных и новых форм в обрядах⁷.

Проблема соотношения традиционного и нового в обряде — один из вопросов о многообразных формах адаптации традиционной культуры к новой эпохе, о тенденциях и перспективах ее развития в наши дни. Соотношение традиционного и нового в обряде имеет не только этнографический, но и социально-психологический аспект, связанный с взаимоотношением людей, типами их поведения в ритуально-обрядовых ситуациях. Исследования в этой области помогают раскрыть механизм передачи межпоколенной «этнической» информации⁸.

В этнографических исследованиях с использованием этносоциологических методов был получен вывод, который нам важно подчеркнуть: отношение к родильным, свадебным и похоронным обрядам у людей, как правило, взаимосвязано. Те, кто положительно относится к

гражданскому обряду имянаречения, как правило, считают, что в случае утраты близкого человека их чувства лучше всего выразит гражданский погребальный ритуал. То же можно сказать и о свадебных обрядах. При этом характерно, что люди более склонны к соблюдению традиционных свадебных, чем родильных, обрядов⁹. Видимо, отношение к свадебному обряду в системе обрядовых циклов, связанных с жизнью семьи, является достаточно выразительным показателем для оценки сохранения и перспектив развития семейной обрядности.

Выбор именно «свадебного» индикатора для изучения бытования современной семейной обрядности в наши дни обусловлен следующими причинами: во-первых, современная свадебная обрядность изучена значительно лучше обрядности других семейных циклов; во-вторых, у разных народов наибольшее число традиционных элементов содержится именно в свадебном торжестве; в-третьих, среди всех рекомендаций и сценариев, разрабатываемых работниками «обрядовой службы» для проведения тех или иных церемониалов, сценарии свадеб выделяются включением наиболее ярких, эмоциональных, этнопоказательных моментов традиционной свадьбы¹⁰. В силу вышеуказанных причин этот индикатор выдвигался на первый план не только в этносоциологических исследованиях, но и в работах этнографов, когда они стремились охарактеризовать генеральные тенденции развития обрядности у народов СССР¹¹.

Обратим внимание, что отношение к семейной обрядности взаимосвязано с бытованием у народов традиционной культуры в целом. В республиках, где были проведены исследования (РСФСР, Узбекистан, Грузия, Эстония, Молдавия), пласт традиционной культуры в наибольшей мере сохраняется в Узбекистане. Здесь довольно прочно удерживаются традиции взаимоотношений старшего и младшего поколений, главенство мужчины в семье, нерасторжимость семейных уз. Узбеки, как и все народы Средней Азии, чаще, чем жители других регионов страны, носят национальную одежду. В области духовной культуры они сильно ориентированы на национальную народную музыку и танцы (в городах — 70—80% узбеков!). И за свадьбу с развернутым или хотя бы частичным традиционным обрядом высказалось около 80% узбеков. В такой свадьбе, ес-

тественно, имеет место и гражданская регистрация брака в загсе, а в самом ритуале свадьбы сочетаются новые и старые элементы, зачастую переосмысленные. Так, в свадебное пиршество включается теперь праздничное застолье, во время которого чествуют жениха и невесту в присутствии их родителей, что свидетельствует о преодолении патриархального обычая избегания. Раздельное пиршество теперь вообще относится к числу уходящих свадебных традиций.

Общественным мнением осуждаются элементы традиционных свадебных обычаев, не отвечающие современному образу жизни. Так, до 80% узбеков при опросе высказались против калыма — заранее оговоренной платы за невесту дорогостоящими подарками. Конечно, в той или другой форме традиция дарить подарки остается, но они приобретают другой смысл: это уже не унижающая женщину плата за нее, а способ помочь молодым создать материальную базу для ведения собственного хозяйства.

Многие ритуальные действия тоже получают иное, чем прежде, значение. Джигитовка друзей жениха около свадебного поезда у хорезмских узбеков, киргизов, таджиков, имевшая в прошлом охранно-магический смысл, теперь приобрела черты праздничного состязания. У киргизов, например, даже в городе сохраняется красочный обычай старой свадьбы — чачыла — осыпание невесты при входе в дом мужа сладостями (жареного в масле кусочками раскатанного дрожжевого теста — боорсок)¹². В прошлом у большинства земледельческих народов СССР обрядовое осыпание жениха и невесты хмелем, коноплей, зерном было важным моментом свадебного церемониала. Магическое значение подобного обычая, как правило, забыто, но сам обычай не исчез. В модифицированных формах он сохраняется во многих районах, особенно в сельской местности. Наряду с традиционными хмелем, зерном жениха и невесту осыпают теперь конфетами или другими сладостями. Изменился и смысл, закладываемый в обряд: это прежде всего пожелание молодым счастливой, «сладкой» жизни.

В современной свадьбе с традиционными элементами сохраняются танцы, музыка, пение. Впрочем, они нередко заимствуются из старой свадьбы, даже если справляется просто вечеринка (за такую форму свадь-

бы среди узбеков высказалось 16% горожан и 13% сельчан). К свадьбе обычно готовят блюда традиционной кухни. Можно сказать, что в определенных ситуациях (в данном случае на свадьбе) пища продолжает играть роль «этнического» символа в общении людей. Например, для многих народов среднеазиатско-казахстанского региона обязательным праздничным угощением являются баурсак и плов. В то же время в каждой области Узбекистана и сейчас еще сохраняются свои излюбленные специфические свадебные блюда¹³. У киргизов, по материалам С. И. Каракеевой, в свадебном угощении обязательны традиционные блюда (лепешки, беш-бармак и куйрук боор, кусочки вареной печени с курдючным жиром и др.). Характерны и взаимовлияния. Так, на свадебном столе русских Среднего Поволжья можно встретить традиционные блюда других здешних народов (пирожки типа татарских перемячей, пельмени, орешки из теста и др.)¹⁴. Вместе с тем следует подчеркнуть, что даже у народов среднеазиатско-казахстанского региона, где традиции обрядовой пищи достаточно живы, на праздничном столе все чаще появляются блюда, заимствованные у других народов СССР.

По интенсивности предпочтения национального свадебного ритуала среди народов, у которых проводились исследования, вслед за узбеками идут молдаване, затем грузины, эстонцы и русские. За свадьбу с полным или частичным соблюдением национальных обрядов высказалось 55% молдаван в городе и 76% в селе; среди грузин и эстонцев — около половины опрошенных в городе и чуть больше (до 55%) сельских жителей; среди русских в РСФСР — $\frac{1}{5}$ населения города и около половины — села.

Хотя в основном отношение к традиционным свадебным обрядам соответствует степени сохранения традиционного комплекса культуры у народов в целом, отдельные народы проявляют здесь и свои особенности. Например, грузины довольно стойко удерживают традиционные нормы взаимоотношений в семье (даже в городе $\frac{2}{3}$ грузин считают обязательным получить разрешение родителей на брак; свыше 70% считают развод недопустимым, если в семье есть дети). За свадьбу с соблюдением национальных традиций высказалось не более 53% опрошенных. Таким образом, национальные

традиции, национальное самосознание у грузин находят выражение в каких-то других сферах и символах. Возможно, довольно высокий процент лиц, предпочитающих простое застолье (37%) и затруднившихся ответить на вопрос о предпочтительной форме свадьбы (10%), связан с тем, что в конце 60-х — начале 70-х годов свадьбы с национальным ритуалом нередко были чрезмерно пышными, приобретали престижный характер, что вызывало осуждение немалой части населения. Когда общественные организации в республике начали вести борьбу с искажением народных традиций, эти меры получили повсеместное одобрение (во время опросов общественного мнения за очищение народных традиций от «чуждых им наслоений» высказалось 74% опрошенных¹⁵).

Иная ситуация сложилась в Эстонии. Пережитки патриархальных норм в семейных отношениях здесь в основном изжиты. Показательно, что 78% эстонцев считают необязательным согласие родителей на брак и 50% допускают развод, если у супругов появилось новое сильное чувство. И вместе с тем 45% эстонцев в городе и 55% в селе высказались за свадьбу с редуцированным или развернутым национальным обрядом. В сельской местности доля молодежи, высказавшейся за свадьбу по традиционному обряду, оказалась не меньше, чем доля лиц старшего и среднего возраста, а в городе даже несколько больше. В возрастных группах 18—19 лет и 20—24 года за свадьбу с полным или частичным соблюдением обрядов высказалось 47—51%, в группе старше 50 лет — около 40%. Говоря же о реальном бытовании в практике современной свадьбы традиционных эстонских элементов, исследователи отмечают, что «жизнь сделала свой отбор». Несмотря на красочность, не привились такие элементы старой свадьбы, как надевание чепца и передника на новобрачную, «починка» передника, «распределение свадебных подношений». В то же время приобрели популярность такие обычаи, как преграждение пути свадебному поезду, проверка «умения» молодых (новобрачные должны публично продемонстрировать свои хозяйственные способности), «похищение» невесты (свадебная игра, сопровождающаяся «выкупом» невесты)¹⁶. Возможно, традиционный свадебный обряд в его современной форме, лишенный патриархальных черт и унижительных обыча-

ев (сватовство превратилось в знакомство семей будущих супругов и т. п.), становится одним из символов, в которых находит выражение этническое самосознание. Среди эстонской интеллигенции за свадьбу с традиционными элементами высказалось даже несколько больше представителей городской интеллигенции (среди специалистов высшей и средней квалификации в городе — 46—57%), чем работников физического труда (42—43%). Это как раз подтверждает, что отношение к свадебному обряду может быть связано с выражением национального самосознания.

У русских или молдаван подобной ситуации не обнаружено. У них урбанизация явно способствует падению интереса к традиционным ритуалам. Среди русских в РСФСР за свадьбу по традиционному обряду в городе высказалось вдвое меньше опрошенных, чем в селе; у молдаван — примерно на треть меньше. Среди интеллигенции и квалифицированных рабочих по сравнению с менее квалифицированными группами у этих народов меньше лиц, предпочитающих соблюдение традиционных свадебных обычаев. У молдаван в городе за свадьбу по традиционному обряду высказались 50—55% рабочих низкой и средней квалификации и около половины интеллигенции; у русских — около 30% рабочих и около 20% интеллигенции. Ситуация, сходная с той, что сложилась у эстонцев, зафиксирована М. Я. Устиновой у латышей¹⁷. В 60-х годах в Латвии сформировалась современная свадебная обрядность, включавшая традиционные элементы, отвечавшие нынешним нормам жизни.

Рассмотренные формы современного свадебного ритуала народов СССР отражают в определенной мере и национальную политику нашего государства. Напомним, что при конструировании сценариев торжественного ритуала бракосочетания комиссиями по внедрению новых обрядов учитывалась общая тенденция, отмеченная этнографами.

Наблюдения этнографов показывают, что в 30—40-е годы стали выпадать отдельные этапы традиционного свадебного ритуала. Но уже к началу 50-х годов положение меняется. Этнографы отмечают устойчивость бытования элементов традиционной свадьбы в 40—50-е годы, возрождение того, что, казалось, уже совершенно ушло из быта¹⁸. Возрожденные элементы традиционной

свадьбы фиксируются исследователями, занимающимися вопросами бытования традиционной свадебной обрядности в наши дни. Сошлемся на одно из последних свидетельств. Изучение русской свадьбы в Среднем Поволжье показало, что в 1946—1960 гг. традиционный свадебный ритуал переживал здесь определенную регенерацию¹⁹. Возрождение традиционных звеньев свадьбы ученые связывают с разными причинами²⁰. Чаще всего указывалось на возросшее материальное благосостояние советских людей. Однако не исключено, что интерес к национальному свадебному ритуалу связан с проявившейся в 60—70-е годы общей тенденцией, направленной на возрождение этнически своеобразных форм культуры, которые помогают избежать излишней стандартизации быта. Стремление к «эстетизации» быта связано и с желанием внести красочные, игровые элементы в эмоционально напряженные моменты жизни людей. Недаром в свадьбе возродились как раз развлекательно-игровые моменты, разумеется, часто переосмысленные и наполненные новым, интересным содержанием.

Однако некоторые свадебные традиции практически не прерывались. Например, молдавская свадьба, как и прежде, богата стихотворными декламациями²¹. Показательны наблюдения Н. В. Зорина в Среднем Поволжье. В опросный лист им были включены вопросы, фиксировавшие изменения в таких предсвадебных действиях русских, как переговоры о приданом, получение «кладки» от жениха, одаривание родственников жениха и невесты, рукобיתье и «запой», помощь подруг невесты при подготовке к свадьбе, девичник и обрядовое посещение бани. Итоги исследования красноречивы: за последнее время не было отмечено ни одной свадьбы, где был бы выдержан весь этот комплекс предсвадебного ритуала. В собственно свадьбу большей частью включаются всего один-два традиционных элемента, причем наибольшее распространение имеют «битие горшков» (около 37% свадеб, проводившихся в 1966—1970 гг.) и «поиски ярки» (19%). Характерны модификации этих обычаев. Традиционное битие горшков после брачной ночи сейчас заменено битием тарелок «на счастье». Обычай «искать ярку» давно превратился в театрализованное действие, цель которого — возобновление свадебного пира. Игровым моментом стало

хождение ряженных по улицам села, подметание новобрачной пола и другие обряды²².

Наши материалы позволяют выделить этноспецифические особенности рассматриваемого явления. К тому же, говоря о повсеместном возрождении элементов традиционной свадьбы, нельзя не охарактеризовать это явление и с точки зрения его специфики в отдельных социально-демографических группах населения. Так, у узбекской молодежи интерес к традиционной свадьбе не вырос (он остался примерно на том же уровне). Но отношение узбеков к свадебным обрядам не может быть показательным, ибо подавляющее большинство из них придерживается национальных традиций в быту. Не наблюдается повышения интереса к свадебной обрядности и среди грузин. Это скорее всего связано с тем, что, как уже говорилось, в 70-е годы происходило очищение национальных традиций от наслоений, не соответствовавших требованиям социалистического образа жизни. В то же время, если говорить о русском населении РСФСР, этнокультурные бытовые традиции которого в итоге урбанизации были размыты в наибольшей степени, то этносоциологическим исследованием отмечен заметный разрыв в интересе к традиционному свадебному ритуалу (среди лиц старше 60 лет 40% в городе и 60% в селе высказались за свадьбы с традиционными элементами, в других же возрастных группах такую форму свадьбы предпочитают около 20% в городе и около 40% в селе).

Таким образом, возрождение интереса к традиционному свадебному ритуалу, зафиксированное исследователями у ряда народов, объясняется не только потребностью в ярком, более красочном оформлении торжественных моментов семейной жизни. Это явление, несомненно, связано также с выражением в свадебной обрядности этнического самосознания народов. Свадьба, как и любое другое явление культуры, занимает свое автономное место в этнической культуре народа. Соответственно функционирующие в нашей жизни элементы традиционной свадьбы играют определенную роль в системе ценностно-нормативных признаков этнического самосознания. К сходным выводам о месте традиционного слоя культуры в общем культурном фонде народа приходят и другие исследователи²³.

Примечательно, что при общей тенденции к восста-

новлению в свадебном ритуале традиционных элементов возрождаются именно те из них, в которых заложено интернациональное ядро, которые утверждают общегуманистические идеалы и являются символами добра и красоты. Межэтнические контакты, взаимовлияния и нарастание схождения свадебных традиций разных народов — вообще характерная черта современного развития национальных культур. Итогом социокультурного развития народов стало повсеместное утверждение новых форм современного свадебного ритуала, включающего торжественную регистрацию брака, новые формы свадебных поздравлений, застолья, развлечений и лучшие традиционные элементы народной свадебной обрядности.

Таким образом, если одни факторы, прежде всего такие, как урбанизация, преодоление отживших традиций, связанных с религией и патриархальными отношениями, ускоряющиеся темпы жизни и известная стандартизация ее, обусловленная научно-технической революцией, приводили к тому, что интерес к семейной обрядности падал, то некоторые другие, в том числе социально-психологические, наоборот, повышали интерес к ней.

Дальнейшее изучение отношения к обрядам вообще и к семейным в частности в связи с изменениями в общественной психологии, национальном самосознании, функционированием общественного мнения может значительно обогатить наши представления о тенденциях и перспективах развития традиционной культуры в целом в духовной жизни народов.

2. СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ

Развитие и распространение общесоветской национальной культуры органически связано с языковой жизнью народов нашей страны. Специалисты насчитывают более 130 языков, на которых разговаривают советские люди различных национальностей. Национальные языки — это языки школьного образования, периодической печати, литературы, театра, кинематографии. На 55 языках издаются в Советском Союзе газеты и на

46 — журналы, на 52 — учебные пособия для школ, на 89 издавалась за годы Советской власти литература, на 67 языках ведется радиовещание, на 42 идут спектакли в театрах страны²⁴.

Выпуск и тиражи изданий книг только художественной литературы в соответствии с численностью наций, а также использованием фондов литературы за 1918—1980 гг. составили: на русском языке — 168,3 тыс. книг тиражом 10,6 млрд. экземпляров; украинском — соответственно 25,1 тыс. и 919,2 млн.; белорусском — 5,8 и 158,4; узбекском — 5,2 и 142,9; казахском — 5,5 и 123,2; грузинском — 9,7 и 133,3; азербайджанском — 5,4 и 89,6; литовском — 4,2 и 104,0; молдавском — 2,8 и 57,2; латышском — 4,7 и 132,5; киргизском — 3,3 и 51,8; таджикском — 2,1 и 41,1; армянском — 5,9 и 94,7; туркменском — 2,0 и 42,1; эстонском — 3,5 тыс. и 91,0 млн.²⁵

Как отмечают специалисты в области этноязыковых процессов, большинство профессиональной литературы по промышленности и сельскому хозяйству издается на русском языке, общественно-политическая литература и литература художественная очень широко переводятся на языки народов СССР. В 1980 г., например, в нашей стране были осуществлены переводы книг и брошюр на 102 языка, в том числе с русского — на 97 языков, украинского — 22, литовского и эстонского (с каждого) — 20, киргизского — 17, белорусского — 16, узбекского — 15, латышского и армянского (с каждого) — 12, азербайджанского — 11, столько же с казахского и молдавского, с грузинского — 10, столько же с таджикского и туркменского²⁶.

В большинстве союзных республик лица коренной национальности преимущественно обучались на своем родном языке. В Узбекистане, Грузии, Азербайджане, Литве, Таджикистане, Армении, Туркмении 80% учащихся обучались в школах с родным языком обучения²⁷. В связи с реформой общеобразовательной и профессиональной школы предусматривается расширить полиграфические мощности и производство высококачественных материалов для издания учебников на языках народов СССР. В новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза говорится о том, что партия и в дальнейшем будет обеспечивать «свободное развитие и равноправное использование всеми гражданами СССР родных языков»²⁸.

Язык своей национальности стабильно осознается большинством населения как родной язык. Во время Всесоюзной переписи населения 1959 г. родным назвали язык своей национальности 94,3% населения СССР, в том числе 87,6% всего нерусского населения. В 1970 г. язык своей национальности называли родным 93,9%, а среди нерусского населения — 87,0%, в 1979 г. — соответственно 93,1 и 85,6%²⁹. Обучение на родном языке, издание на нем книг и газет позволяют довести господствующую в обществе идеологию, ценности, моральные и нравственные принципы до самых широких кругов населения, способствует решению задачи, которую ставил В. И. Ленин, — «перевести истинное коммунистическое учение... на язык каждого народа»³⁰. Родной язык осознается как национальная ценность, отношение к нему является выражением национального самосознания советских людей.

Характерные высказывания в этом отношении содержатся на страницах печати, художественной литературы. На страницах журнала «Коммунист Советской Латвии» в статье «Язык и общественное развитие» говорится: «Национальное самосознание означает не только то, что каждый индивид или каждая национальная группа сознают свою национальную принадлежность, но и то, что они оцениваяюще относятся к своей нации, языку, культуре, традициям... И высокая степень грамотности, владение литературным языком имеют тут существенное значение, занимают важное место в формировании духовного и политического облика советского человека». Автор статьи отмечает, что требуется повышение высокой языковой культуры, освоение языка, в особенности родного языка. Именно родной язык, «та речь, которую ребенок слышит, осваивает с первых лет жизни, формирует основу его интеллекта, дает первое устойчивое представление о понятиях и реалиях жизни, на что позднее опирается овладение всеми знаниями и навыками». Автор приводит слова Андрея Упита: «Родной язык человеку необходим как хлеб и вода»³¹.

Значение развития родных языков осознается повсеместно. Не случайно на XXVII съезде Коммунистической партии Грузии в январе 1986 г. в Отчетном докладе Центрального Комитета Компартии республики говорилось: «ЦК углубленно занимался вопросами разви-

тия грузинского, абхазского, осетинского, армянского, азербайджанского, греческого языков»³².

Характерно, что все крупномасштабные этносоциологические исследования фиксировали: абсолютное большинство населения в составе различных национальностей опиралось при национальной идентификации прежде всего на родной язык³³.

Родной язык — основной, в ряде республик это доминирующий разговорный язык у всех изучавшихся коренных наций союзных республик. По данным опроса населения столиц, т. е. наиболее многонациональной среды, родной язык был основным разговорным языком дома у всех коренных наций в республиках, в которых проходили наши исследования (от 97—98% — у грузин и узбеков, до 70% — у молдаван). На работе национальный язык использовался в зависимости от этнического состава коллективов, поэтому в той или иной мере на нем говорили при общении на работе практически 90% грузин, 73% эстонцев, половина узбеков и молдаван. Родной язык был языком политической информации. Свыше 90% грузин, 70% узбеков, 76% молдаван читали прессу не только на русском, но и на своем национальном языке (хотя доля читающих газеты только на своем национальном языке была значительно меньше: среди молдаван — 16%, узбеков — 30%)³⁴.

Судя по результатам сравнительных опросов населения, ориентация на свой родной язык не уменьшается. А по результатам опросов начала 80-х годов столичного населения, живущего в наиболее многонациональной среде, 96% грузин и 66% узбеков хотели обучать своих детей на своем национальном языке, так же как почти 84% эстонцев в Таллине и 66% молдаван в Кишиневе.

Ориентация на использование родных языков сочетается в нашей стране с широким распространением русского языка как языка межнационального общения. В новой редакции Программы КПСС говорится, что «овладение, наряду с языком своей национальности, русским языком, добровольно принятым советскими людьми в качестве средства межнационального общения, расширяет доступ к достижениям науки, техники, отечественной и мировой культуры»³⁵.

В 1980 г. на русском языке было издано 950 книг тиражом 51 млн. экз., переведенных с языков народов СССР, в том числе 102 книги, переведенные с украинс-

ного, 112 — с латышского, 66 — с эстонского, 55 — с армянского, 52 — с узбекского, 49 — с казахского, 46 — с литовского, 45 — с белорусского, 43 — с азербайджанского, 31 — с киргизского, 30 — с грузинского, 29 — с молдавского, 20 — с таджикского, 15 — с туркменского, 169 — с языков коренных национальностей автономных республик РСФСР³⁶.

Для ознакомления широкого читателя с творчеством писателей и поэтов из союзных республик центральные издательства выпускают не только отдельные произведения, но и книжные серии. Так, с 1982 г. началась публикация новой книжной серии библиотеки «Дерево дружбы». В первую книгу — «В семье вольной, новой» — вошли произведения русских и украинских поэтов. В 1983 г. книга «В ладонях гор» познакомила читателей с произведениями украинских и армянских поэтов. И наконец, сборник стихов «Двойная радуга» состоял из лучших произведений грузинских и русских авторов, в которых затрагивалась идея дружбы русского и грузинского народов³⁷.

Русский язык является (служит) не только языком — стимулятором социального роста, посредником в распространении принятых в советском обществе культурных ценностей (народов СССР), но и основным, не будет преувеличением сказать — самым активным в каждой республике, средством межнационального общения.

Характерно, что с ростом социально-культурной общности советских народов эти функции русского языка прогрессируют весьма быстро. Еще в 1970 г. свободно владели русским, как вторым, языком всего 37% людей нерусских национальностей, а 11,5% считали его родным. Если, таким образом, в 1970 г., условно говоря, «русскоязычных» среди нерусских было меньше половины их численности, то через 10 лет, по данным следующей переписи 1979 г., нерусские, считающие его родным или свободно владеющие им, составили уже почти $\frac{2}{3}$ нерусского населения, точнее, 62%. Рост произошел главным образом за счет тех, кто овладел русским языком как вторым.

Их число выросло почти на 20 млн. человек и составило в 1979 г. более 61 млн. людей нерусской национальности. Приобщение к русскому языку как к родному шло гораздо менее интенсивно. Если в 1970 г. приз-

нали его родным 11,5% нерусского населения, то в 1979 г. — 13%¹⁸. (См. также Приложение, с. 296.)

Активнее приобщались к русскому языку, естественно, славянские народы: белорусы и украинцы. Между другими народами наблюдались заметные различия, диктуемые разными обстоятельствами.

Разница между нациями союзных республик, находившихся на крайних позициях по масштабам распространения русского языка как второго языка, составляла в 1970 г. 34,5 пункта (14,5% узбеков и 49% белорусов); в 1979 г. размах вариации сократился и составил 24 пункта (у эстонцев — 23%, у белорусов — 57%) (см. табл. 8). В целом среди большинства коренных наций союзных республик распространение двуязычия шло все же относительно равномерно. У туркмен, казахов, киргизов, молдаван, латышей, азербайджанцев, украинцев, таджиков, литовцев доля лиц, свободно владеющих русским языком, возросла на 10 — 16%, у грузин, белорусов, армян — на 5,4—8,5%. Трудно объяснить был исключительно быстрый рост числа узбеков, знающих русский язык, зафиксированных переписью (см. табл. 8). При более или менее равномерных темпах освоения русского языка доля владеющих им у разных народов все же сильно различалась.

Интенсивность освоения русского языка зависела прежде всего от глубинных, в основе своей объективных факторов. У народов были и есть разные возможности и разные потребности в овладении другими языками. Если говорить о доступности, то русский язык может быть легко освоен славянскими народами, и совершенно естественно, что среди них — украинцев и белорусов — самая высокая доля людей, свободно владеющих русским языком или считающих его родным. Повидимому, при огромной значимости в нашей стране языка межнационального общения острота потребности в нем среди наций все же неодинакова. Знание и интерес к языкам, судя по мировой практике, определяются в значительной мере объективными причинами, и в первую очередь тем, насколько собственный язык удовлетворяет социально-культурные потребности народа. Последнее обусловлено языковым фондом культуры, точнее, интенсивностью использования фондов культуры на том или ином языке и активностью языкового общения. Так, меньше всего владеют языками других

Таблица 8. Русский язык у нерусских национальностей*
в 1970 и 1979 гг.**, в %

	1970 г.			1979 г.		
	считают родным языком	свободно владеют	итого	считают родным языком	свободно владеют	итого
Белорусы	19	49	68	25	57	82
Украинцы	14	35	49	17	50	67
Латыши	4,5	45	50	4	57	61
Казахи	1,5	42	43,5	2	52	54
Молдаване	4	36	40	6	47	53
Литовцы	1,5	36	37,5	2	54	56
Армяне	8	30	38	8	39	47
Эстонцы	4	29	33	4	23	27
Грузины	1	21	22	1	27	28
Киргизы	0,3	19,1	19,4	0,3	29	29
Азербайджанцы	1	17	18	2	29	31
Туркмены	1	15	16	1	24	25
Таджики	1	15	16	—	30	30
Узбеки	0,5	14,5	15	0,6	49,3	49,9

* Нации расположены по степени убывания доли тех, кто свободно владеет русским языком или считал его родным в 1970 г.

** Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. IV. М., 1973. С. 9—10; Численность и состав населения в СССР. М., 1984. С. 71.

национальностей СССР русские. Это объясняется тем, что они в подавляющем большинстве проживают в этнонациональной среде и располагают основным в стране фондом культуры на родном языке. Вслед за ними по знанию других языков народов СССР, и прежде всего русского, идут эстонцы и грузины (23—27% их знают русский язык, 1—4% считают его родным). Интенсивность освоения русского языка зависит, конечно, в какой-то мере от организационных мер — постановки обучения языкам в школе, пропаганды, а также от демографических обстоятельств — соотношения молодежи и стариков. Приобщенность к языку определяется самой средой, условиями расселения, национальным составом населения в городе и селе. На эти обстоятельства обращается внимание в литературе. Относительные показатели распространения двуязычия, судя по массовым статистическим данным, в известной мере зависят от удельного веса детей и молодежи школьного возраста. Распространение двуязычия связано также с

национальным составом производственных коллективов и другими характеристиками этнической среды в более широком смысле этого слова.

Как очевидно из результатов переписи и материалов социологических исследований, шире владеют русским языком мужчины. Связано это с тем, что они проходят службу в армии, где состав коллектива многонациональный и обучение идет на русском языке (см. табл. 9).

Именно этническая среда и школьная подготовка являются главными факторами, обуславливающими более широкое распространение двуязычия в городе в сравнении с селом. В 70-е годы особенно заметной разница в распространении двуязычия в городской и сельской местности была среди киргизов, молдаван, литовцев, грузин, узбеков, в меньшей мере это различие проявлялось среди латышей и эстонцев. По результатам переписи 1979 г., у белорусов доля свободно владеющих русским языком была в сельской местности выше, чем в городах, но это связано лишь с тем, что у части городских белорусов русский язык просто является родным языком. В 1979 г. 40,5% городских белорусов называли русский язык родным языком, в сельской местности — 7%.

Естественно, различалось распространение двуязычия среди лиц разных возрастов. Судя по материалам переписи 1970 г., особенно высока была доля двуязычного населения среди молодежи в возрасте 20—29 лет. В союзных республиках доля лиц, владеющих вторым языком, среди лиц коренных наций в этом возрасте была в 3,4 раза выше, чем среди людей в возрасте 60 лет и старше.

Что касается степени распространения двуязычия в различных социально-профессиональных группах, то она прежде всего зависела от масштабов владения русским языком той или другой нацией в целом. Но вместе с тем есть и какие-то общие закономерности. В целом, как правило, среди работников, занятых умственным трудом, двуязычие распространено более широко. Так, практически 80% молдаван этого контингента населения владели вторым языком, свыше 60% узбеков, половина эстонцев³⁹. Причем в городе различие в овладении русским языком между работниками умственного и физического труда выражено меньше, чем в дерев-

Таблица 9. Факторы распространения национально-русского двуязычия по результатам опросов, проведенных в 1971—1976 гг., в %*

Где овладели русским языком	Нации союзных республик			
	молдаване	грузины	узбеки	эстонцы
Город				
в школе	53,0	48,0	41,5	41,6
в армии	14,4	12,0	7,6	9,2
в родительской семье	11,0	14,5	4,4	4,2
общался с друзьями	32,7	19,2	6,5	5,3
в вузе	9,0	8,3	3,3	1,7
на работе	—	—	—	—
Село				
в школе	32,4	33,7	29,8	43,6
в армии	13,9	17,8	11,4	12,9
в родительской семье	2,1	2,0	1,4	2,3
общался с друзьями	15,0	4,8	3,3	2,8
в вузе	0,4	0,8	2,1	0,6
на работе	—	—	—	—

* В таблице нет 100%, так как опрашиваемый мог отметить не одну, а несколько позиций.

не. В городах среди молдаван — работников умственного труда число владеющих русским языком было в 1,4 раза больше, чем среди работников физического труда, у узбеков в 1,9 раза. В селах такие различия более выражены. Например, у узбеков это различие достигало 2,9 раза.

В среде работников физического труда двуязычие было более широко распространено в более квалифицированных группах. Масштабы распространения двуязычия среди высококвалифицированных работников физического труда у молдаван и эстонцев были в 2 раза, а у узбеков в 3 раза шире, чем среди малоквалифицированных групп. Сходные тенденции наблюдались и у работников физического труда в сельской местности.

В некоторых союзных республиках наиболее хорошее знание русского языка и распространение его наблюдалось именно в коллективах квалифицированных работников индустриального профиля. Вообще национально-русское двуязычие особенно широко распространено среди работников промышленности и государст-

венных учреждений. Например, 80% молдаван, работавших в промышленности и в учреждениях, практически разговаривали на работе либо по-русски, либо на двух языках — молдавском и русском.

Двуязычие в целом в трудовой, производственной сфере, несомненно, более широкое, чем в домашнем общении. Тот факт, что работники умственного труда и квалифицированные работники физического труда владеют русским и родным языком, свидетельствует о том, что на этот процесс существенно влияют потребности профессиональной деятельности. Как известно, специальная литература по промышленности и сельскому хозяйству преимущественно издается на русском языке (от 99 до 81%) и 74% литературы по проблемам культуры⁴⁰.

Ориентация на изучение русского языка исследовалась на основе мнения об обучении детей в школе, а также результатов ответов респондентов на вопрос о том, каким языком они предпочли бы заниматься, если бы у них была возможность. В городах Узбекистана 63,5% опрошенных ответили, что они хотели бы изучать русский язык, в городах Молдавии — 44,7, в городах Эстонии — 24,2%. В сельской местности желание повысить свое знание русского языка высказали 79% узбеков, 75% молдаван, 64% грузин. Необходимость знания русского языка вполне осознается жителями всех республик. Так, в статье, опубликованной в журнале «Коммунист Советской Латвии», говорится, что освоение русского языка — «это лингвистическая и педагогическая, политическая и идеологическая проблема». И хотя двуязычие оценивалось как стабильное и активное для данной республики, все же отмечалось, что «оно не достигло еще идеального уровня... Идеальным было бы как можно лучшее знание обоих языков среди всего населения, постоянно живущего в республике»⁴¹.

В 70-е годы во всех союзных республиках обращалось большое внимание на расширение изучения русского языка и повышение качества обучения, а также на создание общественного мнения, стимулирующего изучение русского языка. Практически во всех республиках ведутся специальные радио- и телепередачи для различных возрастных групп, изучающих русский язык среди коренных наций. Например, грузинское телевидение ведет 45-минутную программу «Изучим рус-

ский язык». Украинское телевидение ведет прямой репортаж об изучении русского языка в национальных школах. В Казахской ССР регулярно передается специальная телевизионная учебная программа для изучающих русский язык. Азербайджанское радио и телевидение производят конкурсы и викторины для изучающих русский язык⁴². В ряде республик были приняты специальные постановления по дальнейшему улучшению преподавания русского языка в общеобразовательных школах и других учебных заведениях и соответствующие меры. Такие постановления приняли ЦК КП Грузии, Киргизии, Азербайджана, Литвы и других республик⁴³.

В Отчетном докладе ЦК Компартии Азербайджана XXXI съезду Компартии Азербайджана отмечалось: «Республиканской партийной организацией поставлена задача огромного политического и социально-культурного значения — каждый житель республики, каждый азербайджанец наравне с родным языком должен хорошо знать и русский. Эта работа должна вестись, начиная с детского сада, школы... не должны оставаться в стороне от этой работы комсомольские организации, идеологические учреждения, средства массовой информации»⁴⁴. Минпросу ЭССР и Минвузу республики, говорилось в Отчетном докладе ЦК Компартии Эстонии XIX съезду Коммунистической партии Эстонии, следует настойчивее разрабатывать эффективные методы обучения русскому языку и быстрее внедрять их в практику⁴⁵.

В январе 1986 г. в отчете ЦК Компартии Грузии XXVII съезду Коммунистической партии Грузии отмечалось, что «ЦК углубленно занимается вопросами... улучшения изучения и преподавания русского языка как главного средства межнационального общения и приобщения к современным достижениям отечественной и мировой науки, культуры»⁴⁶.

Владение русским языком, темпы его распространения среди нерусских народов прежде всего определялись объективной необходимостью в нем, вызванной полиэтничностью среды в трудовых коллективах, бытовым общением, потребностями профессиональной деятельности. В автономных республиках Советского Союза обстоятельства несколько отличаются в этом отношении от ситуации в союзных республиках.

В автономных республиках и областях распространение двуязычия, как правило, более широкое, чем в союзных республиках. Практически у всех коренных наций автономных республик и областей доля владеющих русским языком составляет более половины населения и колеблется в пределах от 55,6 до 70% у якутов, тувинцев, народностей Дагестана, башкир, алтайцев, чувашей, осетин, марийцев, татар, удмуртов, коми, хакасов, мордвы, черкесов; у остальных наций автономных республик и областей свыше 70% лиц владеют русским языком.

Для распространения русского языка среди национальностей автономных республик кроме уже упомянутых факторов, характерных для союзных республик (этнический состав населения, изучение русского языка в школах, овладение им во время службы в армии и т. д.), имеет значение и то, что большая часть молодежи этих национальностей продолжает свое образование в техникумах и вузах с русским языком обучения, и это существенно увеличивает ориентацию населения на его изучение. Практически во всех автономных республиках, в которых проводились массовые опросы, было установлено, что желающих обучать детей на русском языке больше, чем реально обучающихся.

Проблемой, решение которой всегда имело немало важное значение, но в 70-е годы приобрело дополнительные психологические оттенки, в том числе в связи с ростом национального самосознания, являлось овладение русскими и другим населением республик языком коренных наций. На это обращалось внимание партийных организаций в связи с совершенствованием национальных отношений в республиках. В каждой республике практически находили пути решения этой проблемы. Так, в Латвии для жителей республики, которые не знают латышского языка, организованы были специальные курсы, разработаны учебные пособия. С 1983 г. по телевидению ведутся передачи по изучению латышского языка для лиц других национальностей. Проводятся специальные опросы для выяснения мнений о том, как улучшить изучение латышского языка⁴⁷.

В Эстонии по инициативе партийных организаций на ряде промышленных предприятий республики по отдельным темам в системе партийной, комсомольской, экономической учебы проводятся совместные занятия

для русскоязычных слушателей и слушателей, обучающихся на эстонском языке, где звучит и русский и эстонский язык. Создаются курсы ускоренного изучения эстонского языка, которые дают слушателям навыки разговорного языка и запас слов, позволяющий вести диалог на разные темы⁴⁸.

В 70—80-е годы в республиках стали больше задумываться над тем, как может служить язык культуре межнационального общения. Стало больше придаваться значения тому, чтобы таблички объявлений, дорожные указатели, меню в столовых были на двух языках — языке коренной национальности и русском.

При всем многообразии языковой жизни у каждого советского народа доминирующей тенденцией было и остается расширение двуязычия, не препятствующее как развитию языков советских наций и народностей, так и овладению все более широкими кругами нерусского населения языком межнационального общения.

3. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В СОЦИОНОРМАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Значение соционормативной культуры для координации деятельности людей общепризнано в мировой науке. На роль ее в жизни народов неоднократно обращалось внимание в советской литературе⁴⁹. В подходе к пониманию структуры и функций соционормативной культуры ученые, работающие в области этнических, национальных проблем, опираются на опыт, накопленный в социологии и социальной психологии⁵⁰. Соционормативная культура включает систему ценностей, значения, эталоны действий, модели желаемого поведения.

Социальные нормы способствуют поддержанию разумных, проверенных жизнью способов деятельности, участвуют в формировании личности, содействуют утверждению идеалов и ценностей, открытых наукой рациональных способов поведения, знаний, помогают координировать деятельность, понимать друг друга, служат символами культурной, в том числе этнической, идентификации, сплачивают общности, способствуют

Т а б л и ц а 10. Средние индикаторы культурной активности матерей и детей в разных типах семей*

Активность	Активная мать, активный ребенок (1)		Активная мать, малоактивный ребенок (2)		Малоактивная мать, активный ребенок (3)		Малоактивная мать, малоактивный ребенок (4)		Среднее	
	Франция		Франция		Франция		Франция		Франция	
	ЭССР	Франция	ЭССР	Франция	ЭССР	Франция	ЭССР	Франция	ЭССР	Франция
Культурная активность ребенка (макс. 12 баллов)	9,9	8,2	7,3	5,1	9,7	7,9	7,2	4,6	8,9	6,3
Домашняя активность ребенка (макс. 6 баллов)	5,1	4,5	3,9	3,2	5,1	4,5	3,9	3,1	4,7	3,8
Внедомашняя активность ребенка (макс. 6 баллов)	4,9	3,8	3,8	1,8	4,7	3,4	3,5	1,5	4,4	2,5
Культурная активность матери (макс. 12 баллов)	8,3	6,7	8,0	6,0	4,9	3,2	4,6	3,0	6,9	4,6
Домашняя активность матери (макс. 6 баллов)	4,5	4,5	4,4	4,3	3,4	2,8	3,1	2,8	4,0	3,6
Внедомашняя активность матери (макс. 6 баллов)	3,8	2,2	3,6	1,6	1,5	0,4	1,5	0,2	2,9	1,1

* Таблица составлена по материалам опроса 600 семей в Эстонии в 1102—во Франции. См.: Нация и культура. Таллин, 1985. С. 84. См. текст стр. 176.

поддержанию традиций. Нормативная культура пронизывает все сферы деятельности людей — трудовую, общественно-политическую, быт, досуг. Но различные виды деятельности нормированы не только в разной мере, но и отличающимися способами: одни — более кодифицированными, институциональными, другие — морально-нравственными, поддерживаемыми общественным мнением.

Нами рассматривается не весь комплекс соционормативной культуры, а только связанный с национальными традициями.

Социалистический образ жизни не является застывшим, он постоянно развивается и совершенствуется. Совершенствование предполагает поддержание позитивных традиций каждого народа в сфере соционормативной культуры и преодоление традиций негативного порядка.

Прежде чем перейти к более конкретному рассмотрению роли национальной традиции нормативной культуры в тех или иных сферах жизни советских народов, поясним некоторые исходные теоретические позиции. Соционормативная культура анализируется нами не овеществленной, опредмеченной, а функционирующей в общественном сознании. Это обусловлено прежде всего тем, что национальные традиции понимаются нами как такой вид преемственности группового опыта, как такие устойчивые явления общественной жизни, «трансмиссия которых является доменом общественного сознания». (От традиций следует отличать переданную информацию, запечатленную в книгах, картинах, перфокартах и т. п.⁵¹)

Естественно, не все культурные традиции могут быть отнесены к национальным. К ним относятся лишь те, которые являются передачей этнически специфической информации.

По содержанию выделяют традиции — «стереотипы деятельности» (например, обычаи — это «стереотипизированные формы поведения, которые связаны с деятельностью, имеющей практическое значение», т. е. ритуалы) и традиции памяти (воспоминания народа о каких-то событиях исторического прошлого), которые могут, кроме прочего, задавать определенные образцы поведения⁵². Сюда же можно отнести исторически сложившиеся, переданные от поколения к поколению и

фиксированные общественным сознанием идеи, знания, представления. К соционормативной культуре имеют отношение и первые, и вторые традиции. Первые по сути являются проявлением соционормативной культуры, вторые формируют ценности, идеалы, желательные для общности (в том числе этнической) образцы, которые регулируют, направляют поведение людей. Именно поэтому при дальнейшем рассмотрении конкретного этносоциологического материала мы будем обращаться не только к функционирующим нормам поведения, обычаям, но и к ценностям, ориентациям, представлениям людей разных национальностей.

Отметим также, что в советской науке традиции понимают не как консервативное начало в общественном развитии. К таким традициям относят лишь негативные, чаще всего это пережитки. Выделяются и положительные, и относительно нейтральные традиции⁵³.

Так, критерием ценности традиции может являться ее способность служить интересам общественного развития. Это традиции, которые находятся в согласованности с другими нормами, соответствующими общей социальной системе. Как правило, они обладают гибкостью, способностью приспосабливаться и развиваться. Э. А. Баллер отмечает, что традиции развиваются и по содержанию, и по форме⁵⁴. К тому же, как неоднократно подчеркивалось, живут не только традиции, унаследованные от прошлых поколений, но и новые традиции, представляющие «квинтэссенцию опыта сегодняшнего дня»⁵⁵. Естественно, между старыми и новыми традициями существуют органические связи, новые традиции рождаются на базе старых (например, праздники урожая, первого снопа и др.).

Соционормативная культура в целом и национальные, этнические традиции в ней не составляют особой сферы образа жизни людей — это скорее аспект, который присутствует, пронизывает основные сферы жизнедеятельности — трудовую, общественно-политическую, бытовую, досуговую. Место национальных традиций в соционормативной культуре в каждой из сфер проявляется не с одинаковой интенсивностью.

В сфере труда господствующей ценностью, признанной социалистическим обществом, является труд как таковой, т. е. не только как источник благосостояния, но и источник удовлетворения и самовыражения человека.

Опираясь на результаты этносоциологических исследований, проведенных в 70-х — начале 80-х годов Институтом этнографии АН СССР, можно отметить, что интересный труд как ценность входил в число основных условий для того, чтобы чувствовать себя счастливым, у всех советских людей, независимо от национальности. Ориентация на интересный труд, творчество особенно характерна для более квалифицированных и молодых групп.

О том, что интересная работа оценивается всеми национальностями как самостоятельная важнейшая ценность, свидетельствовал и ответ на вопрос, как поступить семейному человеку, если перед ним стоит выбор: остаться на интересной для него, но менее оплачиваемой работе или перейти на другую, более высокооплачиваемую. До 60% и более горожан — русских, эстонцев, молдаван, узбеков — считали, что лучше остаться на более интересной работе.

Эталоны действия, определенные в главных, принципиальных чертах обществом в сфере труда, унифицированы: работать хорошо. Но представления о том, что при этом является важным, зависят в известной мере и от историко-культурных традиций. В Эстонской ССР у эстонцев и русских, как показало изучение общественного мнения, это чаще связывается с процессом организации работы, с соответствием оплаты вложенному труду. Для узбеков не менее важны межличностные отношения с товарищами по работе, взаимопонимание.

Другой аспект — нормы взаимодействия в трудовом процессе. Традиции трудовой взаимопомощи есть у всех народов, но формы проявления их имеют этническую специфику в силу исторических условий, а иногда и экологических.

Такие традиции сильны у славянских народов, всем миром помогающих односельчанам, у народов Кавказа и Закавказья, Средней Азии. Но некритичное их применение, сохранявшееся в неформальных отношениях, иной раз препятствует совершенствованию трудового процесса на производстве. В Средней Азии, например, эти традиции порой отвлекали от производства часть дееспособных работников. Об этом, в частности, говорилось в Отчетном докладе ЦК Компартии Узбекистана XXI съезду Коммунистической партии Узбекистана в январе 1986 г.: число лиц, занятых в домашнем и

личном подсобном хозяйстве, увеличилось за прошлую пятилетку и составляет около 1,5 млн. человек, в то время как «не хватает рабочих рук, а в горной металлургии, машиностроении, химической и нефтехимической промышленности медленно растет доля рабочего класса за счет лиц местных национальностей»⁵⁶. Поэтому обращалось внимание на усиление работы по преодолению отсталых устоев жизни части населения, регулированию миграционных процессов, привлечению молодежи в ряды рабочего класса, на стройки новой пятилетки. «Истинные традиции народа, — отмечал съезд, — в мудрости, трудолюбии, в честности и скромности...»⁵⁷ Трактовка традиций взаимопомощи в духе протекционизма, местничества, подношений негативно сказывалась на нравственной атмосфере и открыто осуждена, особенно после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС.

Процесс самоочищения, как писала «Правда» 13 февраля 1986 г., — это не локальная и сиюминутная кампания, а сложный, длительный и последовательный процесс. На республиканских партийных съездах осуждались проявления отступлений от норм советского образа жизни. Взяточничество, карьеризм, угодничество, лесть, лицемерие — с этими негативными явлениями нужно «вести самую непримиримую борьбу, потому что все это уводит от главного в работе, мешает видеть недостатки и бороться с ними, создает атмосферу мнимого благополучия»⁵⁸.

Совершенствование социалистического образа жизни предполагает использование лучших народных традиций, в том числе традиций взаимопомощи, в их позитивном смысле.

Массовые опросы населения, в том числе осуществившиеся по нашей программе в 70—80-е годы, показывали, что потребность в совершенствовании трудового процесса, трудовых отношений ощущалась всеми социальными группами. Среди проблем первостепенной общественной значимости укрепление трудовой дисциплины, понимаемой широко, называлось в числе первых трех наиболее важных — наряду с борьбой за мир и моральное здоровье молодежи.

Стремясь способствовать усилению ориентации на труд молодежи, в последнее время советские этнографы специальное внимание стали уделять традициям трудо-

вого воспитания у народов. Модели желаемого поведения в труде есть у всех народов, но способы их привития, формы трудового воспитания различались. Аккумуляция этого опыта и пропаганда его образцов, соответствующих современным условиям, важны для развития производственной сферы.

Если брать в целом нормы в области трудовой жизнедеятельности в современном социалистическом государстве, то в них, конечно, доминируют общие, принятые обществом, а не этнически специфические образцы. И связано это с тем, что в сфере производства функционируют единые технические нормы, обусловленные действием машин и механизмов, а в сельском хозяйстве — и соответствующими агроприемами.

В сфере общественно-политической жизни взаимодействия людей регулируются социальными институтами, юридическими нормами. Идеологические нормы и представления находятся под влиянием государственной идеологии. Идеологические ценности — равенство, справедливость, товарищество — пронизаны классовым содержанием. Они сами при определенных условиях могут служить этнической консолидации. Но важно и другое: их внедрение в общественную жизнь облегчается при опоре на исторические традиции народа и на использование этнически специфических норм, в том числе культуры общения. Преданность Родине, служение народу — это общие идеологические нормы социалистического общества. Они, конечно, внедряются тем успешнее, чем шире удастся использовать национальные традиции и как норму, поддерживаемую общественным мнением, и как традиции исторической памяти. В социалистическом обществе они интернациональны по своему содержанию.

Значительно шире и глубже роль национальных традиций в соционормативной культуре быта и досуга. При том, что в социалистическом обществе преобладают единые нормы семейно-брачных отношений, в этой сфере этнические традиции заметнее влияют на поведение людей. Эта проблема специально рассматривается в следующей главе. Но в сфере быта есть другие общественно значимые нормы поведения. К числу проблем, непосредственно связанных с культурой поведения, с дальнейшим совершенствованием советского образа жизни, относится очищение быта людей от злоупотребления алкоголем.

Эта проблема ставилась для страны в целом, но решение ее, так же как и выражение самой проблемы, носило определенную национально-региональную окраску. Злоупотребление алкоголем отражалось на ритмичности трудового процесса, вредило человеческим отношениям, здоровью. Судя по результатам опросов, в некоторых районах РСФСР не менее чем четверть семей страдала от этого «недуга». В Молдавии, республиках Закавказья издавна сложилась культура застолья по истари традиционным нормам. Не случайно в этих районах в числе факторов, способных улучшить отношения в семье, искоренение пьянства упоминалось довольно редко. Здесь важнее было устранить многодневность и пышность застолий, «уносивших» и средства и время, а нередко и отвлекавших от трудового процесса. Борьба с подобными рода явлениями началась еще в 70-е годы. Так, в 1975 г. ЦК КП Грузии принял специальное постановление «О мерах по усилению борьбы с вредными традициями и обычаями». Оно призывало усилить положительные традиции, которые всегда были привлекательны, — это солидарность, душевная щедрость, гостеприимство, уважение к старшим, к женщине, к матери, святость семейных устоев, память об усопших. Все усилия направлялись на то, чтобы они приобрели новый, соответствующий социалистическому укладу жизни смысл⁵⁹. Такая ориентация государства находила и находит массовую поддержку общественности. Но тем не менее практика показывает, что отмеченная деформированная традиционная норма и сейчас еще не устранена.

Есть и еще одна из сфер общественного сознания, которая вызывает озабоченность партии и государства, — это религиозные пережитки и предрассудки. Естественно, они имеют заметную вариативность. «Выступая за неукоснительное соблюдение конституционных гарантий свободы совести, — говорится в новой редакции Программы КПСС, — партия осуждает попытки использовать религию в ущерб интересам общества и личности»⁶⁰. Вызывает тревогу не сама религиозность, она в большинстве республик страны невысока (хотя в некоторых, особенно среднеазиатских, республиках несравненно шире распространена), а формы ее проявления и отношение к ней. «Ряд партийных организаций попустительствует, а иногда и прямо заигрывает с религией, потакает отсталым традициям и обычаям. Партийные комитеты не

видят, да и не хотят видеть, что на государственных предприятиях выпускаются сувениры и товары с религиозной символикой, изречениями богословов. Религиозная обрядность с ее расточительством захватила многих людей», — предупреждал партийный форум коммунистов Узбекистана. Речь шла об очищении народных традиций от вредного, противоречащего духу времени явления, огромного тормоза общественного, экономического и социального развития, утверждения социалистического образа жизни. «...В религиозных пережитках, отсталых обычаях и нравах тесно сплелись противление переменам в нашей жизни, мелкобуржуазная стихия и частнособственническая психология, множество негативных явлений»⁶¹.

Что касается досуга, то здесь влияние общественного, идеологического нормирования, несомненно, велико — общественно значимым считается рациональное использование свободного времени, поощряется расширение знаний, подъем общей культуры. Пропагандируемые эталоны действия (положительные герои, положительные действия) направлены на утверждение всесторонне, гармонично развитой личности. Свобода выбора поведения в этой сфере образа жизни больше (ибо она меньше задевает других людей). В нормах использования досуга, как мы уже видели, очень много сходного у всех советских народов. Нормы этнических традиций заметно проявляются в использовании времени, отводимого на общение с родственниками. У народов Кавказа и Закавказья, Средней Азии, Молдавии ориентация и само родственное общение заметно шире, чем, например, у русских в РСФСР.

И само содержание, и форма общения в значительной мере нормированы именно этническими традициями — в той или иной мере соблюдаются этнически специфические формы вежливости, некоторые правила использования пространства и другие нормы этикета, правила подачи и приема пищи⁶². Это касается, естественно, не только досугового времени, но и домашнего быта.

Устойчивость норм связана с тем, что они включены в нравственное сознание личности, поддерживаются авторитетом общественного мнения. Невыполнение норм, особенно моральных, затрагивает интересы других людей и общества в целом.

Быстрые социальные изменения, увеличение социаль-

ной мобильности, в том числе миграций, усиление контактности культур ведут к ослаблению жестких традиционных норм. Общество заинтересовано в совершенствовании соционормативной культуры, в сохранении и установлении эффективных норм, соответствующих принципам социалистического общества, гибких, не сковывающих индивидуальную активность излишней регламентацией.

Поскольку общество задает новые образцы поведения, они не всегда и не во всем оказываются согласованными с этнически традиционными нормами. Как известно, советское законодательство, например, регулировало минимальный брачный возраст с учетом специфики историко-культурных областей, этнических традиций. Под воздействием не только законодательства, но и изменяющихся социально-экономических и культурно-бытовых условий фактический возраст вступления в брак менялся. У народов Средней Азии и Казахстана ранние браки долго считались допустимыми в общественном мнении. Имело значение то, что раньше по шариату минимальный возраст мужчины определялся в 12 лет, для женщин — в 9, поэтому иногда жениху было 15—16 лет, а невесте 13—14. И сейчас доля женщин в возрасте 16—19 лет, состоящих в браке, у этих народов самая высокая по стране. Но одновременно очевидно, что такая традиция затрудняет получение образования женщинами, сдерживает их культурный рост.

Перед обществом, в том числе и перед учеными, стоит задача более внимательной, объективной и гибкой оценки явлений традиционной соционормативной культуры. Известно, что нередко, неоправданно отвергая те или другие жесткие нормы поведения, мы теряли и позитивный смысл традиции, вполне совместимой с современным образом жизни. Так, требование беспрекословного подчинения старшим, конечно, сдерживало инициативу молодежи, в том числе социальную мобильность, и негативно влияло на развитие общества. Но в то же время полное отрицание опыта старших и возможность не считаться с их мнением приводили к такой морально-нравственной «свободе» молодежи, которая тоже не могла быть оправданной обществом. Старшее же поколение теряло социальный авторитет, стабилизирующий их, что повышало для этого поколения возможность стрессовых ситуаций. (Не случайно, возможно, долго-

жителей больше у тех народов, где сохраняется традиционное почитание старших.)

Высокая норма допустимости разводов в общественном мнении у эстонцев и других более урбанизированных народов, с одной стороны, признак демократизации бытовой жизни, но с другой стороны — это затрудняет стабилизацию семьи, сдерживает повышение детности.

Эти и подобные примеры убеждают в том, что выработанные поколениями традиции народов должны оцениваться обществом с точки зрения не только прошлого и практики нынешнего дня, но и будущего.

ГЛАВА V

ОБЩЕЕ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСОБЕННОЕ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ

Из всех сфер культурной жизни семейно-бытовая является, пожалуй, самой личностной и, казалось бы, менее регулируемой официальными институтами. Не случайно существует представление, что семейный быт устойчивее хранит черты традиционной национальной культуры. Обратимся к рассмотрению этой сферы культурной жизни, чтобы понять, насколько глубоко проникают интеграционные процессы и в то же время в каких элементах семейной жизни действительно удерживается национальная специфика и за счет чего она воспроизводится. Интерес этот носит не только научный характер. Семье придается сейчас большое значение в общественной жизни, на нее смотрят как на инструмент воспроизводства трудовых ресурсов и как на ячейку, способную передать новым поколениям морально-нравственные, идеологические нормы, желательные для общества. Наконец, в век убыстряющихся темпов в жизни семья является как бы тылом, обеспечивающим душевное равновесие в стрессовых ситуациях.

«Внимание общественности привлекают к себе **проблемы укрепления семьи**», — указывалось в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. Неблагополучие семейной жизни «сказывается в первую очередь на воспитании детей, а также на моральном состоянии мужчин и женщин, их трудовой и общественной активности. Общество, разумеется, не может безучастно относиться к этим явлениям. Прочная семья — один из важнейших его устоев». На съезде речь шла о совершенствовании правовых норм «с тем, чтобы повысить ответственность граждан за укрепление семьи», а также

о работе в этом направлении государственных и общественных организаций, в том числе средств массовой информации, телевидения, литературы, кино, театров¹.

Долгое время общество заботилось о демократизации отношений в семье, о заключении семейных союзов на основе чувств и доброй воли вступающих в брак, об освобождении мотивов вступления в семейную жизнь и самих семейных отношений от имущественных и мещанских интересов. Сейчас уже есть возможность осмыслить итоги этих процессов, выявить позитивный опыт и проблемные ситуации, проявившиеся в ходе их реализации. Естественно, мы не можем всесторонне охватить все явления жизни семьи. В соответствии с задачами книги внимание акцентируется на национальных вариациях проявления общих закономерностей и национально-специфических чертах семейно-бытовой культуры.

Начнем с общих характеристик семьи, ее состава и бытовых условий жизни. Если особенности бытовых условий жизни связаны прежде всего с социально-культурной инфраструктурой в республиках, то такие характеристики семьи, как возраст вступления в брак, детность, численность семей, их состав, являются не просто ее демографическими показателями, но и проявлением норм, сложившихся в той или другой культуре. Именно с этой точки зрения их и проанализируем.

1. СХОДСТВО И НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В СОСТАВЕ СЕМЬИ И БЫТОВЫХ УСЛОВИЯХ ЖИЗНИ

Исторически сложившиеся культурные традиции и в современных условиях совершенно очевидно проявляют себя в размерах семьи у народов СССР. Если у латышей и эстонцев в конце 70-х годов средний размер семьи составлял 3 человека, у русских, украинцев, белорусов, литовцев и молдаван семья состояла из 3,2—3,5 человека, у грузин и армян — 4,4—4,5, то у азербайджанцев, казахов, киргизов — 5,5—5,7, у узбеков, таджиков, туркмен — 6,2—6,3 человека².

70-е годы характеризовались общей тенденцией к сокращению семьи. У русских, украинцев, белорусов, молдаван и литовцев средний размер семьи уменьшился

За это десятилетие, особенно заметно в селе; у эстонцев и латышей сохранялся минимальный для страны показатель размера семей, и различия в численности городских и сельских семей практического значения не имели. Тенденция к единообразию численного состава семьи в городе и на селе имеет место также у армян и азербайджанцев; у армян размер городской семьи сократился с 4,7 до 4,5, а сельской — с 5,4 до 5,1 человека. Симптоматичной была стабилизация численности семьи в городе у узбеков, таджиков и туркмен. У этих народов семья продолжала несколько увеличиваться лишь в сельских условиях. Таким образом, очевидно, что изменения в семейно-бытовой сфере происходят под влиянием общих социально-экономических условий, прежде всего процесса урбанизации. Но в то же время и в современных условиях, в ближайшей перспективе национальные особенности в этой сфере, обусловленные историко-культурными традициями народов, удержатся.

Что касается формы семьи, то и она в общественных науках считается одним из индикаторов проявления трансформационных процессов в жизни семьи, а также ее национальных особенностей. Если к патриархальным семьям относятся обычно так называемые большие, неразделенные семьи, включающие две и более брачных пар с детьми и родственниками, то к семьям, более соответствующим урбанизационным процессам, относятся так называемые малые семьи, состоящие из супружеской пары, неженатых детей и иногда одного-двух престарелых родителей. Такие семьи стали преобладать у европейских народов уже в XIX в. Впоследствии в нашей стране в ходе исторических преобразований XX в., связанных с коллективизацией, индустриализацией, именно такие семьи стали находить все более повсеместное распространение не только в европейской части страны, но после коллективизации стали бытовать в той или иной мере у народов республик Средней Азии, в Казахстане и Азербайджане.

Какие же семьи по своей численности (а также связанной с этим и форме) имеют тенденцию к росту? В этом отношении у народов продолжают сохраняться заметные национальные различия. За 70-е годы у русских, украинцев и белорусов увеличилось число семей из 2—3 человек, у литовцев, эстонцев, латышей, молдаван, грузин — из 2—4 человек, т. е. практически ну-

клеарные семьи, состоящие из родителей и неженатых детей. В то же время у узбеков, казахов, азербайджанцев, таджиков, киргизов, туркмен самая большая доля приходится на семьи, состоящие из 7 и более человек (у таджиков такие семьи составляют 49%, у туркмен — 45, у узбеков — 41, у киргизов — 35, у казахов — 32, у азербайджанцев — 31%), доля семей численностью от 2 до 6 человек колеблется в пределах 10—16%. Симптоматично, что по сравнению с 1970-м годом, по переписи 1979 г., в городах у этих народов выросло количество семей, состоящих из 4 человек.

Понятно, что численность семей определяется прежде всего количеством детей, наличием в семье родителей, старших родственников. Общая тенденция, как отмечалось, проявлялась в увеличении доли однопоколенных и двухпоколенных семей, т. е. либо брачных пар, либо матерей и отцов с детьми. У европейских народов семьи, состоящие из супружеской пары с детьми, составляют $\frac{2}{3}$. Надо сказать, что в Азербайджане и Грузии доля нуклеарных семей остается наибольшей по своей абсолютной величине; вместе с тем в период между переписями несколько увеличилась доля сложных семей, главным образом в селе.

В 70-е годы проводились специальные социально-демографические исследования, выявлявшие ориентацию на отдельное или совместное проживание с родителями. Известно, что у народов Кавказа и Закавказья, а также Средней Азии считается недопустимым оставлять родителей, старших родственников одних, без заботы и опеки. У этих народов в соответствии с традицией родители, как правило, живут с семьями своих детей. Не случайно дома для престарелых в среднеазиатских республиках оказывались незаполненными, в то время как в Эстонии и Латвии проживание в таких домах старших родственников — допустимое явление.

Общая тенденция у европейских народов проявляется во все возрастающей ориентации на раздельное проживание от родителей. Ее придерживались более $\frac{2}{3}$ молодоженов в Москве, Ленинграде, Харькове. Главным мотивом является желание избежать психологических напряжений, которые возникают между супругами и их родителями из-за разных представлений о нормах семейной жизни. Поскольку психологическая совместимость и общность в семейной жизни приобретали все

большее значение в сравнении с материальной стороной организации быта, такая тенденция находила реализацию, причем раздельное проживание отнюдь не означает разрыва родственных связей. При дальнейшем развертывании жилищного строительства в европейских районах страны число молодых брачных пар, живущих отдельно от родителей, очевидно, будет увеличиваться. Вместе с тем при общих закономерностях развития вариативность семейных ориентаций не сужается, а, наоборот, расширяется.

В 70-е годы стабилизирующим фактором сохранения трехпоколенных семей или семей, состоящих из молодоженов и родителей, выступала привычка молодежи жить в комфортных и обеспеченных условиях. Молодые семьи, отделяясь, естественно, не сразу имеют возможность получить все те блага, которыми пользовались супруги, живя в родительских семьях. Поэтому нередко молодожены временно остаются жить с родителями, хотя в перспективе надеются отделиться. В этих стремлениях молодых семей наблюдались и национальные вариации. В частности, у народов Средней Азии и Закавказья такой мотив значительно реже выступал в числе факторов, сохраняющих двух-, трехпоколенную семью, поскольку у этих народов обеспечение молодой семьи комфортными условиями (мебелью, утварью и т. п.) считается нормой. Отсюда многочисленные подарки молодой семье во время свадьбы. В то же время у многих европейских народов, как правило, считается, что молодая семья должна в основном все приобрести и заработать сама. И в борьбе с иждивенческими настроениями молодежи такая традиция в ближайшей перспективе, видимо, будет поддерживаться общественным мнением.

Какая форма семьи имеет тенденцию к увеличению? Это зависит и от изменений социального состава населения. Так, этносоциологическими исследованиями выяснено, что многочисленные семьи, состоящие из шести человек и больше, характерны главным образом для работников неквалифицированного физического труда. У городских узбеков они составляют практически около 60% в этой социальной группе, а среди специалистов высшей квалификации — около 40%. Соответственно у молдаван на большие семьи у работников неквалифицированного физического труда приходится 11,5%, а у работников высшей квалификации — лишь 2%. Следова-

тельно, можно предположить, что с повышением доли квалифицированных групп в составе населения каждой нации многочисленные семьи будут иметь тенденцию к уменьшению. Конечно, надо иметь в виду, что на размеры семьи и ее состав влияют многие факторы. В частности, установлено, что нередко именно специалисты высшей квалификации, придавая большое значение своей трудовой деятельности, обращаются за помощью к родителям в воспитании детей и именно поэтому предпочитают какое-то время жить вместе с ними.

Состав семьи — это не только показатель различных норм культуры, но одновременно и фактор, влияющий на поддержание тех или других национальных традиций. Так, в исследовании Р. С. Мусиной на материале татарского сельского населения было установлено, что совместное проживание взрослых детей с родителями способствует сохранению традиционного распределения ролей в семье на мужские и женские.

Численность семьи довольно жестко коррелирует с характером производственной деятельности женщины. Национальные особенности проявляются в отношении не только к старым, но и к новым традициям. В частности, европейские народы, прежде всего русские, украинцы, латыши, эстонцы, придерживаются новых норм, сформировавшихся в предвоенные и особенно в послевоенные годы, в отношении трудовой деятельности женщин. Они считают престижным выполнение женщинами активных производственных ролей. Как показывают результаты исследований, именно численность семей, прежде всего детность, позволяет выполнять или не выполнять такие роли. В 70-х годах в Эстонии, например, более половины производственных ролей, требующих квалифицированного умственного труда, в деревне выполняли женщины; в Молдавии $\frac{1}{5}$ таких ролей выполнялась женщинами, а в Узбекистане — не более 10%. И в обратной пропорции следует средний размер семьи: самый маленький в Эстонии, затем в Молдавии (3,9) и больше всего в Узбекистане (6).

Трудовая активность женщин, их общественная ориентация очень существенно связаны с установками на рождение и воспитание детей. И именно в ориентации на детность национальные особенности проявляются совершенно очевидно.

В современных условиях ученые все больше склоня-

ются к представлению о том, что на рождаемость влияют не столько процессы урбанизации, повышение образования населения, занятость женщин в общественном производстве, сколько изменение ориентаций и потребностей людей, стоящих за этими процессами. Повышаются требования к воспитанию детей. Мы хотим их вырастить не только здоровыми и сильными, но и всесторонне культурными людьми, а это увеличивает время и силы, отдаваемые процессу воспитания.

Как считают демографы, какого-то единого типа воспроизводства населения, сложившегося на основе невысокой рождаемости, низкой смертности и высокой производственной занятости, еще не сформировалось. Более устойчивым стал такой тип воспроизводства населения, который имел место у наций европейского региона (русских, украинцев, белорусов), наций Прибалтийских республик, а из закавказских народов — у грузин. Среди молдаван и узбеков такой тип находится лишь в стадии формирования. Во всяком случае этнические традиции, видимо, еще длительное время будут влиять на рождаемость в семьях, о чем свидетельствуют специальные исследования об идеальном и желаемом числе детей. В 70-х годах национальные особенности детности проявлялись достаточно очевидно. Так, среди городских женщин одного ребенка имели практически $\frac{1}{3}$ русских, эстонков, $\frac{1}{5}$ молдаванок и всего 9% узбеков. Двух детей имели 30% русских, 28% эстонков, 21% молдаванок и 12% узбеков. А вот четырех и более детей имели всего около 3% эстонков, 7—9% молдаванок и русских, но 42% узбеков. В то же время и социологические исследования, и статистические данные свидетельствуют о том, что снижение рождаемости у коренных национальностей Средней Азии уже началось. Оно прослеживается в наиболее образованных семьях среди горожан, работников высококвалифицированного труда, т. е. «в прогнозирующих» группах населения.

Среди факторов, влияющих на высокую рождаемость, специалисты выделяют обычно такие, как распространенность трехпоколенных семей, раннее замужество, ограничение сферы интересов женщин семейной жизнью, традиционные установки общественного мнения. Но, как показывает исторический опыт, зафиксированный и в материалах статистики, эти установки подвергаются трансформации, особенно с ростом престижности образован-

ности. Доля женщин, вступивших в брак до 18 лет, среди городских узбечек в возрасте 60 лет и старше составляет почти половину, а среди молодых женщин в возрасте до 30 лет — всего 12%. Меньше всего вступающих в ранний брак среди специалистов высшей квалификации. Так, до 22 лет среди них вступили в брак не только 23% эстонцев, но и 23% узбеков, в то время как среди неквалифицированных работников физического труда у узбеков вступило в брак в этом возрасте 78%.

Расширяется общественная трудовая деятельность женщин, особенно в городских условиях. Учитывая, что городские стандарты жизни все больше проникают в село, потребности в удовлетворении разнообразных культурных и общественных интересов будут возрастать и в сельских условиях, а следовательно, будет меняться ориентация на систему образования детей и на саму детность. В перспективах детности и размера семьи, в том числе сохранения каких-то национальных особенностей или их трансформации, многое будет зависеть от изменений в самом укладе семейной жизни, в том числе и в условиях жизни.

Два-три человека или шесть и более живет в семье — всегда ее жизнь предполагает организацию быта, внутрисемейного общения и организацию питания, убранства и уборки дома, стирки и других внутрисемейных видов деятельности. Это не только необходимые условия жизнеобеспечения, но и занятия, которые так или иначе организуют взаимодействие людей, их контакты в семье и являются проявлением взаимной заботы, выражением чувства долга, любви, служат воспитанию у молодого поколения трудолюбия, внимания к окружающим. Поэтому условия быта — это проблема, связанная не только с облегчением выполнения производственных ролей трудоспособными членами семьи, но и с организацией внутрисемейной жизни, в которой происходят постоянные изменения.

Долгое время остро ощущая неудовлетворенность населения организацией бытового обслуживания, общество сосредоточило внимание на расширении строительства объектов бытового назначения — домов быта, кафе, столовых, прачечных и т. п. Акцентирование внимания на государственных учреждениях быта было вполне оправданно в условиях увеличения занятости женщин. Но уже с конца 60-х и особенно в 70-е годы, обнаруживая про-

блемы в трудовом воспитании молодежи и дезинтегрированности семьи, ученые и общественные деятели стали задумываться над необходимостью повышения престижа домашней деятельности, ибо и этот фактор опосредованно влияет на сокращение рождаемости, ведет к потерям в нравственной атмосфере человеческих отношений. И в этом плане изучение опыта, накопленного в культурах разных народов, стало особенно актуально. Что мы приобретаем и что теряем от сокращения совместной домашней работы в семье — анализ и оценка этого явления в современных условиях становились явно необходимыми.

С организацией быта в известной мере связаны и доходы семьи, а значит, в известной мере и возможность удовлетворения духовных потребностей, культурных запросов. Государство берет на себя часть расходов на воспитание детей в дошкольных учреждениях, остальная плата идет в соответствии с доходами родителей, а семьи, в которых доходы на одного члена семьи менее 50 руб., пользуются яслями, садами бесплатно. В школах обучение бесплатное.

Бюджет семьи в основном состоит из заработной платы ее членов. Отклонения в реальной заработной плате трудящихся в различных республиках не превышает 10% от среднесоюзных показателей³, однако средний денежный доход на одного члена семьи довольно заметно варьирует, что связано главным образом с численностью детей и иждивенцев в семьях различных национальностей. Семьи, в которых на одного человека приходились средние и выше средних показатели душевого дохода, составляли у эстонцев практически 50%, у узбеков — десятую часть (и в городе и на селе). И меньше, чем у эстонцев, но больше, чем у узбеков, было таких семей среди грузин и молдаван. Конечно, денежный доход, который складывается из заработной платы работающих членов семьи, пенсий и стипендий, не является единственным показателем реальных доходов, ибо он не учитывает ни материальной обеспеченности семьи в прошлом, ни структуры потребления семьи, ни каких-то дополнительных доходов из общественных фондов, от родственников, приработков и т. д. Поддержка родственников, главным образом в Средней Азии, на Кавказе и в Закавказье, по оценкам этнографов, имеет очень существенное значение для семейного бюджета

у народов этих регионов. Во всяком случае здесь она оценивалась намного выше, чем у европейских народов.

При анализе реальных доходов приходится учитывать и регионально-климатические особенности, от которых зависит потребность в теплом помещении, теплой одежде и которые в немалой мере влияют на источники получения продуктов питания. Например, в южных республиках дешевле рыночные цены на овощи, и поэтому рынок в большем объеме, чем в других районах страны, удовлетворяет потребности семей в пищевых продуктах.

Расходы на продукты жизнеобеспечения связаны не только с особенностями природной среды, но и с традициями, которые в совокупности влияют на разный объем средств, используемых жителями разных регионов на удовлетворение своих культурных запросов.

От национально-региональных особенностей зависит в определенной мере и фактор организации жизненного уклада семьи — наличие жилой площади. Именно численностью семей объясняется разный средний размер жилой площади, приходящейся на одного человека в республиках. В городах Узбекистана доля имеющих наибольший размер жилплощади на человека в 3 раза меньше, а доля обеспеченных минимальными ее размерами в 2 раза больше, чем у народов европейской части. Национальные особенности проявляются и в организации жилого пространства. В частности, при теплом климате в республиках Средней Азии жилое пространство не ограничивается только домашним помещением, но охватывает и террасы, а при индивидуальной застройке и часть двора. В среднеазиатских республиках значительное число даже городских жителей живет в отдельных домах (в городах Узбекистана — 70%, а в Эстонии — 17%). Проживая в отдельных домах, многочисленные узбекские семьи обычно ориентированы на взаимопомощь, и в способах проведения свободного времени здесь больше общности. Прочная взаимосвязанность членов семьи вполне согласуется с традициями семейных взаимоотношений у среднеазиатских народов.

Индивидуальные дома требуют и постоянного ремонта, и большего времени на поддержку удобств, что невозможно осуществить без кооперации трудовых усилий членов семьи. Поэтому меньшая обеспеченность удобствами индивидуальных домов в среднеазиатских и кавказских республиках, отнимая время и физические уси-

лия у людей, одновременно в чем-то прочнее сплавливает членов семьи.

Улучшение благоустройства в городах и особенно на селе — необходимый элемент совершенствования бытовой сферы образа жизни, и, естественно, никто не призывает вернуться к колодцам, когда есть водопровод, но сохранить традиции поведенческой культуры в семье, связанные с взаимопомощью, воспитанием трудолюбия у детей, тоже очень важно. Если приспособления для получения топлива, водоснабжения, канализации будут выпускаться в достаточном количестве и по доступным ценам, эти компоненты прочно войдут и в дома индивидуальной застройки, как это уже произошло с использованием других видов культурно-бытового назначения. Уже сейчас телевизоры, радиоприемники, стиральные машины в сельских семьях используются почти так же широко, как и в городских (по этим видам культурно-бытового назначения различие между городом и селом не более чем 30%⁴).

С доходами семей связано обеспечение их предметами культурно-бытового обихода. Национальная принадлежность, по нашим данным, мало влияет на их использование, если исключить, что сам доход связан с численностью семьи, имеющей различные национальные вариации. Главное, что определяет теперь наличие предметов культурно-бытового назначения в семье, — это социально-профессиональная деятельность людей, с которой связан материальный уровень жизни и направленность интересов, потребностей семьи. Правда, с национальными особенностями принято обычно связывать и то обстоятельство, что у народов Средней Азии, Кавказа, Закавказья при создании молодых семей подарки родственников и друзей обеспечивают начальный жизненный старт. Но видимо, такой же особенностью можно считать и то, что домашняя обстановка родителей с предметами культурно-бытового назначения наследуется молодым поколением у народов с низкой рождаемостью (русских, эстонцев и других народов Прибалтики) значительно чаще, чем у народов Кавказа и Средней Азии (в частности, отмечено значительное влияние наследования домашней предметной среды в Эстонии⁵).

С национальными особенностями в известной мере связан и такой элемент культурно-бытового уклада жизни, как пользование услугами предприятий бытового

обслуживания. Объем реализации бытовых услуг населению СССР за 70-е годы вырос более чем в 1,5 раза. Несмотря на довольно быстрые темпы роста таких услуг, особенно на селе, социально-культурная инфраструктура, как уже отмечалось, еще далека во многих республиках от оптимальной.

Вместе с тем объем, частота использования бытовых услуг обуславливается не только наличием предприятий сферы бытового обслуживания, но и исторически сложившимися потребностями населения в тех или других видах услуг. О национальной специфике в ориентациях на их наличие и использование свидетельствуют прежде всего оценки населения. По результатам наших исследований, оценка работы торговых, культурно-массовых учреждений, транспорта, в целом культурно-бытовых условий горожанами Узбекистана значительно выше, чем эстонцами в городах Эстонской ССР, хотя, как известно, обеспечены этими учреждениями города Эстонии, несомненно, лучше, чем Узбекистана. Русские, живущие в городах Эстонии, выше оценивают ту же бытовую среду, чем сами эстонцы, а в городах Узбекской ССР русские меньше удовлетворены работой культурно-бытовых учреждений, чем узбеки.

Из всех учреждений бытового назначения большую неудовлетворенность населения во всех республиках вызывают учреждения торговли и транспорта. Степень удовлетворенности работой торговых учреждений, в известной мере связана с использованием личного подсобного хозяйства. В селах всех республик такое хозяйство имеет подавляющее большинство семей. Среди горожан — русских, грузин, молдаван, эстонцев — приблизительно четвертая часть имеет подсобное хозяйство. Оно неоднозначно влияет на организацию культурной жизни семьи. Подсобное хозяйство дает дополнительный доход, освобождает от необходимости обращаться в магазин за многими продуктами питания, что повышает материальный уровень жизни, позволяет приобретать больше предметов культурно-бытового назначения. Показательно, что личное подсобное хозяйство способно отвлечь от бездеятельного досуга, в целом содействует устойчивости семьи и помогает трудовому воспитанию детей. Но с другой стороны, трудоемкие работы в личном подсобном хозяйстве вызывают физическую усталость, сокращают свободное время и поэтому могут

мешать удовлетворению культурных потребностей, препятствовать профессиональному росту. Некоторые исследователи в связи с этим ставили вопрос довольно определенно: либо население, становясь более образованным и квалифицированным, должно уменьшать вклад в личное подсобное хозяйство и этим приобщаться к современным формам жизни, либо, наоборот, личное хозяйство останется одним из основных занятий и будет сдерживать развитие современного образа жизни населения, прежде всего в деревне⁶. Не ставя вопрос столь категорически, практики стремятся находить разумные сочетания современного образа жизни с использованием индивидуальных хозяйств.

Круг людей, предпочитающих сельский образ жизни, вообще довольно широк. Сельскую жизнь считали для себя более привлекательной, по результатам наших опросов, среди русских, узбеков, грузин, молдаван, эстонцев $\frac{2}{3}$ населения сельской местности. Еще более примечателен тот факт, что была установлена достаточная ориентация на сельскую жизнь у наиболее урбанизированных слоев населения в Эстонии. Среди горожан-эстонцев привлекательность сельской жизни отметило даже вдвое больше людей, чем среди горожан-узбеков. Только 9% жителей эстонского села предпочитали преимущества городской жизни (сельской — 89%), среди узбеков — 21%. 55% эстонской молодежи, живущей в селе, оценили сельскую жизнь как наиболее привлекательную для них; к такому же выводу пришло почти 30% городской молодежи.

Сельский образ жизни, естественно, связывается с ведением приусадебного хозяйства, и престиж сельской жизни говорит о том, что ориентация на использование нерабочего времени для работы на своем индивидуальном участке в основном сохраняется. В этих условиях, видимо, требуются дополнительные исследования, чтобы дать более точные и всесторонние оценки значимости индивидуальных хозяйств в современном образе жизни и в перспективе.

Итак, проявление национально-специфических черт в численности семей, их составе и связанных с этим культурно-бытовых условий жизни оказывало и оказывает несомненное влияние на уклад семейной жизни и определяет поведение взрослых и детей в семье, нормы их взаимоотношений, возможности культурного досуга.

2. КУЛЬТУРА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В семейно-бытовой сфере жизни всех народов происходят быстрые изменения под влиянием научно-технической революции, внедрения средств массовой информации, распространения единых стандартов образа жизни и ценностей советского общества. И вместе с тем именно семейные устои наиболее прочно сохраняют национальную специфику в поведении людей. Семья не только удерживает эту специфику, но является одной из основных ячеек, в которой эта специфика передается и наследуется.

Сама ценность семейной жизни остается одной из наиболее устойчивых ориентаций в жизни всех народов. Практически у всех наций, изучавшихся нами, — русских, узбеков, грузин, молдаван, эстонцев — семья является одной из основных жизненных ценностей. Естественно, у всех народов прослеживаются общие закономерности в ее оценке. Так, среди женщин хорошая семья выделяется как основное условие счастливой жизни чаще, чем среди мужчин. С возрастом значение семьи увеличивается, и особенно это ощущается среди людей зрелого возраста (30—49 лет). И все же при всех общих закономерностях национальные вариации дают о себе знать. Если среди молодых горожанок в Эстонии только треть считает хорошую семью условием счастливой жизни, то среди молдаванок, грузинок, узбечек — более половины. Такие оценки, несомненно, связаны с традициями культуры. Ориентация на семью вполне согласуется с другими индикаторами включенности в традиционную культуру. Так, у узбеков хорошая семья часто сочетается с таким важным для них условием счастливой жизни, как «уважение людей».

Насколько устойчива ориентация на семью, можно судить по ответам представителей различных национальностей на вопрос о том, как поступить семейному человеку, если у него появилось новое сильное чувство. Предлагались две ситуации. «Одни считают, что он должен оставить семью, пусть даже там есть дети, — нельзя, чтобы семейная жизнь строилась на неискренних отношениях. Другие считают, что он должен выполнять обязательства перед семьей — нельзя жертвовать интересами детей. А как считаете вы?» То есть человек стоит перед проблемой: любовь, страсть или семья. Большин-

ство и среди мужчин и среди женщин всех национальностей высказали мнение о недопустимости разрушать семью, оставлять детей. Особенно широко такое мнение распространено среди сельских жителей. Сторонниками жизни семьи на началах больше любви, чем долга, выступали молодые люди. В то же время у всех национальностей семейные люди придерживались более традиционных взглядов. Например, эстонки (40% незамужних женщин в городе и 60% сельчанок) считали, что в случае нового чувства семья не должна быть разрушена; среди замужних женщин такого мнения придерживались около 60% в городе и 70% на селе. Среди разных возрастов грузин и грузинок, узбеков и узбечек единогласия по этому вопросу значительно больше. Сохранение семьи при любых условиях считают необходимым 84% узбеков, 73% грузин и 60% молдаван. Среди эстонцев и русских (в РСФСР) такого мнения придерживается примерно половина, причем значительно высока доля тех, которые считают, что это вопрос деликатный и вмешиваться в его решение нельзя.

Такие ориентации вполне согласуются с реальным состоянием разводов у различных народов страны. Если в Эстонии их уровень составляет 2,3% на 100 человек, в РСФСР — 1,8, то в Грузинской ССР он в 3,5 раза ниже, чем в РСФСР⁷.

Ценность семьи существенно влияет на весь жизненный уклад, на ориентацию проведения свободного времени в семье, на распределение ролей. При очень высокой ценности семьи сам образ семейной жизни, естественно, меняется. Изменения эти прежде всего связаны с новыми ролями женщин. В прежние времена женщина главным образом, а часто и целиком была ориентирована на внутрисемейные виды деятельности. В современных условиях большинство их стремится соединить трудовую деятельность с домашними заботами, выполнением роли матери и жены.

В нашем исследовании задавался вопрос: следует ли женщинам работать в том случае, если семья вполне материально обеспечена и не нуждается в ее зарботке? Отвечая на этот вопрос, свыше 74% русских, более половины эстонок, грузинок и узбечек, живущих в городах, высказали мнение о необходимости работать. Особенно высока ориентация на профессиональную деятельность у русских женщин. Это мнение не только

женщин, но и русских мужчин. Среди них около 60% также считали, что женщине лучше работать, и только около 30% ответили, что ей лучше заниматься домом и детьми. Такую ориентацию можно считать характерной для современной поведенческой культуры русских. Вместе с тем обратим внимание на то, что среди мужчин и женщин все же эти ориентации разные, и считающих, что женщине лучше заниматься только домом и детьми, среди русских мужчин больше, чем среди русских женщин. Такое расхождение во мнениях о предпочитаемом образе жизни может быть одной из причин высокого уровня разводов среди горожан. В то же время у грузин различия во мнениях о предпочитаемом образе жизни женщин в семье и обществе меньше.

Национальные особенности проявляются и в мнениях о том, кем лучше работать женщине. Русские, как правило, считают, что для женщины недопустима только работа, требующая излишних физических перегрузок. Они реже исключают возможность участия женщин в такой профессиональной деятельности, как ученый, физик, писатель, конструктор, хотя, как и представители других национальностей, больше склоняются к тому, что наиболее удобны для женщины профессии врача, учителя. Разница в ответах мужчин и женщин в этом отношении очень незначительная.

Среди грузин и узбеков (как мужчин, так и женщин) относительно больше считающих наиболее подходящей для женщины деятельность врача и учителя.

Русские чаще считают, что женщине могут быть предоставлены активные общественные роли, они высоко ценят в ней не только ее хозяйственность, преданность домашнему очагу, качества воспитательницы детей, но и преданность делу, активность в производственной деятельности. В культуре русских образ женщины наиболее полифункционален. А в соответствии с традициями культуры узбекского народа, так же как и других народов Средней Азии, Кавказа и Закавказья, на женщину прежде всего возлагается функция хранительницы домашнего очага, в то время как ее производственные роли отступают на второй план.

О степени стойкости культурных традиций жизненного уклада свидетельствуют и ответы на вопрос о том, какой образ жизни замужней женщины наиболее предпочтителен. Опрашиваемым задавался вопрос, какой

образ жизни им кажется более предпочтительным — тот, который складывается в семье, где женщина работает и обязанности по дому распределены между всеми членами семьи, или тот, при котором женщина целиком занимается домашним хозяйством, воспитывает детей и принимает участие в делах мужа. Вопрос был заострен. Естественно, в каждой семье образ жизни складывается в зависимости от обстоятельств, и в большинстве случаев женщина сочетает производственную работу с выполнением домашних обязанностей. Но в данном случае важно было максимально поляризовать ответы на вопрос — работать женщине или заниматься только домом и детьми. Доля предпочитающих первый образ жизни оказалась у всех народов выше, чем доля тех, кто ориентирован только на домашние занятия женщин.

Дополнительные исследования показали, что у русских и эстонцев такое мнение в немалой степени связано с тем, что благосостояние семьи зависит от заработка женщины. В то же время среди узбеков увеличение благосостояния семьи за счет заработков женщин распространено заметно меньше.

Большинство мужчин и женщин разных национальностей считают, что главным кормильцем в семье и больше всех зарабатывающим является муж. Но доля таких ответов имеет национальные вариации, причем мужчины чаще, чем женщины, считают, что их заработок больший. Особенно полярны в этом отношении мнения мужчин и женщин среди эстонцев. Пожалуй, в этом сказываются не только изменения в положении мужчины в семье, но и сохранение традиционных стереотипных взглядов на мужчину как на кормильца семьи. Не случайно среди мужских качеств наряду с преданностью делу и активностью на производстве высоко ценится трудолюбие и умение содержать дом.

Новые нормы в культуре семейных отношений предполагают большее участие мужчин в семейных делах. Примечательно, что многие среди более молодых и образованных людей считают возможным разгрузить женщину от домашних забот.

Распределение обязанностей между мужчиной и женщиной является одним из основных индикаторов, отражающих традиционный или современный стиль жизни в семье. Равномерное распределение обязанностей встречается приблизительно одинаково часто в семьях горо-

жан всех национальностей, среди которых проводились наши исследования (пожалуй, за исключением грузин). Но семьи с таким распределением ролей не составляют нигде значительной доли, ни среди более урбанизированных, ни среди менее урбанизированных народов. Это приблизительно 11—14% семей (а у грузин равную с женой нагрузку несут мужчины лишь в 2,5% семей). Такое распределение ролей не могло, видимо, быть широко распространено у народов Кавказа, поскольку традицией предусматривалась отстраненность мужчин от целого круга видов деятельности в семье. Например, отец в присутствии родственников и посторонних не мог брать ребенка на руки или принести воду. Конечно, теперь такая традиция повсеместно нарушается и у народов Закавказья, например отмечается более высокое внимание к детям.

Вместе с тем как отголосок прошлого определенные виды домашнего труда и сейчас считаются строго мужскими или строго женскими. Например, доля мужчин, принимающих участие в домашних делах, помогающих своим женам, среди грузин, так же как и представителей других национальностей, составляет около $\frac{1}{3}$. Но в грузинских семьях виды этой помощи чаще ограничиваются покупками необходимых товаров, в то время как среди узбекских мужчин такое участие распространяется и на приготовление праздничной пищи. А в русских семьях мужчины могут, используя бытовые машины, принять необходимое участие и в стирке, и в уборке жилища.

Одни и те же данные об участии мужчин в домашних делах могут, как отмечалось исследователями, по-разному быть интерпретированы. То, что $\frac{1}{3}$ грузинских мужчин «не принимает» участия в домашних делах, учитывая национальные традиции, может рассматриваться как существенное изменение в ориентациях на жизненный уклад и прогрессивный сдвиг в этом отношении. В то же время то, что $\frac{1}{5}$ эстонцев не принимает участия в семейных делах, говорит о том, что даже в условиях высокой урбанизации пока еще есть ограничения в достижении равенства между мужчинами и женщинами в быту. Об этом же заставляют задуматься и данные по другим странам с высокоурбанизированной культурой. Обсуждая вопрос о распределении домашних обязанностей, журнал «Знание — сила» привел дан-

ные опросов 150 детей в возрасте 4—5 лет, проведенных в детских садах ГДР. Свыше 80% детей ответили, что приготовление пищи и покупки — это дело мам, а вот чтение книг и газет — это дело отцов. Только один ребенок назвал стирку белья мужским делом. Но зато 80% малышей считали, что пить пиво и курить — это привилегия отца⁸.

Не только выявленные «пределы» равномерности распределения домашних обязанностей, но и слишком жесткая ориентация женщин на равное участие мужчин в домашних делах нередко ведут к конфликтности в семье. Все это заставляет исследователей и общественность вести более гибкую и не слишком альтернативную пропаганду оптимального семейного уклада жизни.

В проведенных исследованиях социологи выявили, что именно в стабильных семьях мужчины и женщины чаще менее категоричны в своих взглядах на распределение семейных обязанностей, чаще считают, что эти обязанности должны учитывать нагрузку на работе членов семьи, особенности характера супругов, их физические возможности, индивидуальные склонности⁹. Для целостности семьи и душевной уравновешенности супругов важна не только взаимная помощь, но и согласованность во взглядах, в том числе на распределение семейных обязанностей, и в этом отношении национальные особенности играют немалую роль.

Стабильность и благополучие семьи у европейских народов и у народов Кавказа, Закавказья и Средней Азии достигаются в современных условиях отнюдь не всегда одинаковыми путями. Если у русских и эстонцев хорошие отношения между супругами чаще связаны с участием мужей в воспитании детей и в домашних делах, освобождающим время для совместного досуга, то в семьях грузин, узбеков, молдаван, татар семейное благополучие нередко достигается за счет принятия женщинами традиционных ролей мужчин (мужчина — хозяин, главный кормилец). Кстати, среди узбекских мужчин доля тех, кто не принимает никакого участия в делах семьи, оказалась меньше, по нашим исследованиям (всего 13%), чем у других народов, в среде которых они проводились. Эта доля была меньшей и среди сельских жителей вообще, хотя традиционность отношений в сельской среде, естественно, выше. Это и понятно: ведь в сельских условиях на мужчину приходится

немало чисто мужских работ — ремонт помещения, наиболее тяжелые работы на приусадебном участке.

Как отмечают этнографы, на Кавказе, в Закавказье и Средней Азии выше доля сложных семей (это фиксируется и статистикой), а значит, больше женщин, которые не только делят между собой работу, но и чаще привлекают к ней детей, что уменьшает нагрузку, приходящуюся на каждого члена семьи¹⁰. Наличие старших родственников в таких семьях обычно способствует сохранению традиционного распределения ролей. Не случайно у всех народов домовитость, хозяйственность, трудолюбие оказались в числе главных ценимых качеств в женщине. Это характерно даже для горожан, хотя отношения в их среде, конечно, менее традиционны. Например, эти качества отметили свыше 60% городских грузин и не менее половины городских узбеков. Такие качества, как активность и целеустремленность, женщины всех национальностей больше предполагают у мужчин. Русские считают деловые качества мужчины вообще самыми важными, а полная переориентация на домашние занятия чревата опасностью снижения уважения к нему как партнеру в браке.

Как правило, в молодых семьях, особенно образованных людей, у которых быт более рационализирован, мужчины чаще помогают женщинам в ведении домашних дел, а взгляды на их роль в семье свободны от традиционных предрассудков. В одних случаях при совпадении взглядов супругов это приводит к стабильности браков, в других, при рассогласованности установок супругов на семейную жизнь, наоборот, к более быстрому распаду семьи. Естественно, последнее встречается чаще среди людей тех национальностей, для которых характерна большая психологическая перестройка во взглядах на семейные отношения, в том числе на роли в семье.

При том, что большинство мужчин и женщин оценивают отношения в своих семьях как хорошие, самих семей с такими оценками меньше в городской среде и у более урбанизированных народов, для которых характерны самые высокие потребности в психологическом и бытовом комфорте. В то же время таких семей больше у народов с преимущественно сельским составом населения, среди которых рассогласованность ожидаемых и реальных отношений между членами семьи мень-

ше. Среди узбеков, например, совпадение во взглядах на роли в семье мужчин и женщин, молодежи и старшего поколения благоприятно сказывается на прочности семейных уз и удовлетворенности своей семейной жизнью.

Сами оценки семейной жизни довольно жестко связаны с культурными традициями народов. Анализ материалов показывает, что людей, которые ответили, что нет таких трудностей, которые бы мешали их семейной жизни, у всех национальностей меньше, чем тех, кто оценил отношения в семье как хорошие. Видимо, стабильные семьи даже при наличии трудностей могут справляться с ними, не теряя общего ощущения благополучности отношений в семье. Некоторые виды трудностей, например связанные со стадией формирования семьи, когда дети не достигли еще самостоятельных заработков и семья ощущает недостаток материальных средств, встречаются у всех народов. И хотя далеко не всегда недостаток средств, ощущаемый людьми, связан действительно с малыми заработками (по заработку и потребности), все же в известной мере эти представления отражают реальную ситуацию. Поддержка родственников в семьях грузин и узбеков, так же как других среднеазиатских народов, имеет немалое значение. Это отражается в том факте, что жалобы на эти трудности в грузинских и узбекских семьях встречаются вдвое реже, чем в семьях русских и эстонцев.

Жилищные проблемы русские и эстонцы ощущают острее, что, видимо, связано прежде всего с большой долей городского населения у этих народов, ибо горожане ощущают жилищные проблемы повсюду острее.

Несомненную угрозу для целостности семьи представляет пьянство. Хотя доля семей, высказавших жалобы на этот порок, была небольшая (8—15%), очевидно, что страдал им значительно больший круг людей. Причем среди грузин и узбеков такие жалобы практически не встречались, а среди молдаван они были значительно более редкими, чем среди русских и эстонцев. Что касается социальных слоев, то больше страдали от этого недуга семьи неквалифицированных работников. Меры, принятые против злоупотребления алкоголем в середине 80-х годов, были весьма своевременными. Борьба против пьянства и алкоголизма ведется во имя здоровья общества и человека. «Не обольщаясь

достигнутым, можно сказать, — говорилось в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, — что пьянка потеснена с производства, меньше ее стало в общественных местах. Оздоровляется обстановка в семьях, сократился производственный травматизм, укрепился порядок. Но и дальше нужна большая, настойчивая, разнообразная работа, чтобы обеспечить окончательный перелом в сложившихся привычках. Никаких послаблений здесь быть не должно!»¹¹.

В жизни семьи, в семейных взаимоотношениях все большее значение у всех народов придается взаимопониманию, взаимному уважению. Чем самостоятельнее становились супруги в своей трудовой и общественной деятельности, тем чаще их семейные отношения оценивались исходя из психологической совместимости. Семья ценилась тогда, когда на нее можно было смотреть как на «тыл», «убежище» и среду отдыха от напряжения вне дома. Высокая жажда взаимопонимания особенно характерна, естественно, для людей более образованных и квалифицированных, ибо у них шире общение, активнее внедомашние интересы, выше культурные запросы. Строить отношения в таких семьях чаще бывает не проще, а сложнее. Отсюда сетования на недостаточное взаимопонимание.

Традиционно считается, что главой семьи является муж. В литературе уже длительное время обсуждается вопрос, что кроется под этим главенством — реальный вклад мужчины в семейный бюджет, авторитет мужа или традиционное приписывание ему этой роли. Результаты опросов показывают, что сама оценка главенства в семье неодинакова и имеет национальные вариации. Среди русских и эстонских городских семей примерно равная доля семей возглавляется мужьями и женами. У грузин, узбеков, молдаван глава семьи, как правило, муж. Общей тенденцией является все более широкое распространение семей, в которых главные вопросы в семье решаются совместно, особенно часто такие решения характерны для городских семей более квалифицированных работников. Но все же в эстонских и русских семьях даже женщины, которые реже оценивают отношения в семье как демократичные, чаще отмечали, что важнейшие семейные вопросы решают либо они, либо совместно. В то же время в грузинских и узбек-

ских семьях женщины заметно чаще считают, что семьи возглавляются мужчинами (и в этом их мнение совпадает с их мужьями), важнейшие вопросы в семье решаются или совместно, или их главой.

Национальной особенностью кавказских и среднеазиатских народов является также и то, что в тех случаях, когда в семьях живут женщины старшего поколения, они нередко возглавляют семьи. Значительно реже такое встречается у европейских народов.

Стиль отношений в семьях и характер семейных отношений зависят, естественно, и от того, как складывается взаимопонимание между супругами, и от того, как строятся отношения с детьми, с младшим поколением. Дети — первостепенная ценность семьи. Не случайно, отвечая на вопрос о важнейших проблемах, на которые следует обратить внимание общественности, опрашиваемые называли заботу о моральном здоровье молодого поколения. Формы заботы о детях в семьях разных народов имеют свои традиции, но сама ценность детей приобретает все большее значение у всех народов.

Как показали исследования, споры о воспитании детей больше заботят семьи европейских народов (в частности, это наблюдалось среди русских и эстонцев). В среде узбеков, грузин такие споры возникают реже. Совершенно очевидно, что в этом факте обнаруживаются как различные традиции системы воспитания детей, так и отличающийся стиль жизни самих родителей. В русских и эстонских семьях женщины в основном работают, их интересы концентрируются не только на семейных делах. Нагрузки женщин на работе довольно высоки. Свободное время работающих женщин, имеющих детей, обычно составляет не более 2,5 часа в день, меньше его и у мужчин в семьях, где есть дети. Отсюда стрессовые ситуации, которые могут отражаться на воспитании детей. К тому же представления работающих и особенно образованных женщин о нормах воспитания детей становятся другими. Их заботит не только организация питания членов семьи, и прежде всего детей, но главное — их духовные интересы, моральные ценности. Детям стараются дать дополнительное образование, музыкальное, языковое, спортивную подготовку.

Споры о механизмах приобщения к моральным ценностям, к достижениям культуры возникают значительно чаще в семьях, где работают все ее члены, поскольку

возможности и способы их достижения существенно различаются. В узбекских семьях, так же как в семьях других среднеазиатских народов, в которых живы бабушки и дедушки, есть старшие братья и сестры, имеется больше возможностей для того, чтобы отвести малышей в музыкальную школу или на спортивную площадку, облегчаются возможности вовремя накормить ребенка, установить распорядок дня. Авторитет отца и старших родственников очень высок в кавказских и среднеазиатских семьях. Бывает, что жизненный путь ребенка определяется ими. Решение отца или старших родственников считается обязательным. Показательны ответы на вопрос, следует ли получать согласие старших при вступлении в брак. Положительные ответы даже среди городского населения, у которого демократичность в отношениях между поколениями наиболее четко выражена, дали практически 90% узбеков, 50% молдаван, в то время как только $\frac{1}{3}$ русских и $\frac{1}{5}$ эстонцев придерживаются такого мнения. И в этом отношении представления молодежи и старшего поколения у узбеков отличаются незначительно. Например, узбекская молодежь 18—19-летнего возраста считает для себя обязательным получить согласие родителей на брак (свыше 80%), а у эстонцев лишь 12—13% молодежи придерживаются такого мнения (практически вдвое реже, чем старшее поколение).

В своих ориентациях и отцы и матери считают для себя необходимым заниматься воспитанием детей, но практика свидетельствует, что матери делают это активнее и обычно оказывают большее влияние на судьбу детей.

Еще в первых исследованиях, проведенных в конце 60-х годов в Татарии, было установлено, что жизненный путь детей больше зависит от образования матери, чем отца.

Естественно, вопрос о влиянии родителей в семье на жизненные ориентации молодежи имел специальный интерес. Являясь одним из инициаторов международного исследования культуры семьи, мы специально исследовали параметры ее культурной жизни, влияние родителей на те или другие сферы деятельности ребенка.

В 1976—1983 гг. под эгидой Европейского центра по координации научных исследований и документации в области социальных наук (Венский центр) было про-

ведено исследование в семи европейских странах. В нем приняли участие Венгрия, Польша, Румыния, СССР, Греция, Италия и Франция. Целью исследования было выяснение тенденций общего развития современной семьи, приобщение ее к культуре и трансмиссия культурных традиций в современных условиях научно-технического и культурного развития. В эмпирической своей части исследование было основано на данных опросов, проводимых в странах-участницах по согласованным программам интервьюирования. Опрашивались при этом полные семьи (с обоими родителями), проживающие в больших, средних городах и в сельской местности. В ходе исследования опрашивались в каждой семье мать и ребенок в возрасте от 12 до 17 лет.

В Советском Союзе опросы проводились в Эстонской ССР, как республике, представляющей европейские районы страны. Выборки были сделаны на основе квот. Они не были полностью репрезентативными, но поскольку были выбраны сходные группы, то по ним можно было судить о тенденциях культурного развития. Для нас важно сейчас рассмотреть результаты исследования с точки зрения влияния семьи и культурной активности родителей на культурный кругозор и активность детей.

Сравнение культурной активности людей разных национальностей из разных стран, например, французов и советских эстонцев, по отдельным показателям, таким, как частота посещений театров, кино, концертов, чтение газет, определенного числа книг и т. д., нам представлялось не совсем правомерным, поскольку различны традиции каждого народа, неодинаковы возможности посещения театров, например, в связи с разными ценами на билеты. Необходимо учитывать и содержание спектаклей, книг и т. д. Поэтому нельзя считать, что культурная активность выше у того человека, кто чаще ходит в театр. Активность человека может проявляться в других сферах приобщения к культуре. Поэтому была сделана попытка применить обобщенные интегрированные показатели культурной активности. Работа по созданию обобщенных интегрированных показателей, проведенная нашими эстонскими коллегами, была охарактеризована А. Х. Наруск в статье, вошедшей в книгу «Нация и культура»¹², посвященной главным образом итогам этого исследования.

Обобщенные интегрированные показатели строились

на основе почти 200 отдельных показателей культурных интересов и активности человека в различных сферах потребления культуры как в быту, так и во внедомашних занятиях. После первичной группировки признаков на основе корреляционного анализа были исключены малоинформативные, дублирующие и маловарьирующие признаки. Далее, на основе средних величин выделенных показателей и с помощью метода многомерного шкалирования была получена двенадцатибалльная система суммарной оценки культурной активности по следующим показателям:

Домашняя		Культурная активность матери
		+1, если каждый день смотрит ТВ,
		+1, если регулярно слушает радио,
		+1, если регулярно читает газеты,
		+1, если читает больше двух книг в год,
		+1, если занимается каким-либо видом творческой деятельности,
		+1, если занимается спортом (самостоятельно или с семьей)
Внедомашняя		+1, если посещает театр более 2 раз в год,
		+1, если посещает кино более 2 раз в год,
		+1, если посещает музеи более 1 раза в год,
		+1, если посещает концерты более 1 раза в год,
		+1, если участвует в каком-либо кружке или клубе,
		+1, если участвует в спортивном кружке или клубе.
		Культурная активность ребенка
Домашняя		+1, если каждый день смотрит ТВ,
		+1, если регулярно слушает радио,
		+1, если часто слушает музыку дома,
		+1, если читает больше шести книг в год,
		+1, если имеет какое-то творческое увлечение,
		+1, если занимается спортом (самостоятельно)
Внедомашняя		+1, если посещает кино более 1 раза в месяц,
		+1, если время от времени посещает музеи,
		+1, если время от времени посещает театр,
		+1, если время от времени посещает концерты,
		+1, если участвует в каком-то кружке,
		+1, если занимается спортом (в организационной форме).

При окончательной оценке в число культурно активных были включены те из опрошенных, которые имели показатели активности выше средних по стране. Таким

образом по Эстонской ССР в число культурно активных вошли те матери, которые набрали свыше 6,9 балла (во Франции — матери, набравшие более 4,6 балла). Также были выделены активные в культурном отношении дети (см. табл. 10). Таким образом, активных матерей среди опрошенных в Эстонской ССР оказалось 62%, а детей — 64%. Затем эстонские исследователи провели сравнительный анализ по материалам опроса в Эстонии и во Франции. Для Франции доля активных матерей оказалась равной 47%, а активных детей — 45%. В табл. 11 и 12 приведены данные, учитывавшие по городам и селам ЭССР и Франции уровень образования женщин.

При последующем анализе были выделены разные группы семей в зависимости от активности в сфере культуры матерей и детей и характера их отношений. Эти группы представлены в табл. 13. В соответствии с учтенными показателями была возможность выявить факторы, которые главным образом влияют как на культурную активность, так и на передачу культурных традиций в семье. Оказалось, что культурная активность родителей существенно определяет интерес детей к серьезным видам искусства — классической музыке, опере, балету, драме. Дети из таких семей больше ориентированы на посещение театров, кино, концертов, музеев. Высокая оценка родителями научно-технической и социально-политической информации и приобщение к ней влияет на селективное отношение к культурным ценностям детей, на использование ими свободного времени. В таких семьях дети чаще смотрят не все телепередачи, а только те, которые их действительно интересуют; радио прослушивают более регулярно, совмещая прослушивание с другими домашними занятиями. Увлечение родителей спортом и любительскими творческими занятиями также благоприятно влияет на расширение кругозора детей.

Активные в культурном отношении дети из семей «малоактивных» родителей подвержены влиянию друзей и моды и отличаются от детей активных в культурном отношении родителей тем, что больше ориентированы на приобщение к культуре через средства массовой информации, особенно телевидение, а их культурные интересы носят скорее развлекательный характер. Эти выводы были характерны не только для семей эстонцев, но также и для семей французов. Общим для обеих стран оказалось и то, что более эффективна передача активно-

го отношения к культуре в тех семьях, где ценят атмосферу взаимного понимания, доверия и любви как между самими родителями, так и между родителями и детьми.

Активные дети воспитываются в тех семьях, где им уделяется больше внимания — родители рассказывают сказки, читают книги и поют песни. Их совместные интересы определялись в процессе общих занятий в семье, а также в процессе совместных решений различных вопросов. Такие дети обычно больше ценят свой дом, своих родителей, прислушиваются к их мнению при решении своих школьных и личных дел. Родители для них являются авторитетом, которому они следуют.

Таблица 11. Распределение разных типов семей по месту жительства семьи и уровню образования матери в ЭССР*, в %

	Активная мать, активный ребенок (1)	Активная мать, малоактивный ребенок (2)	Малоактивная мать, активный ребенок (3)	Малоактивная мать, малоактивный ребенок (4)	Активная мать (1+2)	Активные дети (1+3)	Доля активных матерей, имеющих активных детей
							$\frac{1}{1+2}$
Место жительства:							
большой город (180)**	45	19	16	20	65	61	70
средний город (231)	44	22	17	17	66	61	67
сельский центр (189)	41	13	29	17	54	70	76
Образование матери							
до 8 классов (169)	33	9	32	26	42	65	79
среднее (228)	44	19	20	17	63	64	70
высшее (203)	51	27	10	12	78	61	65
Среднее (600)	43 (259)	18 (111)	21 (124)	18 (106)	62 (370)	64 (383)	70

* Нация и культура. С. 85.

** В скобках дано число опрошенных семей.

Интересны оценки родителями возможности своего влияния на детей в сравнении с влиянием школы, друзей, средств массовой информации. В число пяти важ-

Т а б л и ц а 12. Распределение разных типов семей по месту жительства матери во Франции*, в %

	Число опрошенных семей	Активная мать, активный ребенок (1)	Активная мать, малоактивный ребенок (2)	Малоактивная мать, активный ребенок (3)	Малоактивная мать, малоактивный ребенок (4)	Активные матери (1+2)	Активные дети (1+3)	Доля активных матерей, имеющих активных детей	
								1	2
Место жительства	большой город	42 (404)	25	14	19	67	56	63	
	средний город	22 (398)	18	21	39	40	43	55	
	село	14 (299)	16	19	51	30	33	48	
Образование матери	начальное	15 (625)	17	20	48	32	35	47	
	незаконченные специальные курсы	27 (113)	21	17	35	38	44	56	
	незаконченное среднее	42 (127)	23	16	19	65	58	64	
среднее		44 (117)	29	15	12	73	59	60	
	высшее	68 (120)	19	7	6	87	75	78	
Среднее		27 (303)	20 (219)	18 (197)	35 (383)	47 (522)	45 (500)	58	

* Нация и культура. С. 86.

нейших факторов, влияющих на детей, эстонские матери включили семью — 80% (французские матери — 62%); друзей — 76% (француженки — 78%), школу — 70% (француженки — 76%), книги — 67% (француженки — 26%), телевидение и радио — 53% (француженки — 58%), мать — 44% (француженки — 64%), отца — 32% (француженки — 65%), причем влияние отца оценили ниже не только эстонские матери, но и сами отцы.

Разница в культурной активности городских и сельских матерей в нашей стране оказалась меньше, чем во Франции. Вместе с тем в городах Эстонской ССР довольно много активных матерей, которым не удалось воспитать такую же активность у детей; больше всего их оказалось среди матерей с высшим образованием, занимающихся творческим трудом (27%).

Используя данные международного исследования, вслед за А. Х. Наруск отметим, что познавательные возможности математических методов в практике исследований нельзя преувеличивать. Они только облегчают обнаружение функциональных связей, но далеко не всегда раскрывают причинно-следственные зависимости. Поэтому при дальнейшем анализе необходимо использование разных методов обработки данных, привлечение других источников и, естественно, акцентация на логическом анализе.

Обратим внимание также на то, что в семьях, активных по приобщению к культуре, родители часто посещают вместе с детьми музеи, исторические памятники, обсуждают литературные произведения, что, по нашим наблюдениям в процессе интервьюирования, оказывает заметное влияние на формирование национального самосознания детей, прежде всего на отношение к ценностям национальной культуры, истории народа, его места в общем историческом процессе. По нашим наблюдениям, наиболее активны в этом отношении грузинские семьи, а также образованные родители в семьях молдаван и узбеков.

Подводя итоги, можно сказать, что культурная жизнь семьи у разных народов обнаруживает тенденции к сближению прежде всего в тех сферах, которые зависят от жизненного уровня, общих для страны тенденций развития средств массовой информации, выравнивания жилищных условий и материального обеспечения. Вместе с тем в такой сфере жизни семьи, как культура межлич-

Таблица 13. Некоторые индикаторы семейных отношений в разных типах семей*, в %

Элементы взаимоотношений родителей и детей	2	1		2		3		4		Среднее			
		ЭССР		Франция		ЭССР		Франция		ЭССР		Франция	
		3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
1													
Родители поли ребенка песни	ОМ ОД	92 78	78 54	87 63	69 43	88 77	60 47	77 66	57 35	88 73	66 44		
Родители рассказывали ребенку сказки	ОМ ОД	99 95	87 73	95 86	82 67	98 94	72 64	94 95	61 52	97 93	74 63		
Родители читали ребен- ку книги	ОД	93	63	91	53	94	58	92	34	93	50		
Родители дают или не дают ребенку возмож- ность участвовать в ре- шении важных семейных вопросов**	ОМ	28	40	43	46	34	56	49	58	36	50		
не дают	ОМ	41	20	22	20	35	17	21	15	33	19		
дают	ОД	7	26	16	32	12	31	16	40	11	33		
не дают	ОД	62	36	53	32	55	35	49	29	55	32		
Родители обсуждают 6 или более из 11 пере- численных проблем вме- сте с детьми**	О	70	78	58	69	43	62	36	45	56	62		

Родители посещают вместе с детьми 4 или более из 9 перечисленных мест***	ОМ	71	53	58	42	28	26	37	14	53	32
Мать уверена, что на ее ребенка больше всего влияет											
...вся семья											
(на первом месте из пяти выбранных факторов)	ОМ	58	31	48	25	42	22	39	21	49	25
...она сама											
(на первом месте)	ОМ	23	26	23	30	27	23	40	26	27	26
Мать уверена, что на ее ребенка больше всего должна влиять											
...семья (на первом месте)	ОМ	66	34	55	32	56	26	47	26	58	29
...она сама (на первом месте)	ОМ	21	25	23	24	23	21	32	25	23	25

* Нация и культура. С. 89—90.

** ОМ — ответы матерей на вопросы о совместном с детьми решении проблем их образования, больших семейных расходов и на вопросы о проведении свободного времени; ОД — ответы детей о решении проблем образования, семейных расходов и на вопросы о проведении свободного времени и выборе друзей. В число обсуждаемых проблем входили: школьные проблемы, планы детей, работа родителей, политические и социально-экономические проблемы, проблемы культуры (театра, кино, музыки, искусства, литературы и спорта).

*** Перечисленные 9 мест: театр, кино, концерты, музеи и выставки, спортивные мероприятия, пребывание на лоне природы (в лесу, у моря и других местах), дома культуры и клубы, увеселительные заведения (кафе, бары, рестораны).

ностных отношений, одновременно с внедрением общесоветских норм морали и нравственности устойчиво сохраняется национальная специфика. Эти культурные традиции активно передаются новому поколению. Такая устойчивость культурных традиций в семье, видимо, связана не только с историческим наследованием, трансмиссией культуры. В современных условиях, так же как и в прошлом, невозможна повсеместная унификация межличностных отношений, она обеднила бы жизнь общества. Национальные вариации межличностных отношений служат основой сохранения прогрессивных исторических традиций и дают возможность разностороннего многообразия жизни человека, облегчая адаптацию его к социально-культурной среде и одновременно обеспечивая ему расширение самовыражения.

ГЛАВА VI
ВЛИЯНИЕ
ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ
КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ НА
ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

1. ЕДИНСТВО
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ
СОВЕТСКИХ НАЦИЙ

Культурная политика Советского государства последовательно приводит к утверждению собирательного, принципиально сходного образа жизнедеятельности людей разных национальностей, осознанию их общности и принадлежности к единому советскому народу. Исключительно значима в этом плане социально-политическая сердцевина культуры, которая во многом предопределяет общность нравственности и морали, интересов и реального поведения в разных сферах жизнедеятельности. «Советский народ, — подчеркивается в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, — выступает как качественно новая социальная и интернациональная общность, спаянная единством экономических интересов, идеологии и политических целей»¹.

Для конкретной фиксации и количественной оценки степени осознания советскими людьми своей принадлежности к интернациональной общности — советскому народу — в исследовании «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения советских наций» использовался специальный инструментарий. Некоторые проявления такого самосознания фиксировались, в частности, вопросом о Родине, с помощью которого уточнялось представление о Родине людей разных национальностей и социально-демографических групп.

Чувство Родины, довольно полно отражающее в числе других индикаторов осознание общности и единства ин-

тересов, может вызвать разные ассоциации: мой город, мое село, моя республика в целом, и конечно, оно способно меняться в зависимости от времени и ситуации. Выборы, безусловно, не исключают друг друга. Но при этом имеет значение акцент — конкретное место проживания (город, село) или территориально-политическая общность (республика, страна), где доминируют не непосредственные контакты, а социальное сознание общности. Пребывая за рубежом, почти каждый независимо от места, где он находится, называет Родиной СССР, а находясь в своей стране, ее жители называют и место, где родились или живут. Соответственно задавался и вопрос: «Что Вы считаете своей Родиной: страну в целом, республику, в которой живете, республику вашей национальности и т. д.?» И характерно, что подавляющее большинство людей, практически каждый, независимо от национальности и других социальных и демографических признаков, называли своей Родиной СССР и республику своей национальности или ту, в которой они живут.

Примечательно, что в Молдавии, значительная часть населения которой в сравнительно недавнем прошлом находилась в составе боярской Румынии, теперь, как и в других местах страны, население четко осознает принадлежность к советскому народу в целом. Три четверти молдаван в Кишиневе, где в 80-е годы проводилось наше повторное исследование, назвали своей Родиной Советский Союз, остальные — Молдавию. Такие ответы в равной мере были характерны для любых социально-профессиональных и возрастных групп людей всех национальностей, проживающих в республике, — молдаван, русских, украинцев и др. В принципе подобные выборы типичны и для других республик. В Ташкенте 79% узбеков, ответивших на этот вопрос, назвали Родиной весь Советский Союз, прочие — Узбекистан. В Грузии при исследовании отдельных национальных групп, в частности армян, азербайджанцев, осетин, подавляющее большинство каждого народа назвало Родиной Советский Союз (около 60%), а остальные — республики своей национальности (по 10—15%) и Грузию (примерно 25%). По сравнению с ними у коренной национальности республики — грузин, естественно, преобладают выборы Грузии (70—80%).

Чувство интернационального единения питается из разных источников. При этом существенна идеологи-

ческая направленность, воспитание единого мировоззрения, что создает как бы основу утверждения политического единения народов. О силе и распространении единого политического сознания можно судить и по влиянию Коммунистической партии, решения которой определяют принципы социальной жизни каждого народа, и по проникновению в сознание людей всех национальностей коммунистической идеологии, господствующих в стране общих политических представлений.

Примерно в одинаковых пропорциях (с долей взрослого городского и сельского населения) представлены в составе КПСС советские нации и народности: 59,8% русских (составляющих подавляющее большинство населения страны — 53%), 16% украинцев (16% населения), 3,8% белорусов (3,6% населения), 0,3% эстонцев (0,4% населения)².

Такое соответствие пришло не сразу (см. табл. 14). У народов Прибалтики и у молдаван, естественно, в первые послевоенные годы удельный вес коммунистов был намного меньше, чем в других регионах страны.

Повсеместно в ряды КПСС вступают преимущественно самые квалифицированные и образованные представители советских народов. Подавляющее большинство молодежи каждой национальности пополняет ряды ВЛКСМ. Люди разных национальностей принимают в основном одинаковое участие в общественной работе, выполняют общественные поручения партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. По данным ОСУ, такие поручения выполняет по крайней мере около половины людей разных национальностей в городах республики, от четверти до трети — в селах.

Об эффективности идеологического воспитания, политической культуры и социальных представлений наших народов свидетельствует множество данных. Весьма впечатляющи ответы на вопрос: «Назовите, пожалуйста, выдающихся людей прошлого и настоящего, к которым вы чувствуете расположение и уважение». Вопрос этот задавался при интервьюировании населения в 80-е годы. Опрашиваемые могли назвать любое имя. И характерно, что люди разных национальностей, независимо от пола, возраста и социального положения, исключительно часто называли имя В. И. Ленина, образ которого наиболее полно отвечает жизненным идеалам советских людей. На основании итоговых данных иссле-

**Таблица 14. Распределение населения СССР
по национальности и партийности***

Национальность	Национальный состав населения СССР (в % ко всему населению страны)				Национальный состав КПСС (в % к итогу)			
	1926 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	на 1 января 1946 г.	на 1 января 1973 г.	на 1 января 1982 г.	на 1 января 1983 г.
Русские	52,9	54,6	53,4	52,4	67,8	60,9	59,8	59,7
Украинцы	21,2	17,8	16,9	16,2	12,1	16,0	16,0	16,0
Белорусы	3,2	3,8	3,7	3,6	2,1	3,5	3,8	3,8
Молдаване	нет свед.	1,1	1,1	1,1	0,1	0,4	0,5	0,5
Грузины	1,2	1,3	1,3	1,4	2,0	1,7	1,7	1,7
Армяне	1,1	1,3	1,5	1,6	1,8	1,5	1,5	1,5
Азербайджанцы	1,2	1,4	1,8	2,1	1,0	1,4	1,6	1,7
Эстонцы	нет свед.	0,5	0,4	0,4	0,1	0,3	0,3	0,3
Латыши	нет свед.	0,7	0,6	0,5	0,1	0,4	0,4	0,4
Литовцы	нет свед.	1,1	1,1	1,1	0,1	0,7	0,7	0,7
Казахи	2,7	1,7	2,2	2,5	1,7	1,7	1,9	2,0
Узбеки	2,7	2,9	3,8	4,5	1,1	2,0	2,3	2,4
Таджики	0,7	0,7	0,9	1,1	0,2	0,4	0,4	0,4
Туркмены	0,5	0,5	0,6	0,8	0,2	0,3	0,4	0,4
Киргизы	0,5	0,5	0,6	0,7	0,3	0,3	0,4	0,4

* Подсчитано по: Народное хозяйство СССР. 1922—1982 гг. М., 1982. С. 33, 49; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. М., 1973. С. 9; Численность и состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 71; Справочник партийного работника. Вып. 24. Ч. 2. М., 1984. С. 346.

дования 80-х годов по городским центрам, преимущественно столичным — Кишиневу, Ташкенту, Тбилиси и т. д. (ответы лиц коренной национальности), и Саратову (ответы русских) можно довольно четко представить структуру авторитетов в сознании разных национальностей. Если принять индекс частоты выборов ученых в этих городах за 1, то выборы писателей, музыкантов, художников и других людей искусства составляют 2,6, исторических, преимущественно революционных, деятелей всех времен и народов — 3,2, а классиков марксизма — Маркса, Энгельса и Ленина — 4,5 (подробнее см. табл. 15).

В известной мере в структуре социальных авторитетов сказывается национальный колорит. Как правило, у всех народов среди исторических деятелей особое ме-

Таблица 15. Структура авторитетов в сознании людей разных национальностей (индекс частоты выборов)

	Ученые	Деятели литературы и искусства	Исторические и революционные деятели	Классики марксизма-ленинизма
Русские	1	1,6	2,6	5,4
Узбеки	1	2,4	4,5	4,9
Грузины	1	4,6	8*	
Молдаване	1	1,7	4,6	6,7

* Две последние группы — классики марксизма-ленинизма и исторические и революционные деятели — в данном случае учтены вместе.

сто занимают революционные и государственные, причем не только своей национальностью. Хотя в то же время представители своей национальности у всех народов, естественно, относительно выделяются.

У народов неодинаковы также пропорции в выборах «своих» и инонациональных деятелей искусства и тем более науки (см. табл. 16). У коренных национальностей республик люди своей национальности среди всех названных выдающихся деятелей составили в Кишиневе $\frac{1}{3}$, в Ташкенте — $\frac{1}{2}$, в Тбилиси и Саратове — $\frac{3}{4}$ общих выборов. Различия между национальностями особенно заметны оказались в выборах ученых, так как у одних народов, особенно у русских, эта группа сложилась относительно давно, а у других, например у молдаван, она активно стала формироваться в последнее время. Наименее заметны различия по национальному составу в выборах деятелей литературы и искусства. В этой сфере у всех народов уже накоплен большой исторический опыт и имеется богатое наследство. С течением времени в результате роста национальной интеллигенции и национального самосознания наблюдаемые пока различия скорее всего будут сглаживаться, хотя и сейчас они, вероятно, связаны не только с действительным культурным фондом народов, но и с интенсивностью популяризации ими исторического культурного наследия.

В целом чувство социальной и интернациональной общности народов СССР, обусловившее единую направленность их социального мышления, отражалось, в частности, и в сходстве социальных ценностей, причем на

Т а б л и ц а 16. Доля представителей своей национальности среди названных выдающихся деятелей культуры*, в %

Националь- ность	Ученые	Деятели ли- тературы и искусства	Историче- ские и рево- люционные деятели (без классиков марксизма)	Все деятели
Молдаване	17	51	24	31
Узбеки	47	59	35	48
Русские	74	75	82	74
Грузины	56	80	97	74

* Даны результаты опросов молдаван, узбеков и грузин, проживающих в столицах своих республик, русских — в г. Саратове, по материалам исследования начала 80-х годов.

всех уровнях — государственном, производственно-коллективном и даже личностном.

Что нужно обществу? Как осмысливаются государственные интересы? Здесь заметно сходились суждения людей разных национальностей и социальных групп. И русские, и молдаване, и узбеки и люди других национальностей «болеют» общими государственными интересами, им дороги по существу одни и те же общественно-политические ценности. Не случайно в качестве общегосударственных проблем первостепенной важности у всех народов, среди которых проводилось исследование, выделялись из предложенного при опросе набора проблем в первую очередь примерно одни и те же: развитие оборонной мощи страны, идейное воспитание молодежи, укрепление дисциплины, борьба с буржуазной идеологией и уже вслед за этим — экономический прогресс всех наций и народностей, дальнейшее развитие демократии, вовлечение масс в управление (см. табл. 17).

Выбор таких ценностей, как развитие национальной культуры, прогресс наций и народностей, выявляет определенную иерархию интересов. Заметнее всего эти ценности выделяются у эстонцев, затем у грузин и, наконец, у молдаван и русских.

Анализ выделенных ценностей по социально-демографическим группам разных народов в какой-то мере позволяет судить об их динамике и исторических перспективах. Данные подтверждали, что если и наблюдались различия в сознании, то они скорее обуславливались не национальной принадлежностью, а социально-профессио-

нальной спецификой групп. Выбор общественных ценностей в какой-то мере был связан со средой и во многом зависел от профессии и образования. Единые по существу общественные ориентации советских людей имели известную специфику выражения у молодежи и стариков, людей разных занятий и общественного положения. Собственно, специфика жителей города и села в глобальных общественных ориентациях — оборона, дисциплина, инициатива и т. п. — также обуславливалась тем, что в этих средах доминирует разное по социально-профессиональному составу и образованию население. В городах, особенно в крупных, многочисленные высококвалифицированные группы людей физического труда (и тем более умственного) наряду с проблемами обороны, идейного воспитания молодежи, упрочения дисциплины относительно больше внимания (чем люди малоквалифицированного труда) уделяют развитию демократии, хозяйственной инициативы, вовлечению масс в управление. Совершенно очевидно, что с ростом образования и квалификации народов эти ценности — ориентация на развитие демократии и вовлечение масс в управление — могут оказаться достаточно перспективными. Об этом говорит сравнение социально-профессиональных групп населения и, наконец, повторные исследования, проведенные в ряде республик.

То, что по существу идентичное для людей разных национальностей осознание государственных проблем пер-

Т а б л и ц а 17. Государственные проблемы первостепенной важности (I, II, III), в % к числу ответивших

Республика	Проблемы*	Село	Город	
		коренная национальность	коренная национальность	русские
Грузинская	I	68	62	61
	II	18	19	22
	III	14	19	17
Молдавская	I	89	72	72
	II	3	14	14
	III	8	14	14

* Проблемы: I — укрепление оборонной мощи страны, укрепление дисциплины, идейное воспитание молодежи; II — развитие национальной культуры, борьба с шовинизмом и национализмом, экономический прогресс всех наций и народностей нашей страны; III — развитие демократии, экономической реформы и хозяйственной инициативы, вовлечение масс в управление, борьба с бюрократизмом.

востепенной важности варьирует в зависимости от социальной среды, можно видеть и по приведенным выше данным, и по материалам специальных исследований. Данные таблицы 17 показывают, что в городе относительно более выраженный по сравнению с селом выбор демократии, хозяйственной инициативы и вовлечения масс в управление. Эти же данные подтверждаются при сравнении отдельных поселений, что было сделано, например, в Молдавии. Не только в городах, но и в крупных сельских поселениях выбор этих ценностей несколько доминировал по сравнению с мелкими поселениями, составив 5% в мелких селах, 8% и 9% в крупных селах и мелких городах и 14% в крупных городах.

Особенности жителей города и деревни в общественных ориентациях по существу обусловлены тем, что в этих средах доминирует разное по образованию и социально-профессиональному уровню население. В городах многочисленны квалифицированные группы людей умственного и физического труда, которые наряду с вопросами обороны, идейного воспитания и дисциплины, естественно, относительно больше внимания уделяют и другим социальным проблемам (табл. 18, 19). Различия во многом детерминируются возрастом, занятиями, образованием.

Таблица 18. Государственные проблемы первостепенной важности (I, II, III) в представлениях городских молдаван*, в %

Возраст	I			II			III		
	Все население	в том числе		Все население	в том числе		Все население	в том числе	
		интеллигенция	рабочие		интеллигенция	рабочие		интеллигенция	рабочие
18—19	56			17			20		
20—24	64	51	65	16	18	15	16	22	17
25—29		нет сведений							
30—39	69	60	68	13	10	9	14,5	17	13
40—49	73	60	68	10	10	9	10	17	13
50 и старше	74	67	75	10	нет сведений	нет сведений	нет сведений	15	4

* Данные только по мужскому населению.

**Т а б л и ц а 19. Государственные проблемы первостепенной
важности (I, II, III) в представлении
интеллигенции Молдавской ССР, в %**

Группы интеллигенции	I	II	III
Научно-техническая	60	15	25
Научно-гуманитарная	36	33	31
Административная	59	21	20
Художественно-творческая	46	20	34
В том числе:			
русские			
научно-техническая	60	14	26
научно-гуманитарная	45	33	22
административная	68	20	12
художественно-творческая	42	23	35
молдаване			
научно-техническая	59	16	25
научно-гуманитарная	34	32	34
административная	55	19	26
художественно-творческая	50	16	34

Специфика в ориентациях профессиональных групп населения не нарушает их сущностного единства в понимании задач первостепенной важности, все они находятся в русле идеологии Коммунистической партии. Для некоторых групп населения культура, демократия и другие выборы уже не просто условия их жизни, а сама жизнь и основная форма их жизнедеятельности.

Исключительно важен вопрос о динамике общественных крупномасштабных ценностей: меняются ли они со временем, и если меняются, то как? Известное представление об этом могут дать и сравнение возрастных когорт, и в еще большей мере повторные (в социологии называемые «панельными») исследования. Проводимые в той же самой среде при абсолютно сходном инструментарии, они дают возможность строже судить о происходящих изменениях. Такая работа была проделана в ряде республик среди их городского, точнее, столичного населения. Эти материалы отразили заметную устойчивость выделенных нами общественных социально-культурных ценностей. Но уже по обобщенным сравнительным материалам Кишинева явствует, что за довольно длительный период, прошедший между двумя исследованиями (до 10 лет), оценка зафикс-

Т а б л и ц а 20. Государственные проблемы первостепенной важности (I, II, III) в представлениях русских и молдаван*, в %

Проблемы	Все население	20-24 года	30-39 лет	50-59 лет	Работники некавалифицир. физическ. труда	Работники квалифицир. труда индустриального профиля	Работники квалифицир. умственного труда
Молдаване (г. Кишинев)							
I	68,8	67,5	70,6	66,7	76,2	69,4	68,7
II-III	52,3	50,9	54,1	33,3	26,6	46,8	62,0
Пропорции выборов							
I и II-III	1,3:1	1,3:1	1,3:1	2:1	2,9:1	1,5:1	1,1:1
Русские (г. Саратов)							
I	71,5	61,3	73,5	73,0	78,4	65,8	67,6
II-III	40,2	56,1	31,9	32,9	35,2	41,0	44,1
Пропорции выборов							
I и II-III	1,8:1	1,1:1	2,2:1	2,2:1	2,2:1	1,6:1	1,5:1

* Данные приведены по результатам опросов начала 80-х годов.

сированных крупномасштабных социально-культурных проблем мало изменилась. По-прежнему наиболее значимыми считаются проблемы укрепления оборонной мощи страны, государственной дисциплины и идейного воспитания молодежи, получившие в 1971 и в 1981 г. около 70% выборов. Вовлечение масс в управление, борьба с бюрократизмом, развитие демократии и хозяйственной инициативы выделили 13% молдаван. Несколько возросла в сознании населения актуальность национальных проблем, фиксируемых интересом к «развитию национальной культуры», «борьбе с шовинизмом и национализмом», «экономическому прогрессу всех наций и народностей». Это явление общее: диапазон выборов в результате практически во всех исследуемых регионах несколько расширился. Сохраняя убежденность в исключительной значимости обороны страны, затем укрепления государственной дисциплины и других первостепенных в сознании наших народов ценностей, теперь все социально-демографические группы (в прошлом скорее интеллигенция и молодежь) стали больше уделять внимания национальной культуре и некоторым другим сходным ценностям. В результате дифференциация между ними по сравнению с прошлым (1971 г.) реально сгладилась (см. табл. 20).

Таким образом, социальное сознание народов, фиксируемое используемыми нами «большими ценностями» — оборона, государственная дисциплина, идейное воспитание молодежи, — в принципе устойчиво и стабильно.

Различия между демографическими и социально-профессиональными группами в этом отношении (хотя в какой-то мере и дают о себе знать) в целом по сравнению с прошлым все же стерты. Образование населения быстро растет, и по осознанию «проблем первостепенной важности» (судя по пропорциям выборов) разные возрастные группы теперь мало отличаются друг от друга. В целом система осознанных «масштабных» общественных ценностей мало поддается изменениям ввиду сущностной преемственности в стране общей социально-политической ситуации.

Осознание общности социально-культурных интересов, как уже отмечалось, выражено в разных масштабах и имеет соответственно как бы разное проявление. Естественно, люди всех национальностей и социальных групп не только чувствуют свою причастность к обще-

государственным делам и проблемам, но и разделяют интересы производственных коллективов, с которыми они связаны. В исследовании фиксировались и эти индикаторы. На всех этапах исследования специально задавался вопрос, цель которого состояла в выяснении, сознают ли и в какой мере люди разных национальностей и социальных групп свое влияние «на решение важных вопросов в коллективе». Вопрос был закрытый. Стремясь избежать стимулирования «престижных» ответов, т. е. опасности преувеличения реальной роли в управлении, исследователи предложили набор возможных ответов с отрицательным значением: «нет, не влияю», затем — «вливаю незначительно» и т. д. Тем не менее выяснилось, что большинство населения независимо от национальности хотя и в разной степени, но ощущают свою причастность к управлению коллективом, в котором работают. Немногочисленной оказалась группа тех, кто оценил, что «вливал значительно» (по разным социальным группам в пределах от 2 до 20%) (см. табл. 21). Степень влияния в первую очередь обуславливалась социально-культурным уровнем населения и весьма в малой степени зависела от типа социальной организации предприятия. Это образно отражают сравнительные материалы по городу и селу. Так, в деревне колхозно-кооперативная собственность, юридически открывшая для широких масс колхозников возможности коллективного управления предприятием (включая право выбора руководства), на практике никаких преимуществ не давала. Напротив, исследования показали, что, поскольку, в деревне по сравнению с городом преобладали по численности и удельному весу малоквалифицированные группы работников, их влияние в коллективе оказывалось гораздо менее значительным, чем в городе (в деревне не оказывали влияния от трети до половины работников, а в городе — в пределах $\frac{1}{5}$). Только влияние сельской интеллигенции на дела в коллективе в целом было ощутимее, чем городской, так как в сельской среде интеллигенция заметно выделяется образованием и общим профессиональным уровнем.

Таким образом, в городе и в деревне распределение, точнее, самооценка управленческих ролей в коллективе зависела в первую очередь от производственной культуры и квалификации социально-профессиональных групп. Люди неквалифицированные, как правило, почти не

**Т а б л и ц а 21. Оценка своего влияния в коллективе
людьми коренной национальности республик, в %**

Социально-профессиональная группа	Город		Село	
	влияют значитель- но	не влияют	влияют значитель- но	не влияют
Эстонская ССР				
Всего	6	12	6	40
В том числе:				
специалисты высшей ква- лификации	12	11	20	8
работники неквалифици- рованного физического труда	2	31	1	51
РСФСР				
Всего	10	26	6	49
В том числе:				
специалисты высшей ква- лификации	18	13	32	9
работники неквалифици- рованного физического труда	2	32	1	56
Узбекская ССР				
Всего	23	20,6	10	30
В том числе:				
специалисты высшей ква- лификации	26	9	33	17
работники неквалифици- рованного физического труда	3	26	5	38,5

ощущали своего участия в управлении, а из специали-
стов, напротив, лишь небольшая часть не чувствовала
своего влияния на дела коллектива (см. табл. 21).

Ощущение причастности к делам производственного
коллектива, связанное с квалификацией и образованием
работников, с ростом социально-профессионального уров-
ня населения, могло увеличиваться. Но наблюдаемые из-
менения оказались весьма скромными. В начале 80-х го-
дов, так же как и в 70-е годы, в тех регионах, где прово-
дились наши исследования, только половина работников
сколько-нибудь реально чувствовала свое влияние в де-
лах производственных коллективов (хотя бы «в опреде-
ленной мере»). Даже в Саратове, где за время между
исследованиями — основным и повторным — фиксирова-

лись самые существенные сдвиги (см. табл. 22), доля «не влияющих» и «влияющих незначительно» уменьшилась с 53 до 47%, влияющих «в определенной мере» увеличилась с 34 до 38%, «в значительной мере» или «определяющих решения» — с 13 до 16%. В начале 80-х годов доля оказывающих «определенное» или «более заметное» влияние в коллективах составила в столицах Грузии, Узбекистана, Молдавии 47, 48 и 55% коренных национальностей этих республик.

Почему так медленно происходят изменения в самооценке своего влияния в коллективе? Одна из причин — усложнение производства неодинаково влияет на участие людей разной квалификации в производственных процессах. Влияние с течением времени увеличивается у людей более образованных и профессионально подготовленных, у людей малоквалифицированного труда самооценка собственного влияния в коллективе, напротив, снижается. В одном случае сознание влияния растет, в другом — уменьшается. Это, конечно, не может не отразиться на итоговых данных по всем группам населения. Хотя между нациями в этом отношении почти не наблюдалось принципиальных различий, все же давали о себе знать некоторые национальные особенности в самооценках собственного влияния. У народов фигурировали как бы разные точки отсчета, связанные с историческим прошлым, например, в Узбекистане или Молдавии, несколько щедрее могли быть оценки собственного влияния.

Не случайно, что довольно распространенное и типичное для нынешнего времени ощущение необходимости повышения заинтересованности в результатах труда и его стимулировании все же неодинаково выражено в разных национальных регионах. Характерна в этом смысле оценка значимости повышения инициативы и дисциплины среди руководителей высшего звена, в наибольшей мере ощущающих потребность в использовании социальных рычагов развития экономики. Среди руководителей-эстонцев в городе необходимость использования таких социальных стимулов управления, как усиление инициативы и укрепление дисциплины, оценены одинаково — по 30—35% выборов, среди грузин выборы дисциплины в 2—2,5 раза преобладали по сравнению с выборами инициативы, а у молдаван и узбеков была практически выражена потребность только в дисциплине. Та-

**Таблица 22. Распределение населения г. Саратова
по степени влияния в коллективе, в %**

Само- оценка Годы	Все население		Работники неквалифицированного физического труда		Работники квалифицированного труда индустриального профиля		Работники квалифицированного умственного труда	
	70-е	80-е	70-е	80-е	70-е	80-е	70-е	80-е
Не влияют	33	25	67	72	30	22	16	15
Влияют незначительно	20	22	17	12	24	29	23	18
Влияют в определенной мере	34	38	13	16	36	36	41	47
Влияют значительно	13	15	3	0	10	13	20	20

ким образом, осознание оптимизации производственной культуры, общая для всех народов потребность в инициативе и дисциплине выражены представителями разных наций неадекватно, что обусловлено в какой-то мере и историческим прошлым.

Разумеется, эти тенденции не влияют на основной вывод об общности социальных интересов советских народов. Различные акценты, условно говоря, выявляются несколько на общегосударственном и производственном уровнях. То же самое, даже в большей мере, касается, естественно, и индивидуальных, личностных, социальных интересов — исключительно важного индикатора социально-культурного облика населения.

Для чего необходимо удовлетворение зафиксированных общественных или производственных интересов? По-видимому, чтобы создавались объективные условия для максимального удовлетворения личностных потребностей. Каковы они? Что необходимо, чтобы чувствовать себя счастливым, «хорошо жить»? Общественные, групповые и личные интересы, конечно, органически взаимосвязаны. Но осознание их взаимосвязи зависит от структуры личности, от степени отражения в сознании общественных и локальных — местных, групповых и личностных — интересов. Как сочетается осознание общности

интересов общества в целом с интересами трудовых коллективов и индивидуальными потребностями или личностными интересами?

Если исходить из принятой в литературе трехзвенной системы элементов, или стимулов, индивидуального сознания — влечений, затем симпатий или антипатий, утилитарных интересов и, наконец, идейных, общественных ориентаций и интересов, — то понятно, что обратная связь между общественными, локальными, групповыми и личностными интересами, т. е. от общественного к групповому и личностному, усиливается с развитием личности, иначе говоря, реальное поведение с развитием личности определяется и подчиняется во все большей мере общественным интересам, которые затем во всевозрастающей и даже решающей степени подчиняют частные, в том числе локально-групповые и личностные, интересы.

Структура социальной значимости личностных интересов определялась нами системой закрытых и открытых вопросов, как бы выясняющих представление о слагаемых «счастья» и «хорошей жизни». Материалы обнаружили между людьми разных национальностей заметное сходство в понимании значения этих ценностей в структуре личностных интересов. У всех народов — эстонцев, русских, узбеков, молдаван, украинцев, евреев и людей других национальностей — наиболее весомой ценностью из номенклатуры перечисленных при опросе оказалась «семья», затем в разном порядке располагались работа, уважение людей, материальный достаток и, наконец, в подавляющем большинстве случаев вслед за перечисленным — спокойная жизнь или условия для творчества. Если «семья» была доминирующей ценностью среди людей всех национальностей и занятий, причем как в городе, так и в деревне, то такой фактор, как «интересная работа», оценивался весьма неодинаково, варьируя в зависимости от социальной среды, социально-профессионального статуса и национальности человека. В деревне, где профессиональная структура населения по сравнению с городом менее дифференцирована, ценность интересной работы была ниже, чем в городе. Даже в Эстонии, такой урбанизированной, индустриально-аграрной республике, интересную работу считали обязательным условием хорошей жизни $\frac{2}{3}$ горожан и меньше половины сельских жителей (44%).

Своеобразие выборов сельских жителей во многом объясняется доминированием среди них по сравнению с городом людей с невысоким образованием и квалификацией, для которых сама работа нередко является не столько самоцелью, сколько условием материального благополучия. В целом же как в городе, так и в деревне с течением времени наблюдалось практически одинаковое для всех национальностей последовательное расширение диапазона вопросов, как бы составных частей «хорошей жизни». С ростом образования, с улучшением культурно-бытовых условий люди в большей мере ощущают необходимость не только в интересной работе, но и в творчестве.

Как конкретно проявлялась в структуре личностных интересов их национальная специфика? При принципиальном сходстве у разных народов здесь все же четко обнаруживалось своеобразие. Различия в структуре ценностей личной жизни бросались в глаза при сравнении коренных наций, условно говоря, европейских и азиатских регионов страны. В чем эти народы, как и все другие, безусловно и абсолютно сходились — это в выборе семьи как преобладающей и даже сравнительно доминирующей среди других ценностей личной жизни. А далее выявлялись довольно заметные различия: во-первых, в самой иерархии ценностей, т. е. в их очередности по значению; во-вторых, что, пожалуй, даже существеннее, в их взаимных сочетаниях. Практически как результат того и другого в «западных» и «восточных» национальных регионах по существу представлены разные типы личностных ценностных ориентаций. На «западе», по материалам исследования в Эстонии, РСФСР, частично в Молдавии, в самом массовом наборе ценностей примерно в сходной последовательности вслед за семьей близко друг от друга располагались «интересная работа» и «материальный достаток», а также «уважение окружающих». Каждая из этих ценностей, расположенных вместе по существу в едином блоке, получила до 70—80% выборов. В отличие от этих массовых ценностей выборы «спокойной жизни» и «условий для творчества» оказались сравнительно малочисленными, получив, например, у русских по 21—25% голосов каждая.

Причем эти выборы в отличие от основных, массовых выборов у русских и у других европейских народов были не просто малочисленны, но, главное, слабо сочетались

друг с другом. Если основные ценности — «семья», «интересная работа», «материальный достаток» и «уважение окружающих» — как бы дополняли друг друга, то такие ценности, как «спокойная жизнь» и «условия для творчества», как бы друг друга исключали. Среди русских эти две ценности в подавляющем большинстве случаев сочетались полностью или частично с основным набором ценностей и довольно редко друг с другом (в пределах 2—3 случаев из 10).

В известной мере альтернативный для русских характер ценностей «спокойная жизнь» и «условия для творчества» отразился не только в относительно редкой частоте их совместных выборов, но также и в очередности и порядке их сочетаний с основным набором ценностей. У тех среди них, кто был преимущественно ориентирован на «спокойную жизнь», по частоте выборов «семья» сочеталась с «материальным достатком», а у ориентированных на «условия для творчества» преимущественный выбор получила «интересная работа», а «материальный достаток» занимал одно из последних мест.

Среди русских по существу выделялись три разных типа ценностных ориентаций: основная — практически полный набор доминирующих массовых ценностей, затем — своеобразное сочетание основного набора ценностей преимущественно со «спокойной жизнью» или «условиями для творчества».

Среди узбеков, как бы представляющих в исследовании нации азиатского региона, картина социально-психологических ориентаций выглядела несколько иначе. Признаком, дифференцирующим, условно говоря, европейский и азиатский типы ценностей, была ориентация на «спокойную жизнь». В отличие от русских «спокойная жизнь», получив у узбеков больше выборов, вошла в основной набор ценностей. Относительной избирательностью (и соответственно малочисленностью) отличались лишь те, кто предпочел «условия для творчества».

Таким образом, если у «западных» народов кроме стереотипного набора ценностей присутствовали два полярных, но в известной мере исключających друг друга — «спокойная жизнь» и «условия для творчества», то у узбеков, для которых «спокойная жизнь» была стереотипом, речь могла идти не о двух, а только об одном, дополнительном к основному набору ценностей, обозначен-

ном преимущественным выбором «условий для творчества».

Чрезвычайно важен вопрос, сочетаются ли ценности личной жизни, и если сочетаются, то в какой мере, с социально-демографическими признаками и реальным поведением. Анализ показывает, что перечисленные жизненные ценности согласуются с комплексом демографических и социально-культурных характеристик людей разных национальностей, т. е. речь каждый раз идет не просто о «чистых» ориентациях народов, а об их реальных чертах и поведении (см. табл. 23).

Действительно, основному, стереотипному набору ценностей каждый раз соответствуют социально-демографические характеристики, типичные для всей нации. В отличие от этого сравнительно «избирателен» набор ценностей с доминантой «условия для творчества». И в Узбекистане, и в РСФСР, и в Эстонии среди людей коренных национальностей этот выбор оказался характерен для сравнительно малочисленной социально-демографической группы, представленной преимущественно молодежью и людьми относительно образованными, квалифицированными и культурными. У «европейских» народов этой творческой группе по своим социально-демографическим чертам полярна группа, ориентированная на «спокойную жизнь». В то же время у узбеков «спокойная жизнь» входила в основной набор ценностей и соответственно сочеталась с их массовыми социально-демографическими характеристиками.

Возникает вопрос: насколько органичны и устойчивы эти национально-региональные различия в ценностных ориентациях и связанных с ними социально-демографических характеристиках? Конкретные материалы уже и раньше давали возможность судить об этом. При анализе их было очевидно, что даже среди узбеков традиционная структура ценностей с течением времени будет преобразована. У узбеков среди высококвалифицированных работников умственного труда в городах структура первостепенных ценностей личной жизни существенно была осовременена. Соответственно ценность «спокойной жизни» отодвигалась на задний план, «интересная работа», напротив, занимает ведущее место, как уже сейчас и у русских, и у эстонцев. Повторные исследования, проведенные в начале 80-х годов, подтвердили этот вывод.

Т а б л и ц а 23. Социально-демографическая характеристика населения городов с разными ценностными ориентациями, в %

Социально-демографическая характеристика	РСФСР (Саратовская область)				Узбекская ССР		
	В составе всего взрослого населения	В составе групп с преобладающей ориентацией на			В составе всего взрослого населения	В составе групп с преобладающей ориентацией на	
		семью, интеллектуальную работу, уважение, материальный достаток	спокойную жизнь	условия для творчества			
Молодежь (до 30 лет)	30	30—34	25	40	39	35—38	47
Интеллигенция	16,5	16—19	4	34	25	24—31	38
Неквалифицированные работники физического труда	19	14—18	28	8	26	18—26	17
Лица с высшим образованием	18	16—20	5	38	27	26—33	41
Постоянно читающие художественную литературу	47	45—49	39	62	31	28—34	41

Расширение социальных ориентаций — явление общее для людей всех национальностей. Исторически разные отправные точки у народов, но их направления в принципе сходные. Временные изменения в структуре запросов и ориентаций каждого народа четко отражаются в структуре запросов различных возрастных групп.

Если старики довольствуются в основном хорошей семьей, затем материальным достатком и лишь в какой-то мере работой, то для молодежи, в целом сохраняющей ценность семьи, относительно возрастают запросы к интересной работе и творчеству. Общее представление о возрастных особенностях социальных ценностей можно получить по выборам, в частности, горожан-молдаван, что весьма типично для возрастных групп людей и других национальностей (см. табл. 24).

Профессиональная обусловленность жизненных идеалов еще более значима, чем «демографическая», т. е. выборы больше зависят от занятий, чем от возраста и пола. К примеру, среди городских молдаван «условия для творчества» как первостепенную жизненную ценность выделили 20% работников торговли и сферы обслуживания, 30% — промышленности, 38% — учреждений, а в техникумах и вузах — до половины студенчества. Особенно резко выделяются ориентации на «интересную работу» и «условия для творчества» у наиболее квалифицированных групп интеллигенции, независимо от национальности, т. е. в равной мере у каждой из них. Для этих групп интеллигентов главное в личной жизни — не столько даже семья, сколько интересная работа и условия для творчества. Доминирующими ориентациями такого рода отличается художественно-творческая и научно-гуманитарная интеллигенция. Творчество, как первостепенная жизненная ценность личной жизни, по группам интеллигенции у горожан-молдаван возрастает следующим образом: это первостепенная ценность для 44% административной интеллигенции, 67% — для научной, научно-технической, 70—85% — для научно-гуманитарной и творческой. В обратной пропорции меняется ценность семьи: 90% — у административной интеллигенции, 83% — у научно-технической, 79% — у научно-гуманитарной и 69% — у творческой. Таким образом, по сравнению с выборами горожан в целом, не говоря уже о сельских жителях, жизненные идеалы высококвалифицированных групп сильно трансформируются. Ориентации на творче-

Таблица 24. Первостепенные ценности личной жизни по возрастным группам выборов горожан-молдаван, в %

Возраст	Выборы					
	Семья	Интересная работа	Материальный достаток	Условия для творчества	Уважение людей	Спокойная жизнь
18—19	65	73	39	39	67	17
20—24	76	75	49	45	59	18
25—29	81	73	56	41	66	19
30—39	86	69	57	29	80	23
40—49	84	71	55	28	62	27
50—59	82	69	54	27	57	30
60 и старше	79	52	54	22	55	31

ство, как и на интересную работу, для них главное в жизни, даже семья отступает на задний план. Трансформация в жизненных идеалах вызвана не только и часто не столько особенностями социальной природы, сколько социальной ситуацией. Художественно-творческая и научно-гуманитарная интеллигенция — сравнительно обеспеченные группы, и условия для творчества определяют их образ жизни в целом, являются ее сущностью.

По различиям в ценностных ориентациях у людей с разным образованием и квалификацией можно судить не только о нашей действительности, но в какой-то мере и о перспективах. Образование людей квалифицированного труда говорит о возможностях социального сознания и известной трансформации в недалеком будущем системы доминирующих ценностей.

Еще надежнее для такого анализа «временные сравнения». И сейчас, когда по некоторым городам наши исследования повторены с интервалом до 10 лет, появилась возможность в этом плане вывести относительно более определенные суждения. Судя по этим данным, у всех исследуемых народов (грузин, молдаван, узбеков, русских) прочно удерживается первостепенная ценность семьи. Вслед за тем безусловно утверждается доминирующее значение «интересной работы» и «уважения людей», а ценность «материального достатка» перемещается уже в систему относительно менее существенных ценностей. У русских (в Саратове) в 70-е годы «матери-

альный достаток», «обеспеченная жизнь» получили почти такие же выборы (73%), как «семья» (83%) и «интересная работа» (78%). Сейчас критерий «материальный достаток» отстал почти в 2 раза от «семьи», а от «интересной работы» — более чем в 1,5 раза. У всех народов, среди которых проводились исследования, теперь «материальный достаток», по-видимому, относительно мало престижен. Эта ценность (среди зафиксированных) стала занимать одно из последних мест, а у грузин чуть ли не последнее (в какой-то мере такой выбор связан здесь с особенностями национальной психологии — признавать значение материального достатка унижительно). Главное заключается в том, что объективная ситуация — рост материального благосостояния народов — снимает былую остроту этой проблемы.

Но как бы ни трансформировались выборы, ориентации, интересы, суть всегда остается неизменной. Система личностных интересов всегда соответствует сознаваемым (осозанным) общественным, что подтверждает монолитность духовных основ образа жизни советских народов. Личностные интересы по существу являются лишь средством реализации в принципе одинаково понятых и интерпретируемых общественных интересов. Для «культуры», «обороны», «развития народов» нужно «творчество», «работа», «семья», а со своей стороны «творчеству» и «семье» нужны культура и мир. Принципиальное единство и гармоническое сочетание социальных интересов — общественных, групповых, коллективных и личностных (индивидуальных) — в сознании людей разных национальностей и разных социальных групп отражают их общественное мировоззрение, имеющее единую основу и формирующееся под влиянием однородных идеологических стимулов, социальных факторов и интересов.

Проведенные исследования дают возможность представить не только структуру социально-культурных интересов, но в какой-то мере и степень их реализации, точнее, чувство удовлетворенности или неудовлетворенности реализацией некоторых из них. Об этом позволила судить целая система вопросов, фиксирующая удовлетворенность работой, культурно-бытовыми условиями и, наконец, жизнью в целом (см. табл. 25). Данные очень выразительны. На их основании можно утверждать, что подавляющее большинство людей различных национальностей, зафиксированных в исследовании, удовлетво-

Таблица 25. Оценка культурно-бытовых изменений коренными национальностями по республикам, в %

Республика	Городское население				Сельское население			
	Удовлетворены		Положительная оценка изменений жизни*		Удовлетворены		Положительная оценка изменений жизни*	
	работой	культурно-бытовыми условиями	3	4	работой	культурно-бытовыми условиями	5	6
1	2	3	4	5	6	7		
РСФСР								
Все население	59	49	75	56	39	75		
В том числе работники:								
неквалифицированного физического труда	38	60	62	41	43	72		
высококвалифицированного физического труда	67	51	76	65	31	73		
высококвалифицированного умственного труда	57	38	78	87	33	83		
Узбекская ССР								
Все население	62,5	78	81	75	63,5	86		
В том числе работники:								
неквалифицированного физического труда	37	79	76	66	64	85		
высококвалифицированного физического труда	87	75	84	91	56	86		
высококвалифицированного умственного труда	71	76	87	94	51	85		
Эстонская ССР								
Все население	47	45	66	58	52	85		
В том числе работники:								
неквалифицированного физического труда	32,5	60	65	42	60	82		
высококвалифицированного физического труда	64	43	70	69	47	83		
высококвалифицированного умственного труда	40	37	65	64	42	87		

* По ответу на вопрос: «Становится ли жизнь лучше с течением времени?»

ны реализацией учтенных при анализе первостепенных ценностей их личной жизни. В то же время они свидетельствуют о сложном сочетании объективных и субъективных начал и посылок в оценке происходящих социальных изменений. Обращает на себя внимание, что, за небольшим исключением, оценки сельского населения такие же, как городского и даже оптимистичнее. Объясняется это высокими темпами социального и культурного развития села, продиктованными программным в стране социально-политическим курсом ликвидации существенных различий между городом и деревней. Объективное основание имеют относительно более высокие оценки происходящих изменений людьми высококвалифицированного физического труда, особенно в городе. С другой стороны, также объективно объяснима меньшая удовлетворенность работой людей, занятых неквалифицированным физическим трудом, нередко чувствующих теперь «ножницы» между своим образованием и занятием. Заметно выражена и субъективная окраска в оценке происходящих изменений. Именно поэтому и в работе, и в культурно-бытовых условиях среди городского и сельского населения в целом и по всем социально-профессиональным группам в отдельности наблюдается последовательный рост оценок происходящих изменений («с запада на восток»). Не случайно в городах Эстонии удовлетворены работой среди коренной национальности 47%, в РСФСР — 59, в Узбекистане — 63%; культурно-бытовыми условиями — соответственно 45, 49 и 78%. В целом положительно оценивают изменения в жизни 66% горожан в Эстонии, 75% — в РСФСР и 86% — в Узбекистане. Среди сельского населения разных национальностей оценки ровнее, хотя некоторое преобладание положительных оценок и здесь заметнее среди узбекского населения, в особенности в разрезе социально-профессиональных групп. Рост положительных оценок условно («с запада на восток») нельзя свести к объективной ситуации или к объективному положению. И по разнообразным статистическим оценкам, и по мнению наблюдателей-очевидцев коренное население в городах Эстонии, конечно, не отстает от людей других национальностей ни в интенсивности культурно-бытовой жизни, ни в материальном обеспечении. А в расчете на душу населения эстонцы, семьи которых малочисленны, материально обеспечены лучше, чем узбеки или русские. Культурная

жизнь в Эстонии протекает интенсивнее как среди городского, так и сельского населения: ведь горожане и сельские жители проживают здесь по существу в единой агломерации, что по стране в целом пока не так распространено. Субъективная доминанта особенно зрима в оценке культурно-бытовых условий. По приведенным данным, результат кажется парадоксальным: чем интенсивнее культурно-бытовая жизнь, тем сдержаннее ее оценка. Так, среди и эстонцев, и русских, доля удовлетворенных культурно-бытовыми условиями снижается с ростом квалификации. Среди людей, занятых неквалифицированным физическим трудом, 60% удовлетворенных, среди занятых высококвалифицированным физическим трудом — 43—51%, высококвалифицированным умственным — 37—38%. Но эти «странности» вполне объяснимы. Результаты понятны, если иметь в виду, что удовлетворенность не может не носить субъективного характера. Спрос на условия культурно-бытовой жизни у различных людей разный, поэтому и субъективная оценка этих условий отличается, что, собственно, и объясняет преобладание положительных оценок на «востоке» по сравнению с «западом». На «востоке» — иные рубежи: общество, перешагнувшее целую стадию социального развития, сильнее ощущает динамические изменения во всех сферах социальной жизни, не исключая, конечно, и культурную. Именно социальное прошлое отражается на социальной действительности и обуславливает особенности в единых по существу оценках людей разных национальностей.

С течением времени культурно-бытовые условия повсеместно улучшаются. Но запросы и ожидания населения растут, как правило, еще быстрее. В результате оценки работы и культурно-бытовых условий становятся даже сдержаннее, чем в прошлом. В Саратове, например, при повторном исследовании выяснилось, что примерно за 10 лет доля не вполне удовлетворенных или вообще не удовлетворенных работой в городе увеличилась с 15 до 25%, а культурно-бытовыми условиями — с 49 до 61%. Кривая в оценках работы, быта и культуры по регионам осталась прежней. Оценки на «западе» гораздо сдержаннее, чем на «востоке». В Ташкенте удовлетворены работой 92% людей коренной национальности, в Тбилиси, Саратове, Кишиневе — 72%. Еще сильнее отличаются по национальным регионам оценки куль-

турно-бытовых условий. В Ташкенте ими удовлетворено 76% людей коренной национальности, в Кишиневе и Саратове — 41—46, а в Тбилиси — только 27%. Такие довольно субъективные оценки существенно расходятся с объективной ситуацией.

Достигнутое единство социально-культурной жизни не снимает, таким образом, национального своеобразия, объяснимого спецификой исторического прошлого разных народов, причем в разных сферах социально-культурной жизни эта национальная специфика выражена по-разному. Заметнее, как известно, проявляется она в сравнительно интимной и не поддающейся прямому внешнему влиянию бытовой, или, точнее, семейно-бытовой, сфере культурной жизни и в межличностном общении.

2. ОБЩНОСТЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ АТМОСФЕРЫ И ИСТОРИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА СИТУАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНТАКТОВ В РЕСПУБЛИКАХ

В многонациональном советском обществе культура каждого народа развивается не только за счет собственного, накопленного в ходе истории опыта, но и процесса освоения достижений других народов нашей страны и мировой цивилизации в целом. Обмен информацией в современном мире чрезвычайно расширяется и интенсифицируется. Механизм распространения культуры, в том числе инонациональной, через государственные учреждения специально освещался в гл. второй. В связи с рассмотрением сферы общественного сознания, обращаясь к личностному уровню восприятия информации, важно специально остановиться на тех факторах идеологического и психологического характера, которые облегчают, а точнее, содействуют межнациональной трансмиссии культуры.

Исторический опыт советских народов представляет собой своего рода уникальное явление. В стране обмен научных и технических знаний стимулируется государством. Развивая контакты народов, КПСС и Советское правительство считают важной частью своей политики осуществление межнационального обмена высокохудожественной культурой.

жественными культурными ценностями, отвечающими идеологическим и моральным нормам, соответствующим социалистическому образу жизни. Межкультурный обмен осуществляется самым широким фронтом — от науки, производства до прогрессивных черт нравственной культуры.

Идеология дружбы народов, являясь составной частью господствующей системы взглядов, пропагандируется и реализуется на всем протяжении истории Советского государства. В принятой XXVII съездом КПСС новой редакции Программы КПСС формула дружбы народов раскрывается не только на уровне отношений между народами, она включает и уровень отношений между людьми разных национальностей, их мировоззрения и чувств³, т. е. их психологии. В Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду партии говорится: «Идущая от Ленина традиция нашей партии — особая чуткость и осознанность во всем, что касается национальной политики, затрагивает интересы каждой нации и народности, национальные чувства людей...»⁴ Попытаемся рассмотреть, как же взаимодействуют идеологические и психологические факторы с объективными процессами развития и интернационализации культуры советских народов.

При единстве идеологии и принципиальном сходстве в культуре советские люди не теряли ощущения своей национальной принадлежности, связывая с ней определенные культурные, бытовые и психологические особенности. ЦК КПСС неоднократно обращал внимание на необходимость учитывать эти культурные, языковые и психологические особенности людей разных национальностей, а также закономерный, обусловленный экономическим и культурным развитием народов рост национального самосознания и национальной гордости⁵. Государство нацеливает на реализацию своей национальной политики не только на межреспубликанском, но и на личностном уровне. Именно личностный уровень национальных отношений находится в центре внимания наших исследований, хотя и рассматривается в тесной связи с национальными отношениями между народами в целом.

Сохранение национально-культурных, в том числе языковых, а также психологических, особенностей (о чем говорилось в предыдущих разделах книги) означает, что во время контактов люди способны ощущать свою на-

циональную идентификацию, некоторую специфику: в культуре, межличностном поведении, нормах взаимоотношений. Следовательно, в обществе остается задача формирования культуры межнационального общения, уважения к национальному достоинству каждого человека⁶. Это необходимо для обеспечения не только гуманных отношений между людьми разных национальностей, но и гармонического взаимодействия культур, носителями которых они являются.

С психологическими аспектами национальных отношений, т. е. настроениями и желаниями, мотивами поведения, взглядами и поступками людей, связано в немалой мере взаимодействие культур, так же как и функционирование самих национальных особенностей в культуре каждого народа. Сразу поясним, что мы вкладываем в понятие «межличностные национальные отношения» более широкий и отличающийся смысл по сравнению с межнациональным общением и межнациональными контактами. Контакты, как известно, могут быть непосредственные и опосредованные — через литературу, средства массовой информации, кино, переписку и т. п. То же можно отнести и к общению, но все же обычно под общением имеется в виду непосредственная связь. В социальной психологии общение трактуется как форма и способ связи между людьми. Отношение — понятие более широкое, и оно характеризует содержание, а не форму. В общении выражается отношение человека к ценностям культуры, истории своего народа и других этносов, так же как и к людям других национальностей. Отношение, характеризующееся различной активностью, избирательностью, положительным или отрицательным характером, складывается у людей и тогда, когда непосредственных контактов, общения нет.

Все эти обстоятельства учитывались при изучении психологических аспектов национальных отношений и взаимосвязи их с развитием и сближением культур народов. Программой исследования предусматривалось изучение общественного мнения по вопросам развития наций в СССР, отношения людей разного возраста и социального положения к межнациональным контактам (межнациональные установки), национальных авторитетов и гетеростереотипов (обыденные стереотипные представления о других народах), степени актуализации национальных интересов и интересов, общих для всего

советского народа, а также масштабов реального межнационального общения на производстве и в быту.

В исследовании мы исходили из того, что интернационализм, как совокупность интернационалистских взглядов людей, установок, ориентаций, моральных, нравственных норм межнационального общения, является составной частью системы политических идей, исходящих из признания приоритета классовых интересов над национальными, равенства всех наций и народностей, их взаимопомощи, дружбы народов, соответствующей практики отношений, поступков.

Сеть просвещения, средства массовой информации, общественное мнение в трудовых коллективах ориентируют поведение людей в межнациональном общении. Однако возможности, которые открывает социализм в развитии дружественных межнациональных отношений, не всегда могут полностью адекватно реализовываться на уровне каждой личности.

Долгое время в нашей обществоведческой литературе было проявление национальной узости, обособленности квалифицировались как пережитки прошлого. Но жизненная практика сталкивает нас с обостренным, подчас преувеличенным вниманием к национальным интересам у людей, не знавших ни национального угнетения и былой дискриминации, ни социально-экономического неравенства народов. Надо сказать, что и сами неблагоприятные межнациональные установки, и повышенная национальная гордость у советских людей еще не означают, как правило, национализма. Общеизвестно, что национализм включает систему идей: признание не только особенностей, но и избранности своей нации, ее особой исторической миссии, противопоставление другим нациям, чрезмерное подчеркивание ценностей своей нации, иррациональность аргументации превосходства своей нации над другими, систему установок, отражающую нетерпимость к другим нациям, нежелание общаться с ними, эксклюзивизм — стремление не смешиваться с другими народами, соответствующие этим идеям и установкам поступки. Но отсутствие национализма и шовинизма как целостной системы политических взглядов и поступков среди широких масс населения не означает, что национальные предубеждения, национальная узость, неверные мнения или недостойное поведение в сфере межнациональных отношений вообще не проявляются.

На съездах партии неоднократно подчеркивалась необходимость последовательной борьбы с проявлениями национализма и шовинизма. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии отмечалось, что в традициях нашей партии «принципиальная борьба против проявлений национальной ограниченности и кичливости, национализма и шовинизма, в какие бы одежды они ни рядились»⁷.

Характер межнациональных отношений зависит от сложного комплекса объективных и субъективных факторов — экономических, политических, социальных, культурных условий, от исторических традиций и непосредственного опыта общения. Взаимодействие всех факторов в каждый исторический период определяет конкретную ситуацию, в которой складываются отношения в каждом регионе. Результаты этносоциологических исследований, ведущихся уже около двух десятилетий в нашей стране, а также зарубежные исследования убеждают, что при всей значимости конкретной обстановки межэтнических взаимодействий в той или другой местности, в городах и селах, в различной социально-профессиональной и этнической среде характер национальных отношений зависит прежде всего от общественной системы в целом.

Одинаковые возможности участия в политической жизни, гарантия работы, равная оплата за равный труд, отсутствие социальных антагонизмов, политика государства, направленная на обеспечение фактического равенства наций, на сплочение народов вокруг единых целей и задач, определяют общую атмосферу межнациональных отношений во всех районах страны.

Если экономические и социальные факторы являлись объективной основой развития межнациональных отношений, то организаторская и воспитательная деятельность партии, направленная на укрепление дружбы народов, выступает субъективным фактором, используемым для управления ими.

Межнациональные отношения в обществе существенным образом определяются господствующей идеологией. Марксистско-ленинская идеология, включающая интернационализм как необходимое звено, пронизывает содержание школьных и вузовских учебников, художественных произведений, всю пропагандистскую деятельность, активно воздействует на мировоззрение людей, их мораль и нормы поведения.

Работе Коммунистической партии по интернационалистскому воспитанию трудящихся, ее формам и методам посвящена довольно обширная литература⁸. Охарактеризуем лишь главные направления идеологической информации, которая призвана формировать общественное мнение и поведение людей в сфере национальных взаимодействий.

Общая идеологическая обстановка в стране определяется прежде всего ориентацией, которая давалась на съездах Коммунистической партии Советского Союза. Наше исследование начиналось в начале 70-х годов, когда взгляды людей формировались под непосредственным воздействием XXIV и XXV съездов КПСС. На XXIV съезде Коммунистической партии (1971 г.) было акцентировано внимание на том, что «за годы социалистического строительства в нашей стране возникла новая историческая общность людей — советский народ»⁹. Осмыслить значение этого вывода можно на фоне предшествовавшего исторического развития. Как известно, с середины 50-х годов на основе изменившихся экономических и политических условий в стране, социального и культурного роста наций были расширены инициатива и права республик. Партия исходила из указания В. И. Ленина о том, что «только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие...», что социализм не только не уничтожает национальные различия и особенности, но и обеспечивает всестороннее развитие экономики и культуры всех наций и народностей¹⁰.

Развернувшееся культурное и хозяйственное строительство, дальнейшее развитие демократии, расширение прав республик¹¹ давали объективную основу для роста национального самосознания, национальной гордости. Это находило выражение в литературе, в пропаганде успехов в развитии наций. Однако проявились и негативные тенденции «к созданию замкнутого хозяйства в республиках, к автаркии... Национальная ограниченность кое-где дает о себе знать и в области литературы, искусства, исторической науки»¹². Партия предупреждала об опасности таких тенденций. На XXII съезде КПСС в связи с констатацией в Программе партии того, что современный этап в развитии национальных отношений в Советском Союзе характеризуется сближением наций, подчеркивалось, что «долг коммунистов — предотвра-

щать и решительно пресекать любые проявления шовинизма, национального эгоизма и ограниченности, стремления к автаркии, местничеству»¹³. Национальная политика КПСС характеризовалась как политика развития и сближения наций.

В идеологической работе внимание акцентировалось на общности в жизни советских народов, единстве их интересов, на процессе сближения наций, на вопросах укрепления связей между республиками в области экономики и культуры, на значении межреспубликанского обмена кадрами, духовными ценностями. В этой связи вывод XXIV съезда КПСС о новой социальной и международной общности в нашей стране — советском народе акцентировал внимание людей всех национальностей на единстве идеологии, политических целей, экономических и социально-культурных интересов¹⁴. А на XXV съезде в Отчетном докладе ЦК КПСС одним из завоеваний советского народа за 60-летний путь был назван советский образ жизни — единый в своих характерных чертах для всех народов страны, и дружба народов отмечена как одна из ярких граней советского образа жизни¹⁵.

Партийные съезды, направляя всю идеологическую работу партии и других общественных организаций, определяли общий идеологический климат в стране. В национальной политике и формировании взглядов в сфере национальных отношений в 70-е годы принципиальное значение имели идеологические установки Коммунистической партии, данные во время празднования 50-летия Союза ССР. Успехи в решении в нашей стране национального вопроса, каким он нам достался от дореволюционного прошлого, были поставлены вровень с такими достижениями социализма, как индустриализация, коллективизация и культурная революция. Дружба народов была названа бесценным достоянием, одним из самых значительных и самых дорогих сердцу каждого советского человека завоеваний социализма¹⁶. Вместе с тем было подчеркнуто, что национальные отношения — это реальность, которая постоянно развивается, выдвигая новые проблемы и задачи. Одной из таких задач регулирования национальных отношений на личностном уровне была борьба с национальными предрассудками. Наряду с пропагандой успехов и достижений в решении национальных проблем внимание сосредоточивалось на

тех сложных явлениях и моментах, которые требовали усилий для своего решения.

Такой подход сохранился и в период подготовки XXVI съезда партии. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду был, как известно, выделен специальный раздел, посвященный национальным отношениям, что уже означало внимание к национальным интересам и укреплению единства народов. Было подчеркнуто, что само развитие наций рождает новые проблемы, требующие решения, в том числе речь шла о национальных аспектах решения проблем трудовых ресурсов. Новым аспектом в национальной политике явилось специальное обращение к республиканским организациям о необходимости учета культурно-бытовых интересов лиц некоренных национальностей и их должном представительстве в органах власти. Подчеркнув значение дружбы народов, партия призывала вести борьбу с любыми проявлениями национализма, шовинизма, сионизма и антисемитизма¹⁷.

Конкретные указания по совершенствованию интернационального воспитания в 70-е годы давались Центральным Комитетом КПСС в постановлениях: «О политической работе среди населения Львовской области» от 7 октября 1971 г., «Об организаторской и политической работе Тбилисского горкома Компартии Грузии по выполнению решений XXIV съезда КПСС» от 22 февраля 1972 г., «О марксистско-ленинской учебе и экономическом образовании руководящих кадров в Ташкентской городской партийной организации» от 8 августа 1972 г., «О работе по подбору и воспитанию идеологических кадров в партийной организации Белоруссии» от 28 августа 1974 г., «О ходе выполнения партийной организацией Грузии постановления ЦК КПСС об организаторской и политической работе Тбилисского горкома партии» от 24 июня 1976 г., «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» от 26 апреля 1979 г.¹⁸

ЦК КПСС нацеливал на необходимость учитывать в идеологической работе историческое прошлое народов и современные особенности обстановки в том или другом районе, специфику работы в социальных группах, в том числе в коллективах научной и творческой интеллигенции, где особенно важно было не отступать от принципа партийности в освещении исторического прошлого, не допускать идеализации патриархальщины, проявления

аполитичности, националистических взглядов...¹⁹ Критика этих явлений шла одновременно с осуждением вредных наслоений в национальных традициях.

Июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС, отметив в своих решениях национальную многовариантность нашей жизни, подтвердил необходимость реального знания современного общества, а значит, той специфики ситуаций, которые имели место в республиках, важность учета национально-психологических особенностей, национального самосознания²⁰. Эти указания воздействовали на идеологическую атмосферу в стране, деятельность творческих работников, средств массовой информации, в известной мере определяли содержание научной и художественной литературы.

Центральные Комитеты союзных республик держали в поле зрения идеологические вопросы, связанные с осуществлением национальной политики КПСС. Как отмечалось в постановлении ЦК Компартии Грузии «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры Абхазской АССР, усилению организаторской и идейно-воспитательной работы среди трудящихся автономной республики» (май, 1978 г.), в Абхазии были достигнуты немалые успехи в промышленности, сельском хозяйстве, культуре. Много сделано для удовлетворения национальных интересов в отношении представительства в руководящих органах, в обучении на родном языке и в подготовке национальных кадров. Вместе с тем в постановлении констатировалось, что абхазским обкомом и отдельными областными и республиканскими ведомствами «не всегда учитываются местные национальные особенности... печать и издательства допускают серьезные ошибки в публикациях материалов, связанных с историографией и проблемами патриотического и интернационального воспитания. Отдельные республиканские органы проявляют недопустимую медлительность в решении ряда назревших вопросов культурного строительства автономной республики». Наслоение ошибок, допущенных в прошлом по отношению к абхазской нации, а также неурегулированность ряда проблем послужили «поводом для нареканий со стороны части абхазского населения». ЦК Компартии Грузии принял конкретные меры для урегулирования возникших вопросов²¹.

Партийная организация Грузии начала большую работу по изучению общественного мнения в республике.

Был создан Совет общественного мнения при ЦК Компартии Грузии. Изучив мнение населения о бытующих традициях, национальных отношениях, а также религии и учитывая, что свыше 70% населения высказалось за решительное очищение народных традиций от чуждых им наслоений, ЦК Компартии Грузии в ноябре 1975 г. принял постановление, в котором были определены меры по усилению борьбы с вредными традициями и обычаями²². Искоренение чуждых современному образу жизни традиций и норм поведения происходило, естественно, постепенно. В постановлении Центрального Комитета КПСС от 24 июня 1976 г. «О ходе выполнения партийной организацией Грузии постановления ЦК КПСС об организаторской и политической работе Тбилисского горкома партии» отмечалось, что в республике «ведется непримиримая борьба с рецидивами мещанской, мелкобуржуазной психологии, еще иногда встречающимися националистическими проявлениями...»²³.

Изыскивая новые формы идеологической работы для совершенствования морально-нравственной сферы образа жизни и политической культуры, партийные и государственные организации Грузии создали Музей дружбы народов, которому придали статус академического института. В первой половине 80-х годов с его помощью развернулась работа по изучению проблем совершенствования межнациональных отношений, интернационального и патриотического воспитания. В партийных документах ЦК Компартии Грузии говорится: «Особое место в идейно-воспитательной работе парторганизации республики всегда занимали, занимают и будут занимать вопросы патриотического, интернационального воспитания. Речь идет об утверждении идеологии интернационализма. Она стала неотъемлемой частью нашего советского образа жизни»²⁴. В республике делается все для создания атмосферы подлинной дружбы и братства.

Республика решала важную и острую проблему — обеспечение опережающих темпов социально-экономического и культурного развития автономных образований и других многонациональных регионов республики. В этих целях, отмечалось на XXVII съезде Компартии Грузии, было принято за последние годы свыше 40 постановлений союзных и республиканских директивных органов. ЦК КП республики занимался вопросами развития грузинского, абхазского, осетинского, армянского, азерб.

абхазского, греческого языков, улучшения преподавания русского языка. Для интернационального воспитания использовалось и празднование 60-летия образования Союза ССР, 60-летия Советской Грузии, 60-летия победы Советской власти в Абхазской, Аджарской автономных республиках, Юго-Осетинской автономной области и, наконец, празднование 200-летия Георгиевского договора. Центральный Комитет не только информировал общественность о сделанном, но и не скрывал, что предстоит еще немалая работа по интернациональному воспитанию, «поскольку имеются еще отдельные факты некоторого отхода от партийно-классовых принципов в определении роли национальной истории и культуры. Нередко религиозно-националистическими пережитками прикрываются негативные явления». Размах «революционного очищения», начатого еще в 1972 г., говорилось на XXVII съезде Компартии Грузии, возрастает и теперь. Эта борьба крепнет, и по мере ее развития будет усиливаться и непримиримость к проявлениям чуждой идеологии и морали²⁵.

Мы подробно остановились на идеологических, социально-психологических аспектах решения национальных проблем в Грузии, потому что эта республика вошла в число тех, где нами изучались процессы культурного развития и межнациональных отношений, кроме того, они здесь обсуждались и решались очевиднее.

В конце 70-х — начале 80-х годов проблемы развития культур народов, межнациональных отношений все острее связывались обществом с экономикой. С одной стороны, от общесоюзных вложений и межреспубликанского перераспределения ресурсов зависел и объем средств в каждой республике, выделяемых на социально-культурную инфраструктуру (в том числе на строительство культпросветучреждений, школ, библиотек и т. п.), а следовательно, на удовлетворение культурных потребностей и духовный рост наций. С другой стороны, для Союза ССР в целом и каждого народа было важным, чтобы выделяемые той или другой республике средства вкладывались с отдачей. Если этого не происходило, то неэффективность вложений или перераспределения средств, ресурсов воспринималась как негативное явление и с точки зрения межнациональных отношений. Естественно, негативные явления в экономике, морально-нравственной сфере образа жизни, имевшие место в

стране и находившие своеобразные проявления в республиках, проецировались на область национальных отношений. Вскрытые недостатки на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС и затем всесторонний их анализ и выдвинутая программа позитивных решений на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС определили существенную перестройку стиля работы не только в центре, но и на местах. Острая критика положения в ряде республик, в том числе в Узбекистане, Грузии, Молдавии (население которых было объектом наших исследований), могла задевать и национальные чувства. Но без вскрытия проблемных ситуаций невозможно было обеспечить дальнейшее развитие как страны в целом, так и каждого региона. Решение социальных, экономических, нравственных проблем в конечном итоге служило удовлетворению и национальных интересов.

Вариативность вскрытых проблем в известной мере была связана и с особенностями исторического развития народов. Так, в условиях необходимости ускорения социально-экономического развития, связанного с научно-технической революцией, с очевидностью встал вопрос о важности учета определенных психологических и культурно-бытовых особенностей в жизни тех народов, которые пришли к социализму, минуя капиталистическую фазу развития или пройдя ее в неполном виде. Этот вопрос обсуждался, в частности, учеными-обществоведами и представителями различных заинтересованных ведомств сразу после XXVII съезда КПСС на научно-практической конференции «Совершенствование национальных отношений в свете решений XXVII съезда КПСС», организованной ЦК Компартии Узбекистана, Научным советом по национальным проблемам при секции общественных наук президиума АН СССР и Институтом истории Коммунистической партии Узбекистана в апреле 1986 г.

Национальные особенности, связанные с историческим прошлым, учитывались при обсуждении общих для страны вопросов на съездах компартий союзных республик, предшествовавших XXVII съезду КПСС. Как упоминалось, в Грузии проблемы роли человеческого фактора в ускорении социально-экономического развития связывались с темпами социально-культурного прогресса в автономиях и многонациональных регионах республики, с совершенствованием морально-нравственной атмосферы, возрождением традиционно ценимых качеств — че-

сти, честности, гордости — и очищением от частнособственных тенденций, чуждой идеологии и морали.

В Узбекистане решение общих проблем ускорения экономического прогресса связывалось с работой «по преодолению отсталых устоев жизни части населения», сдерживающих миграционные процессы, регулирование трудовыми ресурсами. Перестройка традиционных психологических установок выдвигалась Компартией Узбекистана как условие повышения социального динамизма в республике. Повышение общественной активности людей и очищение морально-нравственной сферы образа жизни связывалось с преодолением патриархальных устоев и отсталых обычаев, используемых исламом в ущерб интересам общества и личности.

В Отчете ЦК Компартии Узбекистана XXI съезду Коммунистической партии Узбекистана напоминалось о том, «что религия расчищает путь национализму и шовинизму, выступает как огромный тормоз общественного, экономического и социального развития...». «Надо с классовых, партийных позиций, — говорилось в Отчете ЦК, — разграничивать подлинно народное от всего вредного и наносного, от попыток наших идейных противников играть на национальных чувствах людей. Народные традиции надо уважать... Но прошлое узбекского народа, как и других народов нашей страны, — это, конечно же, не патриархальные устои, не догмы шариата. Истинные традиции народа — в мудрости, трудолюбии, честности и скромности...»²⁶

Узбекистан — многонациональная республика, где живут представители более ста наций и народностей и накоплены традиции интернациональной дружбы. Партийная организация, авторитетная общественность проявляли заботу о том, чтобы очищение от вредных явлений в жизни осуществлялось с классовых позиций, не оскорбляло национальных чувств, не омрачало традиционно дружественных межнациональных отношений, в том числе с русским народом. Симптоматично, что прибывающих в Ташкент авиационным или железнодорожным транспортом встречало приветствие, в котором напоминалось, что Ташкент — город дружбы.

В Эстонии, представляющей прибалтийский регион в нашем исследовании, в активизации человеческого фактора большое значение придается классовому воспитанию, упор делается на формирование «политически зре-

лого общественного мнения». «Особую злободневность в классовом воспитании, — отмечалось в Отчете Центрального Комитета Компартии Эстонии XIX съезду Коммунистической партии Эстонии, — имеет борьба с националистическими и шовинистическими настроениями»²⁷. Вопросы интернационального и патриотического воспитания, борьбы с проявлениями национализма неоднократно ставились на Пленумах и бюро ЦК КП Эстонии. Разработана программа конкретных действий в этом отношении, но в реализации ее, по мнению ЦК КПЭ, не все парторганизации были последовательны и активны. Недостаточное внимание в пропагандистской и массово-политической работе уделялось «раскрытию исторических корней дружбы эстонского и русского народов, героических революционных традиций эстонского рабочего класса и Компартии Эстонии»,²⁸ совместного труда всего советского народа. Особое внимание на XIX съезде КПЭ было уделено идеологическому воспитанию молодежи. Отмечалось, что парторганизации школ стали целенаправленнее вести работу по интернациональному воспитанию. Расширялась совместная деятельность учащихся разных национальностей, повышался уровень преподавания русского языка. Но эти усилия, однако, не всегда приносят ожидаемый результат, «что осложняет многим молодым людям прохождение службы в рядах Советской Армии и общение со сверстниками других национальностей». Нужно прививать учащимся умение общаться, учиться, работать и проводить досуг со сверстниками других национальностей, — говорилось на съезде²⁹.

В отношении художественно-творческой интеллигенции, а точнее, репертуарной политики театров, концертов отмечалась «некоторая склонность к национальной обособленности». В то же время анализ расширившейся материальной базы культурно-просветительных учреждений, ввод в строй современных домов культуры, кинотеатров, концертных залов позволяли существенно расширить влияние художественно-творческой интеллигенции в идеологической жизни.

Партийная организация и деятели культуры Эстонии ведут идеологическую борьбу в неблагоприятных условиях активной пропаганды зарубежных центров, которые по всем возможным каналам распространяют версии о закате эстонской культуры, о потере ее самобытности и русификации. Отсюда особая острота вопроса о классо-

вой закалке, политической культуре населения, особенно молодежи, и научной разработке проблем соотношения общечеловеческого, общесоветского и национально-специфического в культуре наций.

В 80-е годы в РСФСР и других республиках идеологическая работа концентрировалась вокруг общих для страны и всех ее народов проблем, прежде всего вокруг того, чтобы «вклад всех республик в развитие единого народнохозяйственного комплекса соответствовал их возросшему экономическому и духовному потенциалу». В области культуры внимание концентрировалось на том, чтобы «здоровый интерес ко всему ценному, что есть в каждой национальной культуре, не вырождался в попытки отгородиться от объективного процесса взаимодействия и сближения национальных культур»³⁰. Таковы ориентации, выдвинутые в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду КПСС.

Указания партии легли в основу работы всей широкой сети каналов идеологического влияния — средств массовой информации, учебных заведений и учреждений повышения квалификации, партийного просвещения, культурно-просветительных учреждений, они находят отражение в литературе, искусстве.

Особую роль в создании идеологической атмосферы дружбы народов играют средства массовой информации — пресса, радио, телевидение. Как показывает контент-анализ газет, радио- и телепередач, основное тематическое направление, через которое читателям, зрителям, слушателям дается информация, призванная формировать интернационалистские взгляды, — это материалы о жизни других советских республик или наций, об их экономике, культуре, деятелях науки, искусства, передовиках производства. Другое важное направление, затрагивающее национальные аспекты жизни и межреспубликанские взаимодействия, — это отражение на страницах газет и в радио- и телепередачах сотрудничества народов прежде всего в области экономики, культуры, спорта. Наконец, в прессе публикуются и специальные статьи по национальным проблемам. Это и теоретические статьи об интернационализме, о развитии наций, о решении национального вопроса в СССР, и статьи по конкретным вопросам, например об отношении к традициям народов, о развитии национальных языков и значении распространения двуязычия³¹.

Идеи равенства, дружбы народов, проявления интернационализма в повседневной жизни несут художественная литература, театр, кино, живопись. Выпуски альманахов и специальных номеров литературных журналов знакомят с произведениями поэтов и прозаиков советских народов. Материалы в них отвечают единой идеологической направленности, укреплению интернационализма, раскрывают сложившиеся межнациональные литературные связи.

Особенно большое число специальных выпусков литературных журналов и альманахов, посвященных литературным связям, вышло в канун 60-летия образования СССР.

Немало художественных произведений непосредственно посвящены дружбе народов. Художественные произведения знакомят с культурой, с образом жизни других, в том числе непосредственно контактирующих, народов. Поэзия, литература, театр очень живо отзываются на общественные настроения и одновременно формируют их. 70-е годы были временем обоснованного объективными обстоятельствами роста национального самосознания (на этом мы специально остановимся позже). Поэтому попытки представить всякое проявление национальных чувств, ориентаций как симптомы национализма явно не отражали реальную действительность. Так, чувство национальной гордости входит в систему ценностей советского общества. Быть настоящим патриотом своего народа — значит служить его прогрессу, и общество в этом крайне заинтересовано. Важно не противопоставлять свой народ другому, не преувеличивать его достоинства, роль в историческом процессе. Это касается всех народов, как больших, так и менее многочисленных. Такую идеологию нужно было «довести» до самых широких слоев населения, внедрить в повседневную жизнь. Е. Евтушенко в поэме «Просека»³² точно «отзывается» на ситуацию:

Мне псевдорусского зазнайства
Дороже сдержанность нанайца,
Но я горжусь,
России сын,
с наследным правом невозбранным
Кремлем
как Матенадараном
гордится каждый армянин...

Когда я говорю «Россия»,
то не позволит мне душа
задеть хоть чем-нибудь грузина,
еврея или латыша.

Идеи братства находят отражение в кинокартинах и драматургических произведениях. Большое эмоциональное воздействие художественной культуры на взгляды людей неоспоримо. Если пропагандистская сеть, газеты, радио обращаются, главным образом, к разуму людей, то литература, театр и другие виды искусства, кроме того, затрагивают и их эмоции, вызывая чувства сопереживания, сопричастности, и через более глубинные слои психики могут влиять на формирование дружественных установок в сфере межнационального общения.

Насколько важной оказывается идеологическая направленность художественной культуры, и прежде всего литературы, для формирования межнациональных установок, мы убедились из того, что люди, ориентированные на свою национальную профессиональную культуру, и те, кто имеет более широкие интересы, практически одинаково благоприятно относятся к межнациональному общению. То есть национальная культура каждого народа в современных условиях также имеет интернационалистское содержание. Существенным оказался объем воспринимаемой художественной культуры. Конечно, с точной количественной определенностью ответить на вопрос, насколько влияет идеологический климат в стране на взгляды и поведение людей в межнациональных отношениях, трудно. Но совершенно очевидно, что вместе с общей политической и социально-экономической обстановкой в стране идеология самым решающим образом определяет характер межнациональных отношений.

Именно общими для всех советских народов общественно-политическими, социально-экономическими и идеологическими условиями можно объяснить тот факт, что в ходе исследований, в том числе проведенных по нашей или сходной с ней программе, у всех национальностей — будь то крупные нации союзных республик (русские, узбеки, грузины, армяне, молдаване, эстонцы), или нации автономных республик (татары, удмурты, чуваша, кабардинцы, балкарцы), или малочисленные группы некоренных национальностей в республиках (евреи, гагаузы,

болгары — в Молдавии, осетины — в Грузии) — зафиксированы доминирующие благоприятные установки на межнациональное общение и широкие, зависящие прежде всего от этнической среды, межнациональные контакты не только в производстве, но и в быту.

В любой этнической среде доля лиц, неблагоприятно относящихся к контактам и в деловой и в семейной обстановке с людьми другой национальности, не превышала 10%, колеблясь в пределах от 2 до 10% в различных социально-профессиональных, возрастных и национальных группах. Причем данные оказались устойчивыми по результатам опросов как 1971—1976 гг., так и 1979—1981 гг.

Показательным для характеристики национальных взаимоотношений явилось и отсутствие у большинства населения отрицательных национальных стереотипов относительно других, непосредственно контактирующих с ними этносов. Особенно примечательно абсолютно очевидное превалирование позитивных черт в оценках русских, которые живут бок о бок с другими народами в союзных и автономных республиках, ибо в прошлом они воспринимались как господствующая нация, с которой связывались угнетение и дискриминация. В обществе без социальных антагонизмов исчезает социально-экономическая основа вражды народов, и этот факт становится решающим для формирования благоприятных, дружественных отношений между людьми любых национальностей. Но было бы неверным полагать, что таким образом снимаются и все основания для проявления социально-психологических особенностей в межнациональных отношениях. При общих для всех регионов страны общественных отношениях, при единстве идеологического климата, не допускающего пропаганды национализма и шовинизма, при общении людей разных национальностей в конкретных условиях все же имеется немало своеобразия. Специфика конкретных условий в свою очередь проявляется на разных уровнях. Это и исторически сложившаяся социальная ситуация для межнациональных взаимодействий в каждой республике, и обстоятельства, определяющие социальные интересы, проецирующиеся на область национальных отношений, в конкретных социально-профессиональных группах, и, наконец, условия в непосредственной производственной, трудовой среде, где человек каждой национальности реально ощущает

как свое социальное продвижение, так и стабильность положения, степень удовлетворенности работой, престижем его трудовой деятельности.

Рассмотрим влияние конкретных социальных условий на межнациональные отношения в республиках. В каждой из них специфика ситуации для межнациональных взаимодействий складывается прежде всего под влиянием особенностей социального состава, а также сходства или различия в социальной мобильности непосредственно контактирующих народов. В одной группе республик в 70-е годы продолжалось интенсивное выравнивание социального состава непосредственно контактирующих народов, прежде всего лиц коренной национальности с русскими, украинцами и другими. Характерная в этом отношении ситуация сложилась в Молдавской и Узбекской ССР. В начале 70-х годов в городах Молдавии среди молдаван в возрасте 40—49 лет было в 2 раза меньше занимающихся квалифицированным трудом, чем среди русских, а в возрасте 20—24 лет доля этих групп практически одинакова.

В городах Узбекистана среди людей старшего поколения (60 лет и старше) доля узбеков, занимающихся квалифицированным умственным и физическим трудом, в 2 раза, а в группах 29—40 лет — в 1,5 раза была ниже, чем среди русских. В группе 20—24-летних доля работников квалифицированного труда (в том числе учащихся вузов и специалистов среднего и высшего звена) у русских и узбеков фактически выравнилась.

И старшее и младшее поколения стали свидетелями быстрого экономического и культурного роста республик, громадных изменений в социальном положении всех членов советского общества. Это позитивно сказалось на формировании дружественных межэтнических установок. Изменение социально-профессиональных ролей для лиц коренных национальностей происходило на фоне быстрого развития народного хозяйства, культуры, которое сопровождалось довольно высокой потребностью в квалифицированных кадрах, особенно на производстве, в технических и естественных науках.

В начале 70-х годов в Молдавии 77—88% молдаван, украинцев, гагаузов и других национальностей в городах и селах считали, что национальный состав производственных коллективов для них не имеет значения или что в многонациональных коллективах работать лучше, ин-

интереснее. 90% украинцев, евреев, 84% русских, 71,5% молдаван в городах республики имели друзей среди лиц другой национальности. У более чем 50% молдаван, 61% русских, 70% евреев, 73% украинцев родственники состояли в браке с лицами другой национальности.

Очень незначительная доля людей настроена преимущественно на внутринациональные контакты. Например, среди сельских молдаван она не превышает 5%, а среди городских жителей всех национальностей в Молдавии не достигает и 1%. Ничтожной оказалась и доля тех людей, которые высказывали мнение о большей сложности работы в многонациональных коллективах, одновременно они предпочитали однонациональные браки.

В Узбекистане у лиц коренных национальностей в городах и контактирующих с ними русских и украинцев различия в языке и обычаях существенны. Тем не менее 70% узбеков в городах положительно относятся к работе в многонациональных трудовых коллективах. Если принять во внимание, что часть населения не имела длительного опыта подобных контактов (13—20% опрошенных узбеков затруднились ответить на вопрос о работе в многонациональных коллективах, в Молдавии — 5—10%) или испытывает трудности в языковом общении, то эти данные свидетельствуют о весьма благоприятных межнациональных отношениях. Позитивные экономические, культурные изменения, социальные факторы, в том числе высокая социальная мобильность, благоприятно влияли на национальное самочувствие и межнациональные отношения и в 70-е и в начале 80-х годов. По данным повторного исследования в Молдавии, межэтнические установки молдаван, украинцев, русских, евреев оставались столь же благоприятными, непосредственные дружеские контакты имели заметную тенденцию к расширению, особенно среди молдаван (доля имеющих друзей других национальностей у молдаван выросла более чем на 10%, у других национальностей — на 5—6%). Примерно у трети населения молдаван и украинцев (у 20% русских и евреев) за последние пять лет имело место продвижение в трудовой карьере, свыше 60% считали, что в их жизни в целом произошли изменения к лучшему, и это соответствовало тому, что при дружественных личностных отношениях именно у данных групп были самые благоприятные установки на межнациональные контакты.

Чрезвычайно благоприятное отношение у людей и к более близкому, семейному межнациональному общению. 70% городских молдаван (кстати, мужчины и женщины здесь единоклюшны) и 66% живущих в селе, 63% городских украинцев, 76% русских, 66% гагаузов в Молдавии считают, что национальность в браке не имеет значения. Безусловно нежелательно относятся к национально-смешанным бракам всего 2—6% населения среди выше-названных национальностей.

В Узбекистане, где среди узбеков традиционно заключались преимущественно однонациональные браки, теперь определенно настроены против национально-смешанных браков не более четверти узбеков (мужчин и женщин).

Отражением атмосферы межнациональных отношений явилось и общественное мнение об актуальных для общества проблемах. Называя среди них прежде всего сохранение мира, вопросы экономической и общественно-политической жизни, лишь 2% молдаван (вопрос ставился городским жителям) и 1,5% русских назвали проблемы, связанные только с развитием национальной культуры, экономическим прогрессом наций и народностей, борьбой с шовинизмом и национализмом; 9,6% молдаван и 10,7% русских упомянули часть перечисленных выше проблем совместно с другими. Это не значит, что национальное развитие или борьба с шовинизмом и национализмом не важны сами по себе, просто для широких слоев трудящихся они не столь волнующи.

Таким образом, в республиках Средней Азии, в Молдавии (по ряду важнейших параметров развития к подобной группе республик можно отнести Казахстан, Белоруссию, Литву и по показателям культурного роста — Азербайджан) — районах с особенно высокими темпами социальной мобильности коренных национальностей — социально-культурный рост благоприятно отражался на межличностных национальных отношениях и вместе с тем стимулировал развитие национального самосознания, чувства национального достоинства.

В других республиках, в том числе в РСФСР (без автономных областей), таких быстрых существенных изменений в социальном составе и культурном росте контактирующих народов в 70-е годы не происходило. На Украине сходный социальный состав контактирующих групп сложился уже в первые десятилетия Советской

власти. В Армении и Грузии по социальному составу армяне и грузины в городах уже с конца 30-х годов в принципиальных чертах были выравнены с русскими (сохранив некоторое своеобразие во внутриклассовом составе населения, в том числе связанное со спецификой занятости в отраслях народного хозяйства). В Эстонии и Латвии в конце 40-х годов и начале 50-х годов существенно увеличилась доля квалифицированных рабочих и работников умственного труда. В последние же десятилетия социальный рост шел практически одинаковыми темпами среди коренного населения и русских. В середине 70-х годов в Эстонии среди эстонцев и русских в возрасте 60 лет и старше было около половины неквалифицированных и малоквалифицированных работников, в группе 20—29-летних — всего 6%. В возрастных группах 20—29 лет среди русских выше, чем среди эстонцев, доля квалифицированных рабочих (соответственно 50 и 38%). В то же время среди эстонцев в возрасте 20—24 лет несколько выше доля студентов вузов и специалистов. В целом же в Эстонии социальный состав основной, коренной национальности имел принципиальное, по основным показателям, сходство с составом русских. У эстонцев и русских, так же как и у других национальностей республики, росла доля рабочих и интеллигенции, квалифицированных слоев рабочих и крестьян. Но в целом в советских условиях социальный рост эстонцев шел вместе и вровень с другими, более урбанизированными народами страны (прежде всего с русскими), и таких существенных изменений в социальном статусе, как, например, молдаване, они не ощущали, что в общем накладывает определенные психологические последствия и в известной мере объясняет высокие социальные запросы населения Эстонии и конкретно эстонцев.

В Эстонской ССР имеет значение и то обстоятельство, что при практически одинаковом соотношении рабочих и интеллигенции в городах у русских и эстонцев (они контактируют, естественно, именно в городах) внутриклассовый состав, в том числе отраслевой состав рабочих и доля различных отрядов внутри интеллигенции, здесь отличался прежде и несколько отличается сейчас. Среди русских несколько больше доля рабочих ведущих отраслей крупной промышленности и высококвалифицированных рабочих, а также производственной и отчасти научно-технической интеллигенции, т. е. имен-

но тех слоев, которые чаще удовлетворены трудом, а также бытовыми условиями и наиболее благожелательно настроены на межнациональные контакты.

Работники ведущих отраслей промышленности находятся в самых благоприятных условиях с точки зрения формирования их сознания, психологической ориентации в целом. Здесь лучше условия производства, работа в таких коллективах требует единой трудовой целеустремленности, взаимной выручки и спаянности, большей сознательности. За этой категорией работников обществом признается особая, ведущая роль. В промышленности, и особенно на крупных предприятиях ведущих отраслей, значительнее общественные фонды, которые позволяют улучшить культурно-бытовые условия, расширить жилищное строительство (в частности, видимо, этим в немалой степени объясняется то обстоятельство, что в середине 70-х годов в городах в полностью благоустроенных домах жили 55% эстонцев, а среди русских и других национальностей — 81%).

Культурно-бытовая удовлетворенность играет между тем определенную роль и в межэтнических отношениях. Различия в национальных установках между группами с разной удовлетворенностью у русских и эстонцев колеблются в пределах 10—12%.

Для того чтобы осознать реальные причины некоторых различий в жизненных условиях, сохраняющихся при социализме, нужен высокий уровень сознательности, известная широта взглядов. Процесс социального созревания, происходящий в значительной мере в трудовых коллективах, длительное трудовое общение благоприятно сказывается на межнациональных установках в производственном общении. Наиболее распространено дружелюбное расположение к межнациональным контактам в Эстонии среди работников основного трудового возраста (от 30 до 50 лет), причем это характерно как для эстонцев, так и для русских. Одинаковы практически у них и оценки удовлетворенности трудом, культурно-бытовыми условиями, возможностями устройства на работу по специальности в одинаковых социальных группах.

Судя по опросам середины 70-х годов, $\frac{2}{3}$ как эстонцев, так и русских ощущали, что в их жизни происходят изменения к лучшему, они чувствовали себя необходимыми в своем трудовом коллективе, $\frac{1}{4}$ считала, что в

чем-то их жизнь улучшается. По оценкам социологов, большинству населения присущ социальный оптимизм. Вместе с тем сравнения с историческим прошлым не всегда присутствовали при оценке современного положения, особенно у молодежи и среднего поколения, которые исходили из широких межнациональных сопоставлений или ориентаций на самые высокие жизненные стандарты в мире, при этом национальные интересы увязывались с первостепенной важности социальными проблемами. Особого внимания требуют, по мнению более чем половины эстонского городского населения, такие вопросы, как развитие национальной культуры, экономический прогресс всех наций и народностей нашей страны. (Эти же проблемы среди представителей других национальностей в республике называли в числе первоочередных не более 20%.) Осознание национальных интересов самыми широкими кругами населения, высокие социальные запросы особенно характерны для населения наиболее урбанизированных республик страны.

В последние 15—20 лет социальная ситуация для межнационального общения во всех этих республиках, где проходили исследования, была уже относительно устойчивейшей, но в то же время в каждой из них имели значение и некоторые особенности. Так, в Грузии, как уже отмечалось, в 60—70-е годы ощущались очень высокие темпы подготовки высококвалифицированных кадров, что иногда превосходило реальные потребности развития народного хозяйства и культуры. Эта ситуация создавала ощущение известной конкурсности в трудовой сфере, которая в многонациональной среде проецировалась в какой-то мере на национальные отношения. Возрастные различия в отношении к межэтническому общению у грузин и русских отражали особенности этой конкретной социальной ситуации. При общей очень широкой расположенности населения к межнациональным контактам несколько выделялись не в лучшую сторону (различия не более 10%) те, кому в начале 70-х годов было 25—30 лет, т. е. вступившие на трудовой путь с конца 50-х годов (когда в Грузии чрезвычайно возросло число лиц с высшим образованием, особенно среди грузин).

Своевременное постановление ЦК КПСС «Об организаторской и политической работе Тбилисского горкома партии Грузии по выполнению решений XXIV съезда

КПСС» от 22 февраля 1972 г. стимулировало стремление к преодолению негативных явлений не только в экономике, но и в социальных отношениях, морально-нравственном климате. По результатам опросов социологов Грузии, эти изменения нашли поддержку абсолютного большинства населения. Меры ЦК КП Грузии по оздоровлению обстановки в республике, в том числе внимание к национальным интересам, интернациональному воспитанию, сказались на взглядах и межнациональных установках масс. Судя по результатам опросов столичного населения в начале 80-х годов, отношение к межнациональному общению практически во всех социальных группах имело тенденцию к улучшению (80% грузин среди работников умственного труда и свыше 80% среди рабочих положительно относятся к межнациональному общению на производстве, свыше 60% рабочих и интеллигенции имеют друзей среди лиц другой национальности).

Русские, проживающие в Грузии, заметнее, чем грузины, ощущали конкурсность в трудовой сфере и несколько чаще были склонны объяснять трудности ситуации в производственной сфере национальными взаимоотношениями. Причем русские-старожилы (ответили, что являются уроженцами Грузии, живут здесь все время) знают грузинский язык (ответили, что свободно владеют грузинским и русским языками), чувствуют себя вполне хорошо и наиболее благоприятно относятся к межнациональному общению. Среди них примерно на треть больше тех, которые не придают значения национальности в производственном общении, и только 10% считают национально-смешанный брак нежелательным. Та же картина и в Эстонии. Среди русских, знающих эстонский язык, тоже на треть больше людей, для которых национальность их коллег по коллективу не имеет значения, а к национально-смешанным бракам нежелательно относятся всего 4% против 24% среди тех, кто не знает эстонского языка. Русские или лица других национальностей, знающие язык основной, коренной национальности, в республиках чувствуют себя, естественно, комфортнее, стабильнее, в каких бы производственных ролях или бытовых условиях они ни оказывались.

Межнациональное общение в каждой республике складывается под влиянием не одного, а многих — исторических, социальных и культурных — факторов. Поэто-

му типологизация условий межнациональных контактов по одному или даже по нескольким признакам могла бы оказаться поверхностной, неадекватно отражающей действительность. Только сочетание всех исторических, социальных и культурных обстоятельств в каждой республике создает ту или иную конкретную ситуацию, которая определяет межнациональное общение. При этом на нее воздействуют межреспубликанские отношения, общеполитическая обстановка в стране в целом на данном этапе развития советского общества. Поэтому, выделив две группы республик по особенностям социальной ситуации в них в 70-е и начале 80-х годов с точки зрения изменений в социальном составе и темпов мобильности основных контактирующих этнических общностей, нужно отметить, что при проведенном анализе учтены лишь наиболее значимые в республиканском масштабе социальные и в известной мере исторические факторы, влияющие на межнациональные отношения.

Уяснив характер межнациональных отношений и некоторую специфику этих отношений в разных республиках, сделаем попытку рассмотреть, как взаимодействуют культурные и социально-психологические факторы в межнациональных взаимодействиях.

3. КУЛЬТУРА И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Межнациональные отношения рассматриваются обычно и в широком значении — как межнациональные взаимодействия в различных сферах жизнедеятельности — экономике, политике, культуре и в более узком значении — как отношения между людьми различных национальностей. В последнем случае речь идет о психологических аспектах национальных отношений. Они проявляются в социально-психологических установках людей, их ориентациях (как системе установок), настроениях, мнениях, взглядах, которые в той или иной мере взаимосвязаны с различными компонентами культуры.

Как известно, культура каждого общества определяется прежде всего своей социальной сущностью, зависящей от производственных отношений, отношений социально-классовых, политических, т. е. того социального субстрата, который отличает ее от культуры других

формаций. Культура каждого народа содержит этот социальный субстрат, но не сводится только к нему. В нее входят и этнически специфические элементы или слои культуры, которые тоже обеспечивают внутринациональную консолидацию нации. Это — язык, духовные связи, идеи, воплощенные в художественной культуре, традиции, этноспецифические элементы соционормативной культуры (моральные, нравственные нормы, обычаи, обряды). В культуру нации входят и элементы адаптированной общечеловеческой культуры, так же как и те, которые в принципе не имеют этнодифференцирующих свойств. К последним обычно относят прежде всего научные знания.

В связи с многочисленными дискуссиями о национальной самобытности, ее содержании, устойчивости, значимости отметим, что в нашем представлении национальная самобытность культуры отнюдь не сводится к этнически неповторимым чертам. Само этническое своеобразие, как отмечалось, меняет свой облик. Национальная самобытность все ощутимее функционирует в сфере духовной культуры, чаще профессиональной, а не только народной. При этом элементы национального самосознания, например отношение (установки) к своей культуре, истории своего народа и т. д., имеют немало важное значение. И поскольку в обновляющемся виде, в том числе за счет своеобразного «сцепления» общих элементов, национальная самобытная культура постоянно воспроизводится, принципиально важно и другое обстоятельство — культура наций в целом может успешно развиваться, лишь включая и адаптируя интегрированные элементы общечеловеческой культуры, достижения других народов. И такая адаптация может быть тем успешнее, чем благоприятнее межнациональные установки людей. Связь здесь двусторонняя: культура влияет на межнациональные установки, а они в свою очередь влияют на развитие культуры. Но естественно, различные элементы культуры в разной мере, но каждый раз взаимодействуют с социально-психологическими проявлениями общественного сознания.

Наиболее интегрированным, интернационализированным компонентом в культуре каждого народа является наука, общечеловеческие знания, которые через систему образования существенно влияют на мировоззрение, ценностные ориентации и нормы поведения людей.

Относительно образования исследователи национальных отношений за рубежом приходили к противоречивым выводам. Немало западных социологов констатировали вообще отрицательную связь между уровнем образования и предрассудками большинства людей.

Образование, несомненно, является фактором идеологического влияния. Поэтому связь образования и отношения к другим народам в обществах с различной идеологией, естественно, оказывается неоднозначной. В советском обществе образование всецело находится в руках государства и направлено на воспитание у людей интернационализма. Оно существенно расширяет представления о мире, о своем и других народах, их месте в историческом процессе, утверждает в сознании людей дружественные установки по отношению к другим народам. Не только в общественных науках, но и в обыденном представлении людей национальные предрассудки часто связываются с определенной культурной отсталостью.

Естественно предположить, что распространение образования, особенно активное в послевоенные десятилетия, завершившееся внедрением всеобщего десятилетнего обучения, благоприятно отразится на общественной психологии, обыденных представлениях и будет способствовать искоренению национальных предрассудков.

Опыт исследования в разных регионах страны показал, что повышение образования позитивно сказалось на межнациональных установках, и особенно в среде тех народов, которые в прошлом в этом отношении отставали. 60—70-е годы — время быстрых темпов роста образования, в результате чего повысилась культура всего населения. Так, у грузин, молдаван и узбеков, получивших образование в объеме 7—10 классов, практически на треть больше людей, которые положительно отнеслись к работе в межнациональных коллективах, чем среди малограмотных и неграмотных (в этой группе к тому же больше лиц старшего поколения), и тех, которые считают, что национальность в браке не имеет значения.

В Эстонии сравнительно длительный исторический период все население получало определенный минимум образования. В условиях Советской власти с повышением уровня образования отношение к межнациональному общению в зависимости от этого показателя практиче-

ски мало меняется. Взгляды людей на межнациональное общение стали шире. Сейчас в Эстонии среди эстонцев и русских, а также представителей других национальностей лица с более высоким уровнем образования реже, чем менее образованные слои населения, категорически возражают против смешанных браков (19% против 30%).

Как показывают опросы начала 80-х годов в столицах республик, по мере того как образование становится всеобщим, оно все меньше дифференцирует людей по их межэтническим установкам. Теперь это касается уже не только наиболее урбанизированных народов, но и всех национальностей.

В системе образования, в воспитании дружественных межнациональных чувств, в формировании культуры межнационального общения особая роль принадлежит истории и литературе. Задача общественных наук состоит в объективном отражении исторического процесса, распространении этнографических, демографических знаний о народах, их культуре, истории, особенностях быта, вкладе каждого из них в мировую цивилизацию. Особенно важно взаимопознание соседних народов, национальностей, непосредственно контактирующих в каждой республике. Исторические, краеведческие музеи, так же как и художественные, обычно посещают школьники в соответствии с учебной программой. Но эта возможность в основном реализуется горожанами. Между тем для сельских учащихся такие посещения особенно ценны. На экскурсии могли бы выделять средства не только школы и родители, но использоваться и общественные фонды шефствующих предприятий, колхозов и совхозов.

С ростом образования связано и расширение общекультурного кругозора населения. Такой кругозор дает объективную основу для межнациональных сопоставлений и формирования представлений об опыте не только своего, но и окружающих народов, снимается узконациональный подход к пониманию событий и явлений. С образованием обычно связано в республиках и освоение русского языка как языка межнационального общения.

Расширение общекультурной информации, как и образование, оказывает более заметное влияние на преодоление национальных предубеждений у людей в рай-

онах с более динамичной культурной ситуацией. Так, среди узбеков, читающих художественную литературу, особенно серьезного психологического содержания, селективно или постоянно просматривающих телепередачи, знающих наряду с родным русский язык, число тех, кто имеет друзей иных национальностей и положительно относится к межнациональным контактам (в том числе в сфере неформального общения), в 1,5—2 раза больше (в городе и на селе), чем среди тех, кто не имеет вышеперечисленных культурных навыков.

У более урбанизированных народов, например эстонцев, культурный кругозор более ощутимо влияет на бытовую сферу общения, чем производственную. Выразительный показатель культурного кругозора для эстонцев — чтение художественной литературы, телевизор смотрят здесь практически все в равной мере (интеллигенция даже реже, так как строже отбираются интересные передачи). Не придающих значения национальности своих товарищей по коллективу на $\frac{1}{5}$ больше среди тех, кто постоянно читает литературу; на $\frac{1}{3}$ меньше лиц, безусловно нежелательно настроенных к смешанным бракам, чем среди нечитающей публики.

Доля грузин, благожелательно настроенных на межнациональные контакты в семье и на производстве, среди активно интересующихся культурной информацией соответственно на 17 и 15% больше, чем среди пассивной в культурном отношении части населения.

Естественно, расширение объема культурной информации, судя по результатам опросов среди молдаван, грузин, эстонцев, оказывает более заметное позитивное воздействие на преодоление национальных предрассудков в группе работников преимущественно физического труда. Это подтверждает вывод, сделанный еще в конце 60-х годов на основе материалов первых этносоциологических исследований в Татарской АССР, о том, что комплекс культурных мер снимает узость в подходе к межнациональному общению прежде всего у менее квалифицированных слоев населения (и менее образованных). Очевидно, что для тех слоев населения, для которых довольно высокий уровень культуры стал уже привычным, обыденным фактором (например, для большинства городских эстонцев, грузин, русских в городах Молдавии, Узбекистана), простое увеличение объема общекультурных знаний заметного влияния на отношение

к межнациональному общению не оказывает. Лишь систематическая, специально направленная на развитие дружественных отношений между национальностями информация может иметь значение.

Особая роль в многонациональных районах принадлежит такому элементу общей культуры, как владение языком межнационального общения, позволяющее не только установить взаимопонимание, но и приобщиться к достижениям, накопленным другими народами.

Как отмечалось, в союзных и большинстве автономных республик доминирующим явлением в языковой жизни народов стало двуязычие. Национальные языки выполняют многообразные общественные функции, и роль их при распространении языка межнационального общения не умаляется. Используя национальные языки, советские народы обеспечивают свое экономическое и культурное развитие, осуществляют дальнейшее совершенствование советского образа жизни. Речь идет о том, что язык межнационального общения в многонациональной стране реально служит расширению возможностей взаимовыгодных экономических и культурных контактов, укреплению социально-политических связей во имя высших целей общественного прогресса. В этом ракурсе язык межнационального общения рассматривается нами и как фактор, влияющий на общественную психологию в сфере межнациональных взаимодействий.

Положительное влияние, которое оказывает распространение русского языка (особенно овладение им уже в школьном возрасте) на утверждение интернационалистских взглядов, было установлено еще во время исследований в Татарской АССР. Изучение ситуации в других республиках подтвердило этот вывод. Особенно важно распространение национально-русского двуязычия в районах, где оно менее широко вошло в повседневную жизнь. Это видно из следующего сопоставления. В городах МССР не менее 70% молдаван свободно говорят по-русски, у них отношение к межнациональному общению в группах с разным уровнем владения русским языком практически не отличается: 80% не придают значения национальности в трудовом общении среди свободно владеющих лишь своим языком и 85% — среди свободно владеющих как молдавским, так и русским. (Напомним, что отклонение в пределах 5% по условиям нашей выборки нельзя считать значительным.) В горо-

дах Грузии и Эстонии свободно говорят по-русски 40—50% эстонцев и грузин; среди них на 12—13% больше людей, для которых национальность товарищей не имеет значения. А среди сельских жителей этих национальностей свыше 80% положительно относятся к работе в многонациональных коллективах (среди плохо знающих или не знающих русский язык на $\frac{1}{4}$ меньше).

Знание русского языка в различных социально-профессиональных группах среди лиц нерусской национальности распространено неодинаково, что связано и с уровнем образования, и с различной этнической средой, в которой люди трудятся. Квалифицированные работники получили знания русского языка не только в результате обучения в учебных заведениях, но затем и на работе, где их коллективы обычно многонациональные. Следовательно, в среде квалифицированных групп населения, на которые другие обстоятельства, снимающие национальные предубеждения, меньше действуют, знание русского языка становится особенно важным фактором для преодоления национальной узости во взглядах и поведении.

Результаты исследований показали, что ориентация на обучение русскому языку коррелирует с общей расположенностью к межнациональному общению. Так, среди грузин, считающих, что детей лучше обучать в одних классах на национальном, а в других — только на русском языке, на $\frac{1}{3}$ больше тех, которые не придают значения национальности в производственном общении, чем среди предпочитающих обучать детей в школе на грузинском языке.

Ориентация на обучение русскому языку может выступать, таким образом, своеобразным условным индикатором межнациональных отношений, но при этом надо иметь в виду, что потребность в том или другом языке прежде всего диктуется объективными обстоятельствами — этнической средой, возможностями дальнейшего обучения и т. п.

Этническая среда в значительной мере определяет и знание русскими и лицами других национальностей в республиках языка основной национальности. Известным показателем этого является тот факт, что доля русских горожан, назвавших во время Всесоюзной переписи населения 1970 г. своим родным языком язык основной национальности республики, больше доли лиц

основной, коренной национальности, назвавших русский язык своим родным (в Армянской и Литовской ССР, где меньше, чем в других союзных республиках, удельный вес русского населения в городах³³). Двуязычие как элемент интернационализации культуры людей влияет на характер общественных ориентаций в сфере межнационального общения и среди русского населения, живущего в республиках в полиэтническом окружении.

В 70—80-е годы в связи с изменившейся социальной ситуацией межнационального общения в республиках, прежде всего с возросшим сходством социального состава контактирующих групп, с ростом национального самосознания у всех народов, особенно часто ставился вопрос о важности знания русским населением языка численно преобладающей национальности в республике. Это важно не только для языкового межнационального общения, но и для социально-психологической адаптации в целом. Убедительный пример тому — русское население Эстонии: доля русских, не придающих значения национальности в деловом общении, на $\frac{1}{3}$ больше среди тех, кто знает эстонский язык, чем среди не владеющих им. Интервью с русскими в Грузии также свидетельствует о том, что среди знающих грузинский язык широко распространено предпочтение жизни в Грузии, а отношение к межнациональному общению, к традициям местного населения заметно благожелательнее.

Распространение двуязычия, образования, интенсивность внедрения культурных навыков — все эти меры, при несомненной трудоемкости их осуществления, достаточно поддаются государственному и общественному регулированию и всегда использовались обществом.

Сложнее вопрос о связи содержания той культурной информации, которую воспринимает человек в процессе приобщения к культурным ценностям своего народа и культуре других этносов, с его ориентациями в сфере межнационального общения. Влияет ли в современных условиях и в какой мере ориентация преимущественно на свою национальную культуру или на культуру интернациональную (т. е. не только своего народа, но и других) на межличностные национальные отношения?

В повседневной жизни наиболее широко функционирует профессиональная художественная культура. Обычно писатели и поэты, сценаристы и режиссеры, обращаясь к событиям из жизни своего народа, соотносят

их с общими для судеб всех национальностей нашей страны, но отражают их в своей специфической манере, ориентируясь на восприятие «своих соплеменников». Они способны возбудить чувство национальной гордости, ответственности за судьбы своего народа, т. е. интернационализм как необходимая идеологическая основа выпускаемых массовым тиражом всех художественных произведений не мешает их способности возбуждать национальные чувства.

Можно было предположить, что люди, активнее интересующиеся литературой, искусством других народов, будут проявлять и большую ориентацию на межнациональное общение. Однако такой прямой и тесной связи между ориентациями на национальную и инонациональную профессиональную художественную культуру и установками на межнациональные контакты не оказалось. Эта закономерность прослеживалась среди грузин, эстонцев, узбеков.

Теснота взаимосвязи указанных признаков, выраженная в коэффициентах взаимной информации (R), составляет не более чем 0,003—0,007 (например, у узбеков), в то время как с другими признаками из сферы культуры — образованием, отношением к обрядам, религии — не менее чем 0,02—0,03.

Профессиональная художественная культура у всех советских народов едина по своему идейному содержанию, принципиально нацелена на утверждение взаимопонимания и дружбы между людьми различных национальностей. Приобщение к литературе, искусству своего народа не ведет к этноцентризму, так же как чтение литературы других народов и знакомство с их музыкой, театральной культурой автоматически не влияет на межнациональные установки.

Этот вывод имел практическое значение. Он означал, что нельзя надеяться на то, что сами собой будут улучшаться национальные отношения.

В материалах июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС говорится, что «интернационалистское воспитание следует вести широко, настойчиво... не ограничиваясь фестивалями, декадами и юбилейными вахтами»³⁴.

Восприятие художественной культуры других народов может быть благотворным при дружественных отношениях между национальностями. Вызывая приятные ассоциации, оно является дополнительной почвой для

формирования позитивных межнациональных установок. Если отношения дружеские или даже нейтральные, то восприятие, пропаганда культуры других народов могут способствовать развитию межнациональных отношений в положительном направлении.

Как отмечалось, восприятие художественной культуры других народов различными группами населения имеет свои особенности. Так, интеллигенция обычно проявляет наибольший интерес к культуре, вошедшей в общесоюзный и мировой фонд. Интеллигенция вообще интересуется культурой, научными достижениями других народов часто в силу своих профессиональных потребностей или необходимости в общей эрудиции, в то время как ее отношение к межэтническому общению находится под влиянием других факторов, лежащих главным образом в сфере социальных интересов.

В свою очередь основная масса работников физического труда с точки зрения своих непосредственных профессиональных интересов мало связана с национальными формами культуры других народов. Их интерес в этой области чаще всего эмоционален по своему характеру. Для них приобщение к культуре других народов, так же как распространение языка межнационального общения, означает расширение общего кругозора, устраняющего национальные предубеждения. Естественно, от одного-двух посещений концертов, спектаклей или просмотра нескольких телепередач о других народах у людей вряд ли изменятся установки по отношению к иным нациям. Речь может идти об эффекте лишь системы, направленной (отвечающей интересам конкретных слоев населения), доступной им, и тематически заостренной культурной информации.

Итак, интерес к музыке, танцам, литературе других народов лишь при прочих благоприятных обстоятельствах может явиться эмоциональным моментом, который способен поддерживать дружелюбие к этим народам. Иная степень влияния на межнациональные отношения соционормативной культуры. Повседневные нормы поведения, общения — все то, что мы относим к сфере соционормативной культуры, — не остаются неизменными в жизни людей. У всех народов в трудовой и производственной жизни постоянно увеличивается сходство за счет моральных норм, единых для всего советского общества. Но в быту такие нормы переплетаются с тра-

диционными обычаями, принятыми способами поведения. Национальные ориентации, связанные с традиционной бытовой культурой, и в современных условиях оказывают немалое влияние на межнациональное общение. Так, внутринациональные браки в ряде случаев могут являться не результатом осознанного стремления к ним или нежелания сливаться с другими народами, не проявлением этноцентризма, а скорее привычной нормой, сложившейся под влиянием исторических традиций. Например, среди тех узбеков, которые строго придерживаются традиционных правил, соблюдают родильные обряды, справляют религиозные праздники, носят национальную одежду, вдвое больше лиц, нежелательно относящихся к межнациональным бракам. Не менее 20% узбеков (в городах) считают возможным заключить межнациональный брак в том случае, если в семье будут соблюдаться национальные обычаи. Причем ориентация на эндогамные браки не связана здесь, как правило, с национальной замкнутостью в других сферах общения. От 70 до 90% (по социально-профессиональным группам) узбеков считают, что национальность не имеет значения в трудовом общении.

У других народов и в прошлом не было строго устоявшихся традиций предпочтения внутринациональных браков, межнациональное общение в городах являлось исторически привычным явлением. Но и у них комплекс традиционной бытовой культуры до сих пор достаточно выражен, например у молдаван, среди которых приверженность к старым традициям оказывает в известной мере влияние на межнациональные установки. Так, у тех городских молдаван, которые считают обязательным спрашивать разрешение родителей на брак, благожелательно относятся к национально-смешанным семейным союзам 63%, а среди тех, кто допускает возможность начать семейную жизнь без санкции родителей, — 78% (среди русских в МССР — соответственно 71 и 83%); среди тех молдаван, кто не отмечает религиозные праздники, не возражают против межнациональных браков 76% (в этой группе, конечно, больше молодежи и более образованных людей), а среди отмечающих их — 61%, причем связь традиционных норм и отношения к межнациональным бракам остается устойчивой. Через десять лет опросы населения в Кишиневе показали, что среди молдаван, которые не придерживаются традици-

онных правил во взаимоотношениях с родителями, на треть больше лиц, имеющих положительные установки на межнациональные браки, и в 2 раза меньше тех, кто имеет отрицательные установки.

Анализ связи межнациональных установок с традиционной культурой диктует необходимость выделить «живые» и «уходящие» ее формы. Например, совет с родителями при вступлении в брак, видимо, у большинства народов — живая действительность, так же как у молдаван, узбеков и грузин — свадьбы с национальным ритуалом. (Отметим, что и коэффициент взаимосвязи этих признаков с отношением к смешанным бракам статистически значим.) Эти традиции в ближайшей перспективе сохранятся, но, чем меньше у людей жесткости в соблюдении таких традиционных норм, правил поведения, тем меньше перегородок и в межнациональном общении.

Что же касается «уходящих» элементов традиционной культуры (прежде всего это касается религии), то само изживание их освобождает людей от представлений, ориентирующих в основном на внутринациональное общение. Однако атеизм автоматически не снимает полностью влияния религии на межнациональное общение. И теперь, когда люди освобождаются от религиозных взглядов, не все из них отказываются от обычаев, норм, которые сложились под влиянием религии. Должно пройти время, чтобы только истинные ценности исторических традиций народов остались навсегда.

Совершенно иная в сравнении с народами Средней Азии ситуация у эстонцев с точки зрения бытования традиций. Абсолютно нежелательно относятся к национально-смешанным бракам среди эстонцев и в городе и в селе не более 19%. Но такая широкая свобода в отношении многих традиционных норм не всегда была присуща эстонцам в той мере, как сейчас. Так что отсутствие жестких норм традиционного поведения здесь, так же как у большинства народов, — явление, связанное с урбанизацией и распространением современной культуры.

Вместе с тем в среде эстонцев при урбанизированной, лишенной «патриархальных» черт культуре привились многие нормы некоторых европейских народов. Так, этикет за столом, правила одеваться в том или другом случае (деловое общение, вечерний прием и т. д.) вос-

принимаются ими как признак культурности. При общении с лицами иной национальности, культура которых допускает несоблюдение подобных правил, может накладываться отпечаток на отношение к культуре другого народа.

«Живые» формы поведенческой культуры часто и способствуют межэтническому сопоставлению «мы — они». Причем, как показывают исследования, более образованные люди чаще обращают внимание на особенности поведения, черты характера, под которыми имеются в виду коммуникативные черты — общительность, гостеприимство, или бытовые привычки (аккуратность и т. п.). Менее образованные и пожилые люди национальные различия чаще видят лишь в языке и в обрядах³⁵. Этот вывод фиксировался на основе материалов исследования в Молдавии, а также в аспирантских работах, выполненных в секторе конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР, исследований В. В. Пименова и Г. В. Старовойтовой.

Привычность или непривычность норм поведения вообще имеет определенное психологическое значение для всех, но для людей, живущих преимущественно в этнически однородной среде (а это касается прежде всего сельского населения), — значение особое. Не случайно и в Эстонии среди сельчан, в жизни которых какую-то роль играют старые традиции, мы чаще наблюдали склонность лишь к внутринациональному общению. Среди тех, кто справлял религиозные праздники, предпочитал национальные свадебные обряды, имел в своем гардеробе национальную одежду (т. е. людей, живущих в атмосфере старых традиций), наименьшая доля не придающих значения национальности в общении на работе или в быту. Причем система традиционного поведения также взаимосвязана с отношением и к смешанным бракам.

Известно, что некоторые ритуалы в современной жизни приобрели новое значение. Например, праздники, подобные рождественским, имеют теперь обычно символический, семейный характер. Их отмечает около 55% эстонцев, жителей города и села (а верующих среди них не более 10%). Такие ритуалы носят, вероятно, сейчас этноинтегрирующее значение. И они оказываются взаимосвязанными с межэтническими установками. Сре-

ди не отмечающих праздники типа рождества меньше доля тех, кто категорически высказывается против национально-смешанных браков (20,2% в селе и 23,8% в городе против соответственно 10,2% и 12,3% среди тех, кто не отмечает упомянутые праздники. Коэффициент связи этих признаков (R) в городе даже несколько заметнее — 0,0176, в селе — 0,0127).

Мы обратились к примеру эстонцев как высокоурбанизированной нации, традиционная культура которой существенно трансформировалась. И даже в их среде отмечалось влияние традиционной нормативно-поведенческой культуры на общение.

Естественно, вызывает интерес такая модель взаимодействия традиционных норм поведения и межэтнических отношений, при которой пласт традиционной культуры достаточно силен, но и урбанизированность народа тоже весьма высока. Таким примером может являться грузинская нация. Скажем сразу, в городской среде у грузин отношение к межнациональному общению оказалось мало связанным с приверженностью к традиционным нормам. Расположенность к межнациональному общению в труде и быту заметно не различается в группах, строго придерживающихся традиционных норм в отношениях с родителями, между мужем и женой, в отношении к женщине, в родственных контактах, предпочитающих национальную кухню и т. д., и не придерживающихся этих норм.

В селе отношение к межнациональным контактам на производстве, так же как в городе, практически не взаимосвязано с приверженностью к нормам традиционной культуры, а отношение к национально-смешанным бракам, наоборот, взаимосвязано достаточно жестко. Те грузины в селе, которые считают совершенно нежелательными смешанные браки, как правило, полагают (85%), что молодежь может заключать супружеские союзы только с согласия родителей (среди допускающих возможность смешанных браков этого мнения придерживаются 13%); их отличают тесные родственные контакты (85% из них общаются в свободное время преимущественно с родственниками; среди допускающих смешанные браки только 10% поддерживают такое общение); они ориентированы на проведение свадьбы с национальным ритуалом (66%).

Установки на межнациональное общение в возраст-

ных группах в городе у грузин не имеют заметных различий по возрастам (лишь в группе 60 лет и старше они сдержаннее); так же и в селах в младших возрастных группах и у более квалифицированных работников они весьма благоприятны.

Таким образом, и у наций с относительно более стойкой системой традиционной нормативно-поведенческой культуры урбанизация также ускоряет процесс освобождения от прежних жестких традиционных правил общения, благоприятствует различным межнациональным контактам. Но пока переоценивать глубину этого процесса нельзя. При том, что не более четверти грузин и узбеков совершенно нежелательно относятся к национально-смешанным бракам, лишь около 20% считают, что национальность вообще не имеет значения в браке. Остальные предпочли, чтобы их сын, дочь, сестра или брат имели супругу (супруга) своей национальности, но одновременно не стали бы возражать против выбора, если тот соблюдает их национальные обычаи и обряды и считается с ними (такого мнения придерживаются примерно 20% узбеков как в городе, так и в селе; среди грузин — 35%).

И у узбеков, и у грузин отношение к бракам с лицами иной национальности не означает их узконациональной ориентации в других сферах общения. Так, у грузин (даже в селе, где традиции сильнее), так же как у эстонцев (у которых традиционный пласт культуры в большей степени размыт), почти половина тех, кто настроен против смешанных браков, а среди узбеков еще больше — почти 80% (в селе) положительно относятся к межнациональному общению на производстве.

Сходство культур контактирующих народов, в том числе традиционной, при прочих благоприятных обстоятельствах способно значительно облегчать общение народов (например, славянским народам — русским, белорусам, украинцам — проще общаться в силу не только близости их языка, но и общности происхождения, сходных норм поведения в быту, привычек и т. д.). Различия же культур контактирующих народов могут влиять на их общение, особенно в быту, в какой-то мере осложняют его чисто психологическими причинами — отличающимся восприятием одних и тех же явлений, непривычностью обычаев и т. п. (размеренный ритм беседы, не-

торопливые реакции узбека или таджика для русского и украинца непривычны). Но характер межнациональных отношений никогда не зависит от какого-то одного условия, а является результатом комплекса обстоятельств.

И культура, и разные компоненты ее в современных условиях имеют определенное влияние на те элементы общественной психологии, которые связаны с производственным и непроизводственным межнациональным общением. Господствующая в нашем обществе идеология, научные знания позитивно воздействуют в принципе на все сферы межнационального общения. В то же время соционормативная культура сама имеет разные «пласты», которые в свою очередь имеют и разные сферы влияния и направление в зависимости от содержания.

Интегрированные общесоветские образцы морали, нравственности, поощряемые государством и общественностью, направляют взгляды, установки и поведение людей во всех сферах жизнедеятельности и ориентируют их на дружественное взаимодействие. Национально-специфические нормы, проявляясь преимущественно в быту при неформальном общении людей, в зависимости от исторически сложившихся традиций более или менее жестко ориентируют их на межнациональные предпочтения. В современных условиях это касается главным образом семейного общения, отношения к межнациональным бракам. Но не только культура с ее традициями у каждого народа и современными нормами и научными знаниями влияет на установки и ориентации людей в межнациональных взаимодействиях. Сами сформировавшиеся представления, взгляды, установки людей по поводу межнациональных отношений в свою очередь способны определять изменения в культурных характеристиках народа. Естественно, от характера межнациональных отношений в большей степени зависят изменения в тех сферах культуры, развитие которых сильнее обуславливается межнациональными взаимодействиями.

Межэтнические отношения, казалось бы, меньше всего могут влиять на развитие научного знания. Наука как сфера деятельности интернациональна. Но и для распространения научных достижений имеет значение то обстоятельство, что нередко даже естественнонаучные и технические новшества ассоциируются для некоторых народов с жизнью конкретных наций. Так, на

определенном этапе общественного развития народностей Севера многие достижения мировой науки и техники воспринимались ими через русское посредство и представлялись как «русские».

История знает немало случаев, когда в условиях напряженных межгосударственных отношений делались попытки поставить те или другие народы в состояние изоляции и тем самым нанести вред их социально-экономическому и культурному развитию. В этих случаях речь идет главным образом об отношениях между народами и государствами, а не между людьми разных национальностей. В пределах же одного многонационального государства могут иметь большое значение и межличностные отношения. Тот факт, что в нашем союзном государстве все республики исходят в развитии науки из интересов всего советского народа, что реальностью являются благоприятные отношения между нациями в целом и людьми различных национальностей, несомненно, способствует обмену научными знаниями и развитию науки в каждой из республик. Но даже в благоприятной обстановке Советского государства, когда в поставках оборудования, техники, обмене научными знаниями все организации и коллективы исходят прежде всего из общих его интересов, в современных условиях особое и немаловажное значение имеют и личностные качества — доверие, благожелательный настрой. Не случайно на XXVII съезде КПСС ставился вопрос о повышении отдачи от выделяемых государством ресурсов и эффективности региональной экономики³⁶. Таковы и общественные настроения.

Решающую роль в передаче научных знаний, развитии науки играют средства информации (научные и научно-популярные публикации, радио, телевидение и т. п.), но имеет значение и непосредственное общение ученых. В области гуманитарных дисциплин, в том числе истории, этнографии, литературы, языкознания, от характера межнациональных отношений зависит не только обмен знаниями, но в известной мере и само их содержание. Результаты опросов, в том числе ответы представителей разных национальностей, свидетельствуют о том, что благоприятный характер национальных отношений сказывается на взаимопроникновении научных достижений, что способствует, естественно, экономическому и культурному росту наций.

Межкультурные взаимодействия во всех других сферах еще более тесно связаны с характером национальных отношений. Прежде всего это касается языковой сферы, распространения языка межнационального общения. Язык — важнейшее средство общения и, следовательно, передачи этнокультурной информации. На распространение русского языка как языка межнационального общения в СССР для социального и культурного роста советских наций и народностей обращается постоянное внимание. Изучению факторов, способных содействовать распространению языка межнационального общения, придается большое значение в целях управления не только национальными и социальными процессами, но и национальными отношениями. Среди коренных наций союзных и большинства автономных республик преобладает такой вид двуязычия, при котором второй язык — чаще всего русский — используется в межнациональном общении. (Значительно реже встречаются случаи, когда какая-то часть этноса переходит, условно говоря, на второй язык и во внутринациональном общении.) В каждой из республик этнический состав населения разный и разная необходимость в межнациональных контактах. Это главным образом и определяет необходимость свободного знания людьми языка межнационального общения. Имеет значение реальная функциональная нагрузка того или другого языка, в том числе использование его в деятельности государственных учреждений, в качестве языка средств массовой информации, обучения в высших и средних специальных учебных заведениях. В то же время на использование языка межнационального общения и оценку его знания влияют субъективные факторы, определенная психологическая ориентация. Характер психологических ориентаций может активизировать или тормозить использование языка межнационального общения. В случае негативной психологической ориентации на межнациональные контакты лица, иногда даже владея вторым языком, не используют его в речевом общении. О том, что в наших советских условиях межнациональные установки играют в этом отношении определенную роль, говорит тот факт, что во всех регионах, где проводились этносоциологические опросы, среди лиц, имеющих благожелательные установки, была зафиксирована большая доля лиц, владеющих вторым языком (русским). По данным опроса

1976 г., среди благоприятно настроенных на межнациональное общение в производственной сфере в городах 32% узбеков свободно владели русским языком, среди благоприятно относившихся к смешанным бракам — 38%, а в группе лиц, предпочитающих внутринациональное общение, владеющих русским языком было соответственно 26 и 16%. У эстонцев доля свободно владеющих вторым языком (русским) среди лиц, имеющих благоприятные установки на межнациональные контакты, в середине 70-х годов была на треть выше, чем у не имевших таких установок.

Распространение второго (русского) языка оказывает в основном опосредованное влияние на этнокультурные процессы, т. е., используя русский язык, люди различных национальностей, как правило, не теряют своего родного языка (что не исключает в ряде случаев изменений в его функциональной нагрузке). Вместе с тем знание второго языка расширяет возможности приобщения к культуре других народов СССР и духовным достижениям мировой цивилизации.

Поскольку знание языка межнационального общения расширяет возможности личностных контактов, то его опосредованное влияние может сказываться и на известных изменениях в соционормативной культуре. В этом отношении контакты в быту могут даже сильнее, чем производственные, усиливать этнокультурные взаимовлияния.

Иная ситуация у наций некоторых автономных республик. По результатам последней Всесоюзной переписи, назвали родным языком язык своей национальности 67% башкир, 72,6% мордвы, 76,5% удмуртов. Переход на русский язык связан, помимо прочих объективных факторов, с благоприятными межнациональными отношениями. Смена языка не меняет национального самосознания людей этих национальностей, но означает активные этноязыковые процессы, существенно трансформирующие соотношение национального и интернационального фондов в других областях культуры.

Владение языками определяет возможности людей обращаться к литературе, драматургии, кино и прочим формам искусства, имеющим языковое выражение. Межнациональные отношения, влияя на языковые процессы, связаны и с восприятием художественной культуры других народов. Если исходить из отдельных межнацио-

нальных сопоставлений, то такая связь обнаруживается. Например, у молдаван нами зафиксированы наиболее благоприятные межнациональные установки в сравнении с другими изучавшимися народами, и среди них особенно высока доля назвавших среди выдающихся деятелей культуры представителей других национальностей. У русских (в Саратовской области) также очень благоприятные установки на межнациональные контакты, а в культурных ориентациях доминирует и знание, и интерес к своему национальному фонду культуры. Совершенно очевидно, что межкультурная трансмиссия — явление, связанное со многими обстоятельствами, среди которых характер национальных отношений контактирующих народов лишь одно из них.

Культурные запросы и вкусы людей, в том числе использование ими достижений других народов, связаны решающим образом с их социальными ролями и культурным кругозором. При этом речь идет главным образом о профессиональной художественной культуре. Вопрос о взаимовлиянии межличностных национальных отношений и народной художественной культуры требует дополнительного специального изучения. Можно предположить, что в пограничных районах с этнически смешанным населением при повседневном дружественном общении людей различных национальностей элементы народной художественной культуры активнее перенимаются этносами. Результаты исследования показывают, что позитивное отношение к общению с другими народами оказывается согласованным с широкой ориентацией на инонациональную, интернациональную культуру.

Зоной относительно стойкого сохранения этнического своеобразия в этнографии и социологии считается соционормативная культура. Изменения здесь происходят не только за счет распространения общесоветских норм, но и за счет межкультурной трансмиссии, которая может увеличиваться в зависимости от частоты контактов, их масштабов и степени близости. Не только производственное, но и бытовое общение создает ту обыденную атмосферу, в которой при благоприятных отношениях в силу психологических закономерностей довольно легко заимствуются нормы повседневного поведения. Так, проживая среди основной, коренной нации, представители других народов, в том числе и русское население в республиках, сближаются в нормах общения и поведения

с численно преобладающей группой (русские в нормах взаимоотношений старшего и младшего поколения, а также супругов, например, в своих представлениях о возможности самостоятельно решить вопрос о том, заключить брак или разорвать супружеский союз, в ориентациях на рождаемость сближаются с теми нациями, в среде которых живут). В Узбекистане 63% русских-горожан считают, что развод недопустим, если в семье есть дети, и почти 60% — в Грузии и Молдавии, в РСФСР — 54% и в Эстонии — 50%. Интенсивность межкультурных влияний, естественно, зависит от массовости иноэтнического окружения и от престижности культуры, что отражает и характер межнациональных отношений.

Фактором сближения норм поведения является непосредственное общение, причем восприятие, освоение бытовых норм в основном может происходить через контакты в сферах наиболее личностного — семейного и дружеского — общения, сам факт которого говорит о благоприятных отношениях. Как показало исследование, более близки представления о нормах внутрисемейной жизни у русских и лиц основной, коренной национальности в Молдавии и в Эстонии, где, видимо, дополнительным обстоятельством выступает сходство в уровне социально-экономического развития контактирующих народов, затем в Грузии и Узбекистане. Условия культурного взаимодействия русских с основной, коренной национальностью в Молдавии, Эстонии, Грузии и Узбекистане различаются по степени общения. В Молдавии выше теоретическая вероятность общения национальностей уже в силу более высокого уровня многонациональности состава населения, шире межличностные контакты, больше доля людей, которые находятся в личной дружбе с людьми других национальностей, имеют родственников другой национальности, и выше доля лиц, которые считают, что национальность не имеет значения в общении, в том числе семейном.

Конечно, между трансмиссией в сфере соционормативной культуры и характером межнациональных отношений существует двустороннее влияние. Большое различие в соционормативных аспектах культуры может вызвать некоторые опасения в сфере интимного — семейного и дружеского — общения уже в силу непривычности. В свою очередь отсутствие межнационального общения

в семье, среди друзей способствует сохранению соционормативных различий в культуре контактирующих народов и затрудняет взаимовлияние.

Если в художественной, в том числе народной, культуре сохранение национальных особенностей делает жизнь людей более многоцветной и практически в современных условиях не несет отрицательной социальной нагрузки, то в соционормативной культуре есть и такие нормы, которые несут антигуманистические начала, не отвечающие представлениям о современном стиле жизни. Общество заинтересовано в их вытеснении и ведет с ними борьбу. Средствами борьбы являются как государственное законодательство, так и идеологическая пропаганда. Однако в процессе восприятия декларируемых и пропагандируемых норм немалую роль играют психологические закономерности и процессы, например такие, как заимствование, подражание. Если и те и другие социокультурные нормы, поддерживаемые государством (положительные образцы), приняты какими-то из контактирующих групп, а сами эти группы находятся в дружественном, благоприятном общении с другими, то положительные образцы имеют дополнительный стимул к распространению.

Калым — отжившая норма. В Узбекистане, как показало исследование, свыше 80% узбеков считают калым вредным (конечно, отношение к нему и реальное распространение — явления не тождественные, но тенденции все же совпадают). Русским, украинцам, контактирующим с узбеками в Узбекистане, такие нормы не свойственны. Передача этих норм, не соответствующих современному стилю жизни, зависит в известной мере от межэтнических установок. Среди городских узбеков, которые имеют благоприятные установки на межнациональные контакты, прежде всего в трудовой сфере, считают калым вредным 83%, среди имеющих положительные установки на межнациональные браки — 91%, в то время как среди имеющих негативные установки на межнациональное производственное и семейное общение калым считают вредным соответственно 68 и 71%. С точки зрения социальной практики роль дружественного характера межнациональных отношений в передаче положительных образцов поведения несомненна.

Есть и еще одна важная социальная и национальная проблема, решение которой связано с межнациональны-

ми отношениями. Речь идет об адаптации мигрантов в инациональной среде. Замечено, в том числе и в ходе нашего этносоциологического исследования, что лучше приживаются те мигранты, которые осваивают нормы поведения, свойственные коренным национальностям. В Грузии число русских за период между последними переписями сократилось с 397 до 372 тыс. человек³⁷. Но среди тех русских, которые знают грузинский язык, как уже говорилось, практически нет лиц, имеющих намерение покинуть республику. Русские-старожилы в Грузии чаще всего положительно отзывались о грузинской взаимопомощи, их гостеприимстве, как правило, наделяли грузин положительными качествами при определении их национального стереотипа.

Адаптация происходит быстрее и безболезненнее у тех, кто имеет определенную расположенность к иноэтнической среде. При изначальных благоприятных установках тех людей, которые приезжают в национальные районы, они не только быстрее воспринимают культурные нормы новой среды, но и лица коренных национальностей адаптируют нормы тех наций, которые представлены мигрантами. Если говорить о русской культуре, то в советских условиях она в значительной мере является транслятором общесоветской культуры. Таким образом, передача русской культуры усиливает интеграционные процессы в обществе.

Межнациональные установки и ориентации имеют разную степень значимости с точки зрения культурных взаимовлияний при контактах многочисленных наций (например, русские — грузины, эстонцы — русские) и при контактах менее многочисленных инациональных групп в республиках (например, русские — курды, грузины — курды). При благоприятных межнациональных отношениях в Грузии между всеми контактирующими национальностями русские и грузины более свободны в выборе языка, который они употребляют, норм, которым они следуют. В то же время осетины или курды в своей производственно-общественной жизни выбирают либо грузинский, либо русский язык, ориентируясь на ту или другую художественную культуру в ее профессиональных формах. Этнокультурные процессы у немногочисленных национальных групп в республиках идут более сложным путем и имеют свою социальную значимость. Национально-культурные ориентации у этих групп часто ока-

зываются связанными с их социальным ростом, возможностью получения высшего образования, расширением общего диапазона культуры. Язык, культура — это та область межнациональных взаимодействий, где изменения приводят к заимствованиям, расширению культурной информированности и диапазона поведения людей, а иногда к частичной или полной их аккультурации. При дружественных межнациональных отношениях эти процессы протекают естественным, добровольным путем и не ущемляют национального достоинства людей.

Весь приведенный материал свидетельствует, насколько тесно связаны культура, духовная жизнь народов в многонациональном обществе с социально-психологическими аспектами взаимодействия людей различных национальностей, их установками, ориентациями, в том числе в сфере культуры. Но сами эти установки и ориентации являются частью или могут быть проявлением национального самосознания. К этой проблеме мы и переходим.

4. ДИНАМИКА КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Национальное самосознание самым непосредственным образом связано с культурной жизнью каждого народа. С одной стороны, оно является отражением объективно функционирующих признаков нации, в том числе культуры, языка. С другой — оно само способно стимулировать развитие культуры народов, активно влиять на создание новых духовных ценностей и широкое распространение исторического фонда культуры, поддерживать интерес к созданным на протяжении всей истории народов литературным памятникам, произведениям искусства, обычаям и обрядам.

Научная и практическая значимость изучения национального самосознания, причин его роста, соотношения с сознанием общности советского народа, а также связи с развитием национальных отношений в такой многонациональной стране, как СССР, бесспорна. Как отмечается в документах Коммунистической партии, рост национального самосознания — «закономерный, объективный процесс», вместе с тем важно не допускать его гиперболизации, учитывать, что сложившиеся межна-

циональные отношения в нашем государстве не являются «чем-то застывшим, неизменным, не подверженным влиянию новых обстоятельств и времени»³⁸.

Каждый новый виток истории вносит свои черты в развитие не только всего советского народа, но и каждой нации и народности, создает новую ситуацию для межнациональных контактов, осмысливается людьми разных национальностей как с общих позиций, так и с позиций судьбы своего народа. Следовательно, наука может служить практике, если будет полнее раскрывать механизмы формирования национального самосознания, общие и специфические факторы, определяющие его развитие, осмысливать обстоятельства и предостерегать от условий, ведущих к этноцентризму, национальным предубеждениям.

Остановимся на тех аспектах развития культуры, которые влияют на базу формирования национального самосознания и стимулируют его развитие.

Чтобы рассмотреть взаимосвязь изменений в культуре и национальном самосознании, поясним, как представляется его содержательная структура. Вычленение элементов национального самосознания зависит от понимания его в узком значении, только как национального самоопределения, или, в более широком³⁹. В начале 80-х годов в «Очерках теории этноса» Ю. В. Бромлей дал наиболее полную характеристику содержательной структуры национального самосознания в широком его понимании⁴⁰, которая оказалась наиболее приемлемой для операционального определения и эмпирического изучения интересующего нас феномена.

В национальном самосознании выделяются такие элементы, как национальная идентификация; представления о типичных чертах своей общности, ее свойствах как целого — автостереотипы; представления об общности исторического прошлого народа; о территориальной общности («родной земле»), а при определенных конкретно-исторических условиях — и о государственной общности. Как о самостоятельном элементе национального самосознания можно говорить об осознанном отношении людей к материальным и духовным ценностям нации, ее достижениям, ориентации на них. В наиболее обобщенном виде такое осознанное отношение к своему народу, его ценностям выступает в виде национальной гордости, патриотизма.

Одним из существенных элементов национального самосознания является осознание национальных интересов. Их выделению мы придаем особое значение.

Практически все элементы национального самосознания связаны с чувствами, настроениями, восприятием, установками, ориентациями.

Национальное самосознание, как известно, можно изучать (особенно для предшествующих этапов истории), обращаясь к таким источникам, как объективированные формы культуры, письменные памятники — летописи, исторические хроники, эпиграфические источники, произведения литературы, искусства, данные фольклора. При изучении национального самосознания на современном этапе социологи, психологи, историки и этнографы обращаются также к изучению мнений, установок, национальных стереотипов, ориентаций личности. Национальное самосознание на уровне личности — это осознание субъектом совокупности своих национальных (этнических) связей и своего отношения к ним⁴¹. Оно является частью самосознания личности в целом.

Психологи выделяют три аспекта самосознания: познавательный (самопознание), эмоционально-ценностный (самоотношение) и регулятивный (саморегуляция поведения личности)⁴². И все они могут присутствовать в любом из элементов национального самосознания.

Одновременная фиксация в нашем исследовании индикаторов национальной идентификации, этнокультурных ориентаций, национальных интересов, бытования традиционной и современной, национальной и интернациональной, общесоветской культуры позволяет при анализе соотнести изменения в культуре и отражение их в национальном самосознании людей.

Поскольку в данной работе нас интересует прежде всего влияние изменений в культуре на национальное самосознание, остановимся на тех его элементах, в которых так или иначе отражается культура народа. Начнем с национальной идентификации, самоопределения. Каждый идентифицирует себя в процессе сопоставления с другими людьми и себя как члена общности в сравнении с другими этническими, национальными общностями. Дифференцирующие функции выполняют различные компоненты материальной и духовной культуры нации, в том числе язык, соционормативная (системы ценностей, нормы поведения, обычаи, обряды) и художествен-

ная культура. Они служат базой, основой для сопоставления, прежде всего для национальной идентификации.

Тенденции в развитии национально-специфической культуры, отражаемые в сознании людей, сложны и не столь однозначны, как иногда представляется. Это совершенно очевидно по результатам этносоциологических исследований. При сравнении ответов грузин, жителей Тбилиси (т. е. той части грузинского населения, которая позволяет прогнозировать тенденции развития нации союзной республики с устойчивой специфичностью в культуре), городских удмуртов (представителей нации автономной республики, у которой, по оценкам специалистов, в целом происходит постепенное сокращение чувства этнического, но в ближайшем будущем едва ли можно ожидать резкого спада этничности народа в целом), карел и вепсов — жителей Карельской АССР (в культуре которых, по оценке этнографов, сужение этнически-специфических черт и интеграционные процессы наиболее выражены), становится очевидным, что у карел, вепсов и, в известной мере, у удмуртов, значения признаков, по которым люди этих национальностей идентифицируют себя со своим народом, невелики (32—35% ответили, что их сближают обычаи, обряды, 6—8% назвали психологические характеристики)⁴³; в то же время свыше 80% грузин ответили, что их роднит со своим народом язык, свыше 70% назвали обычаи и обряды, до 50% и более считали, что их связывает духовная культура, имея в виду прежде всего музыку, танцы, литературу. Такие оценки вполне понятны. Не менее половины грузин в городах предпочитают придерживаться национальных обычаев при проведении свадьбы, 73% — традиций во взаимоотношениях супругов в семье, 61% — в нормах общения родителей и детей, до 70% отдают предпочтение народной музыке и танцам наряду с произведениями профессиональной музыки, 99% грузин считают родным грузинский язык, свыше 90% пользуются им в быту и свыше 80% — на работе. В более молодых и квалифицированных группах наблюдается тенденция не столь строгого соблюдения традиций, широко распространено двуязычие, тем не менее и функционирование родного языка и национальной культуры, в том числе на бытовом уровне, вполне устойчиво.

Среди удмуртов в городах примерно лишь треть населения ориентирована на соблюдение свадебных традиционных обычаев, отдает предпочтение народным танцам, песням; около 40% выразили интерес к национальной профессиональной музыке; 30% читают книги удмуртских авторов в городах, считают родным удмуртский язык 69,5%, говорят на нем на производстве 5,3%, в семье — 15%⁴⁴.

В целом, судя по образу жизни прогнозирующих групп населения (городской молодежи, специалистов с высшим образованием), сокращение этнокультурной специфики как базы национальной идентификации наблюдается у всех народов, но нередко обнаруживается тенденция к компенсации убывающей традиционной культуры культурой профессиональной — национальной по форме, что отражается на самосознании людей. Наиболее очевидно это проявляется у русских, эстонцев. Язык же практически у всех народов (даже наиболее урбанизированных) остается основой национальной идентификации.

Непосредственно с трансформацией культуры народов, изменением соотношения в ней традиционного и современного слоев, национального и интернационального связано функционирование и такого элемента национального самосознания, как отношение к материальным и духовным ценностям, достижениям своего народа. Материальная культура значительно меньше содержит в современных условиях национальной специфики и выступает «опорной» для национального самосознания чаще всего в тех случаях, когда ее элементы приобретают этносимволизирующее значение (сванки у грузин, шелк с национальным орнаментом или тюбетейки у узбеков и т. п.). Что же касается духовной культуры, то ориентация на нее выражается в предпочтениях национальной литературы, народной музыки, танцев, обычаев (желании следовать национальным традициям в быту, во взаимоотношениях в семье, между поколениями и т. д.), обрядов (в том числе свадебных, родильных и т. д.). Здесь наблюдаются заметные вариации у народов, связанные и со степенью урбанизации, и с историко-культурным прошлым. Так, предпочтение национальной народной музыки и танцам выразили чуть больше трети опрошенных эстонцев, но свыше 80% узбеков; считают необходимым придерживаться обычая вступать в брак

с согласия родителей 22% эстонцев, но 88% узбеков и свыше 60% грузин (данные приведены по городскому населению).

Естественно, индивидуальное предпочтение национальной народной или профессиональной музыки, танцев не всегда можно интерпретировать как проявление национального самосознания. Такое отношение к национальным ценностям служит выражением национального самосознания, если удастся зафиксировать, что оно является осознанным.

Среди использованных в этносоциологических исследованиях признаков фиксирующим отношение к национальной культуре, наиболее тесно связанным с самосознанием, оказался выбор респондентами выдающихся деятелей культуры, к которым они испытывают расположение, отдадут им предпочтение. Естественно, среди выдающихся писателей, ученых, композиторов, художников, артистов опрашиваемые во всех республиках называли деятелей не только своей национальности, но и других, внесших вклад в общесоюзную и мировую культуру. Если же выделить группу ориентированных преимущественно на деятелей национальной культуры, что может служить более веским индикатором выражения национального самосознания, то среди эстонцев, русских, грузин, узбеков она составит от 65 до 70% и выше, среди молдаван — 22%.

Ориентация на национальную культуру в профессиональной форме, очевидно, связана в современных условиях главным образом с уровнем ее развития. В социальных группах расположение к профессиональной культуре определяется потребностями в ней в связи с выполнением людьми тех или иных производственных и общественных ролей.

Осознанное отношение к достижениям культуры своего народа как индикатор национального самосознания особенно рельефно проявляется у лиц той или другой национальности, живущих в иноэтническом окружении. В этом случае исторически сложившийся фонд культурных ценностей имеет немаловажное значение. Убедительно проявилось это при исследовании культурных ориентаций национальных групп, живущих в Ленинграде. М. А. Коган фиксировала у армян (представителей разных социальных групп) при широком диапазоне культурных интересов в целом особенно хорошее знание и

ориентацию на достижения национальной профессиональной культуры.

Со временем внимание людей к ценностям, достижениям культуры своего народа, выраженной в профессиональной форме, будет видимо не меньше, а больше. Не только художественные ценности прошлого, но и современная художественная культура у все более широких масс получает признание и становится предметом гордости.

Интерес к культуре своего народа связан с другим признаком национального самосознания — отношением к его истории, представлением о его прошлом. Известным индикатором этого является интерес людей к литературе о прошлом своего народа. Судя по результатам опросов, интерес к ней велик у всех народов. В опросном листе было выделено семь тем, к которым респонденты выражали свой интерес: литература по общественно-политической тематике, темы, связанные преимущественно с психологией человеческих отношений, о любви и дружбе, приключенческо-фантастическая тематика, о войне, о прошлом своего народа, наконец, литература по специальности. Среди этих тем литература о прошлом своего народа по степени проявляемого к ней интереса была у грузин на первом месте, у узбеков — на втором, у эстонцев — на третьем, у русских — на четвертом. Но у русских интерес к литературе о прошлых военных событиях, которые тоже являются частью истории, был на первом месте⁴⁵. (См. приложение, с. 294.)

По интересу к литературе о прошлом своего народа можно в известной мере судить об исторической памяти народа, которая во все времена и у всех народов имела место. Из поколения в поколение передавались исторические, культурные события, запечатленные в профессиональных исторических и литературных произведениях, а также в мифах, легендах, былинах, сказаниях. Объем исторической памяти у каждого человека или социальной группы варьирует в зависимости от образования, широты общекультурных знаний, а у некоторых людей даже просто от способности к запоминанию. Но актуализация исторических культурных событий и явлений зависит от определенных обстоятельств, и прежде всего от социальных ситуаций, активизирующих, а иногда и обостряющих национальное самосознание. Так, историческая память обычно активнее у народов не самых

многочисленных. Во время этноэкспедиций в Грузию «московскую» часть исследовательской группы поража-ло, насколько грузины хорошо знают события истории своего народа, гордятся деятелями культуры, их произведениями. Причем знают их хорошо все — не только интеллигенция, но рабочие, служащие, люди пожилые и молодежь. И эти впечатления впоследствии нашли отражение в обобщенных результатах опросов: у грузин практически не было затруднявшихся ответить на вопрос о выдающихся национальных деятелях, и знания о них были, как правило, широкими.

В программе интервью не было сколько-нибудь развернутого «веера» вопросов об истории, по сути дела: одни лишь вопросы о выдающихся деятелях, к которым люди испытывают особое расположение, и вопрос о литературных интересах. Но вокруг ответов на них очень часто разворачивались оживленные рассказы, люди делились сокровенными, глубокими впечатлениями. По обобщенным результатам опросов оказалось, что среди выдающихся деятелей (художников, ученых, писателей и т. д.) исторические деятели упоминались узбеками, молдаванами в 5 раз, а грузинами в 6 раз чаще, чем, например, ученые, и практически в 2 раза чаще, чем деятели культуры. Русские упоминали исторических деятелей в 3 раза чаще, чем ученых. Но при этом надо иметь в виду, что имя В. И. Ленина, которое чаще всего называли люди разных национальностей, при классификации относили, естественно, к классикам марксизма-ленинизма. Такая глубокая и широкая историческая память не могла быть развита лишь базовым образованием и средствами массовой информации. Она закладывалась, как можно было судить по рассказам, семьей, родственным и дружеским окружением.

Культурные, исторические события обычно не просто осознаются людьми как часть своего прошлого, по отношению к ним возникает субъективное ощущение связи преемственности традиций. А в целом и осознанное отношение к историческим событиям, ценностям, и чувства, связанные с таким отношением, — все это является проявлением национального самосознания.

История знает немало примеров, когда вокруг имен исторических деятелей или деятелей культуры создавался ореол национальных героев, и они становились символом национальных движений.

Среди выдающихся деятелей писатели, поэты, художники, композиторы назывались обычно чаще, чем ученые (русские, узбеки, молдаване — вдвое чаще); причем деятели культуры своей национальности у грузин и русских составляли $\frac{4}{5}$, у молдаван и узбеков — свыше половины. Можно с основанием утверждать, что деятели культуры прочно входили в историческую память народов. Грузины в ряду других упоминаемых выдающихся деятелей часто называли имя Важа Пшавелы, писателя, который обращался к героическому прошлому своего народа, ставил проблемы взаимоотношения человека и общества, долга перед народом. Узбеки наиболее часто называли Алишера Навои — поэта и мыслителя, государственного деятеля. У азербайджанцев особо почитаемым поэтом и мыслителем является Низами Гянджеви и т. д.

Особую популярность приобретали выдающиеся деятели литературы и искусства у тех народов, профессиональная культура которых активно формировалась в последние десятилетия. Они становились символом национальной гордости. Характерна громадная популярность киргизского писателя Ч. Айтматова, ставшего одним из любимых прозаиков у всех советских народов, аварского поэта Р. Гамзатова, молдавского драматурга И. Друцэ. О популярности национальных писателей говорят громадные тиражи их произведений, экранизации, постановки спектаклей по их книгам. Это признание их творческих достижений. Но любопытен такой факт. В год 50-летия Чингиза Айтматова (как показали результаты изучения материалов загсов С. И. Каракеевой) очень многих мальчиков в Киргизии называли его именем, и это можно расценивать как проявление национальных чувств.

Симптоматичным в 70—80-е годы было внимание к истории и культуре своего народа, выражавшееся в посещении исторических и этнографических музеев. В Эстонии, по данным Международного исследования, осуществленного Венским центром по координации научных исследований и документации в области социальных наук (при ЮНЕСКО), в котором авторы принимали участие, Музей истории и археологии посещают раз в год и чаще 54% эстонцев, Музей народного искусства и этнографии — 43 и исторические памятники — 72%. Интерес к историческим памятникам и музеям особенно

высок в более образованных группах. Этим же исследованием было зафиксировано, что в более чем половине семей родители обычно поощряют детей к чтению исторической литературы и просмотру фильмов исторического содержания. Скорее всего это было проявлением не только стремления дать детям общекультурные знания, но и национального самосознания. Об устойчивом сохранении у народа интереса к своей истории можно судить и по тому, что при опросах молдаван 70% респондентов выразили желание увеличить число передач по радио и телевидению об истории их народа.

Историческая память включает не только события давно минувшего, но и не так давно происшедшего и в какой-то мере переживаемого момента. Недаром же мы говорим об истории современности. Интерес к сегодняшней жизни своего народа имеет место у всех, рельефно его можно было зафиксировать у национальностей, живущих в иноэтнической среде. По данным, обобщенным В. К. Мальковой, в Грузии в 1975 г. на каждые 100 человек азербайджанцев приходилось 270, выписываемых и издававшихся в Азербайджане газет, на 100 человек армян — 112,4 газет из Армении, на каждые 100 человек белорусов — 164,2 газеты из Белоруссии. На каждых 100 узбеков, проживающих в Таджикистане, приходится 84,4 экземпляра газет из Узбекской ССР⁴⁶. Такой интерес к жизни своей нации, очевидно, означал осознание людьми связи с ней, ощущение сопричастности к ее достижениям как деяниям своей общности.

Видимо, включенный в историческую память «культурный арсенал», так же, впрочем, как и события исторического прошлого и «исторического настоящего», входит в образ «мы» не менее значимой составной частью, чем представление о каких-то типичных чертах народа — то, что называют национальным автостереотипом. Это как бы потенциал или потенциальный запас национального самосознания. Он может «сработать», начать действовать, приводить в движение, направлять поступки людей или оставаться неактуализированным в зависимости от создавшихся условий. Завершая анализ культуры как питательной среды национального самосознания и его потенциала, подчеркнем итог: действительно, сравнительные материалы по городу и селу, по возрастным группам, а также по нациям (с разной степенью включенности в урбанизационные процессы) убеждают

в том, что такой источник национального самосознания, как традиционная культура, суживается. Однако она еще довольно значима у народов Средней Азии, Закавказья, у молдаван. В то же время по параметрам профессиональной художественной культуры, осмысления исторического прошлого эти источники компенсируются. Культурные интересы в целом становятся более многообразными за счет внимания также к инонациональной литературе и искусству.

Исследователи обращают внимание на то, что и национальное самосознание, отражая культуру как признак нации, способно оказывать на нее собственное влияние, нередко реанимируя те или иные элементы, хотя далеко не всегда адекватно первоначальным вариантам. 70—80-е годы демонстрировали нам возрождение при поддержке государства и общественности фольклорных ансамблей, обращение музыкальных коллективов к народному песенному творчеству, возобновление многих художественных промыслов и некоторых других форм традиционной народной культуры, функционирующих теперь на профессиональной основе. Они в свою очередь становятся предметом национальной гордости, на них часто концентрируется осознанное отношение к достижениям национальной культуры не только у профессионалов (творцов, создателей и исполнителей), но и в среде широких масс населения. За их успехи «болеют», радуются их популярности, на развитии их сосредоточиваются подчас национальные интересы. Симптоматично, что интерес к концертам популярных ансамблей, работающих на национальной народной основе, проявил заметно более широкий круг населения по сравнению с отдававшими предпочтение народной музыке. И естественно, особенно характерно это для горожан: среди русских — 65 против 31%, грузин — 94 против 53%, эстонцев — 43 против 37%.

Реанимированные формы традиционной культуры, функционирующие на профессиональной основе, пожалуй, даже чаще, в сравнении с народной культурой или просто профессиональной, несут этносимволизирующее значение, они чаще становятся базой не только для культурных ориентаций как элемента национального самосознания, но и для национальных интересов.

Национальные интересы — одно из самых сложных социально-психологических образований в системе на-

ционального самосознания. Они могут выражаться в самых различных областях жизни, т. е. поле для них отнюдь не исчерпывается зоной этнокультурных явлений, оно неизмеримо шире. Другой вопрос, что зоны актуализации национальных интересов, в том числе и в сфере культуры, подвижны, относительно быстро могут меняться. Культурные интересы взаимосвязаны с социальными и, как правило, являются их выражением. Именно поэтому сокращение этнической специфики в культуре народов не имеет существенного значения для формирования национальных интересов с точки зрения их базы, объективных оснований. Они обычно опираются на социально значимые явления культуры в тех или иных исторических условиях. И они не исчезают, пока не исчерпывают своих возможностей с точки зрения обеспечения жизнедеятельности того или иного народа. Это, конечно, не значит, что в реальной жизни национальные интересы все чаще проявляются или будут давать о себе знать. Все зависит от социальной ситуации в самом широком понимании. В СССР очень часто национальные интересы совпадают с жизненными интересами республик и всего советского общества. Это означает соединение таких интересов, но не замещение.

Национальная культура, в том числе язык, является питательной средой национального самосознания, но сама культура не исчерпывается ее компонентами, имеющими национальные формы. Она включает науку, профессиональные и общеобразовательные знания, общественно-политическую информацию, обогащающую общий кругозор людей. Именно это определяет рост самосознания человека вообще, включая и национальное самосознание как его часть.

Если культуру народа как объективную реальность, отражаемую национальным самосознанием, условно говоря, можно сравнить с используемой почвой, то образование, знания, информация от новых межкультурных контактов являются влагой, способной стимулировать рост национального самосознания. Именно на историческом этапе, когда образование становится общедоступным, а средства коммуникации обеспечивают взаимную информацию народов, можно говорить о действительно массовом национальном самосознании.

Материалы конкретно-социологических исследований в известной мере дают сведения о влиянии культурного

прогресса на рост национального самосознания. Это, в частности, находит проявление в том, что с ростом образования и квалификации в группах (особенно среди специалистов с высшим образованием) заметно полнее и разнообразнее набор признаков, по которым люди идентифицируют себя с этносом. У интеллигенции духовная культура чаще является более существенной при идентификации⁴⁷. Работники умственного труда среди карел и вепсов, например, в 2 раза чаще идентифицировали себя по ней в сравнении с работниками физического труда⁴⁸, у удмуртской интеллигенции не только зафиксирована интенсивность выявленных внутринациональных связей, но и обнаружено профессионально ориентированное сочетание факторов этничности⁴⁹.

Кроме образования национальное самосознание стимулирует приобщение к литературе, к информации, передаваемой средствами массовой коммуникации.

Знания как результат отражения общественно-исторической практики, а также информированность личности определяют не только такой элемент национального самосознания, как национальная самоидентификация (о чем речь шла выше), но и другие его элементы — представления об общности происхождения, исторической судьбы, территории, которые неизмеримо расширяются с повышением уровня образования и культурной активности личности. Это прослеживается на эмпирическом материале, и проявляется в частности, в том, что общность исторической судьбы представители более образованных слоев населения чаще упоминают как признак того, что роднит человека со своим народом.

Национальные интересы, осознаваемые личностью, также детерминируются ростом социальной заинтересованности людей, связанной с их культурным диапазоном, расширением сферы их деятельности. Не случайно в ходе опросов среди проблем первостепенной общественной значимости такие проблемы, как развитие национальной культуры, экономический прогресс наций, борьба с элементами шовинизма и национализма, чаще всего назывались людьми наиболее образованными, квалифицированными (городская интеллигенция, а среди нее — представители научно-гуманитарной интеллигенции). Если среди сельских молдаван выделили эти проблемы всего около 2%, то в городе — 13%, в том числе среди интеллигенции — более 20%, ее научно-гумани-

тарной прослойки — 30%. Причем оценки эти практически совпадали в среде как молдавской, так и русской интеллигенции в Молдавской ССР. В других республиках прослеживалась та же закономерность. И чем больше представительство образованных, квалифицированных групп в составе наций, тем чаще встречались такие выборы. При этом в целом преобладали общие для всех народов интересы — укрепление мира, обороноспособности государства, идейное воспитание молодежи и т. д. Общесоветское самосознание и интересы сочетаются с национальными.

В формировании общественного сознания в современных условиях велика роль средств массовой информации. Стимулируют, активизируют самосознание передачи и статьи о национальных героях, о событиях, затрагивающих национальные чувства людей, пропаганда успехов республики, исполнение национального гимна, демонстрация национальных республиканских флагов.

Специальные исследования, проведенные в различных странах, и в частности среди студентов Канады, показали, что, по их оценкам, просмотры программ телевидения оказались в числе факторов третьей группы значимости из четырех групп, выделенных в ходе факторного анализа⁵⁰. Более существенным фактором оказалось межнациональное общение — посещение других стран, разговоры с представителями других народов. Это соответствует и теоретическим выводам о формировании самосознания в процессе сопоставления себя с другими людьми. В литературе употребляется в таких случаях противопоставление «они — мы». На наш взгляд, термин «сопоставление» вполне может отвечать отражению процесса выделения «себя», «своих» из «других». Противопоставление же означает, пожалуй, не просто соотношение себя с другими, но и уже известную приоритетность.

Межнациональное контактирование, несомненно, способствует не только национальной идентификации, но и росту национального самосознания в целом. Насколько в советских условиях активно его влияние и велика значимость в ряду других факторов — этот вопрос требует специального изучения. Материалы, которыми мы располагаем, дают основание для выводов о том, что межнациональное контактирование действительно способствует формированию национального самосознания.

В городах с высоким уровнем многонациональности «наполненность» национальных автостереотипов и гетеростереотипов (стереотипных суждений о других народах) выше; при идентификации горожане опираются на большее число признаков, а отношение к своим национальным ценностям у них более выражено. Все это означает, что при межнациональном общении потенциал национального самосознания у людей выше, чем в однонациональной среде, но он не всегда и не обязательно широко используется и тем более гиперболизируется. В такой обстановке все зависит от социальной и политической ситуации межнационального общения. Бывают случаи, когда и при неувеличивающемся межнациональном общении, и при не столь полном у народа потенциале национального самосознания оно вдруг дает всплески гиперболизации и, наоборот, при росте его и широком потенциале вполне сочетается с дружественными межнациональными отношениями.

Можно даже утверждать, что большой потенциал национального самосознания позволяет государству в целях общественного прогресса использовать из него тот запас, который окажется особенно эффективным в конкретной ситуации. Так, в условиях начала второй половины 80-х годов, когда вся страна ориентируется на ускорение социально-экономического прогресса, возможно добиться успеха, опираясь на чувство национальной гордости и национально-специфические личностные ценности каждого народа и используя их как дополнительные стимулы трудовых усилий людей. Предпринимаются усилия сложившуюся ориентацию русских на труд интенсифицировать, обращаясь к революционным, производственным традициям старых пролетарских центров и новому передовому опыту современных предприятий — первого эшелона научно-технического прогресса. Осознанную национальную сплоченность грузин партия направляла на борьбу с негативными явлениями в морально-нравственной сфере. У среднеазиатских народов высоко ценится уважение окружающих. И это можно использовать как механизм повышения ответственности людей, чтобы поднять производительность труда.

Использование духовного потенциала каждой нации, аккумулируемого национальным самосознанием, приведение в действие данного потенциала на благо прогресса являются сложной, но очень важной задачей общества.

Для управления этим емким процессом выводы, полученные в ходе проведенного исследования, могут иметь значение. Они сводятся к следующему.

При тенденции к сокращению этнически специфического в жизни народов их национальное самосознание растет. И прежде всего, потому, что объективная база для формирования национального самосознания не сводится лишь к традиционной этнически специфической культуре. Она включает и культуру современную, в том числе профессиональную, национальную по своей форме, которая у советских народов активно развивается. Кроме того, формирование национального самосознания идет на основе отражения в сознании таких объективных явлений, как наличие у каждого народа своего исторического прошлого, территории расселения, наконец, всех социально-экономических, политических, культурных факторов, вокруг которых концентрируются национальные интересы. Рост национального самосознания объективно зависит от уровня социально-экономического и культурного развития народов, в том числе образования, культурного кругозора людей, расширения сфер их жизнедеятельности, межэтнических контактов (непосредственных и опосредованных). Как отмечается в документах КПСС, «жизнь показывает, что экономический и культурный прогресс всех наций и народностей сопровождается неизбежно ростом их национального самосознания. Это закономерный, объективный процесс. Важно, однако, чтобы естественная гордость за достигнутые успехи не превращалась в национальную кичливость или зазнайство, не порождала тенденции к обособленности, неуважительного отношения к другим нациям и народностям»⁵¹. Сформировавшееся и выросшее национальное самосознание является у современных народов как бы частью их духовного арсенала. Оно может быть неактуализированным, потенциальным, а может при определенных социальных условиях и активизироваться. Позитивный или негативный смысл такой активности зависит прежде всего от целей, на которые направлены действия людей. Активное национальное самосознание, осознание исторической ответственности перед своим народом, гордость за него при непосредственной социальной заинтересованности людей в успехах своей деятельности усиливают их трудовой и общественный энтузиазм, могут служить общественному

прогрессу нации и всего советского народа. В случае же концентрации национальных интересов на эгоцентристских целях актуализированное национальное самосознание может обособлять народы, вести к проявлениям местничества и национальной замкнутости, осложнять межнациональные отношения. Так, «Правда» поместила 19 декабря 1986 г. сообщение из Алма-Аты о «группе учащейся молодежи, подстрекаемой националистическими элементами».

Как показали результаты этносоциологических исследований, у народов СССР при благоприятных социальных и политических условиях рост национального самосознания не препятствует развитию дружественных межнациональных отношений, сочетается с доминирующими благоприятными установками на межэтническое общение на производстве и в быту. Национальное самосознание сочетается с осознанием общности всего советского народа. «Но наши достижения не должны, — говорилось на XXVII съезде КПСС, — создавать представления о беспрепятственности национальных процессов. Противоречия свойственны всякому развитию, неизбежны они и в этой сфере. Главное — видеть постоянно возникающие их аспекты и грани, искать и своевременно давать верные ответы на вопросы, которые выдвигает жизнь»⁵².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

70—80-е годы были временем глубинных изменений в культурном облике советских наций. Именно тогда четко обозначилась качественная значимость количественных изменений в сфере приобщения к культуре действительно самых широких масс у всех народов, что проявилось прежде всего в повышении и выравнивании уровня образования. В сходных условиях (города или села) образование теперь в молодежных группах у народов, в прошлом отстававших, отнюдь не ниже, чем у самых урбанизированных наций страны. Именно завершение этого процесса со всей остротой поставило вопрос о качестве образования — об эффективности результатов обучения и горожан и сельчан в разных районах страны, о необходимости периодической переподготовки специалистов со средним специальным и высшим образованием в соответствии с современными требованиями науки и техники, о качестве знаний «подготовителей».

Профессионализация в школе, техникуме, вузе при всех положительных сторонах создает опасность ущемления необходимых общекультурных знаний, важных для гармоничного развития человека. Все более очевидным становилось, что нельзя игнорировать «досуговое» образование и воспитание.

Другая важная черта современного развития — расширение круга «знатоков». Не только чтение газет, интерес к телеинформации, к кино, радиоинформации стали практически повседневным навыком во всех слоях населения у разных народов, но и приобщение к более сложным видам культурного времяпрепровождения — чтению книг, посещению театров, музеев, концертов — не было уже потребностью узкого круга. Снимались границы так называемой элитарной (не общедоступной) культуры. Конечно, процесс этот еще не завершен, но тенденции обозначились вполне четко.

Совершенно очевиден социальный эффект «культурности». Образование, знания являлись по сути главным, «катапультирующим» фактором социального продвижения; в то же время приобщение к культуре, а тем более творчество могли при стабильности трудовой карьеры выступать компенсатором и источником оптимизма в жизни.

Исключительно значимы национальные аспекты роста культуры как важного фактора развития новой интернациональной общности — советского народа. В СССР в каждой нации, как и в обществе в целом, по существу сложилась однотипная культура. Она зиждется на однотипной социальной структуре населения СССР, где каждая нация включает в себя единообразные социальные группы. Объективная основа современной культуры создана процессами индустриализации и урбанизации и на нынешнем этапе органически связана с убыстрением научно-технического прогресса. Это всемирно-исторические процессы, но в СССР их эффект качественно усилен рядом специфических факторов — акселераторов культурной интеграции.

Прежде всего единством экономики, способствующим изменению конфигурации культуры отдельных наций. Известно, что национально-специфическое в области материального быта отстывает на задний план во всех индустриально развитых странах. В СССР с его единой системой экономики и разделением труда в масштабах всей страны этот процесс проходит особенно быстро. Крупное промышленное производство предметов потребления предоставляет богатый выбор, и местное не выдерживает состязания. Конечно, и в массовом производстве могут отражаться национальные традиции, особенно, например, когда дело касается строительства, архитектурных форм. Но национальные предпочтения в сфере материальной культуры затрагивают ограниченные области. Каждый раз у населения берут верх практические соображения — важно, чтобы было удобно, дешево, прочно. Сравнительно устойчивы вкусы лишь в выборе пищи, так как именно в этой области «конкуренция» массового промышленного производства ощущается пока менее всего. Что касается других элементов материальной культуры (жилища, интерьера, одежды), то преимущества изделий промышленного производства здесь очевидны для каждого, причем, чем более урбанизирован

народ, тем менее проявляются национальные предпочтения.

Развитие промышленных форм материального быта в условиях единой в масштабах страны экономики детерминирует такое развитие материальной культуры, при котором она по существу чем дальше, тем больше выходит из системы национальной культуры. Единство экономики, усиливающее сходство в материальной культуре наций и народностей Советского Союза, способствует, таким образом, формированию общесоюзной культуры.

Другой существенный фактор утверждения однотипной культуры связан с единством политической системы советского общества, обусловливающим, в частности, единство культурной политики. Советское государство проводит принципиально одинаковую культурную политику по отношению к каждой нации и народности. По всей стране действуют общая система образования, сходные нормативы культурного строительства, одинаково обязательное для каждого народа среднее образование и т. п. Единая культурная политика сближает нормы потребления культуры народов; различия в культурном потреблении, сохраняющиеся пока между городом и деревней и разными социально-профессиональными группами населения, не связаны непосредственно с национальными особенностями.

Исключительно важным условием создания однотипной культуры народов является единство идеологии. Сняты прежние религиозные и другие идеологические барьеры, отделявшие один народ от другого. Единая система общественно-нравственных нормативов и ценностей характеризует каждую нацию и народность Советского Союза. Интенсивное межнациональное общение, единство советской идеологии, мировоззрения людей создают основу для развития интеграционных процессов в духовной культуре народов. У них складываются единый ценностный фонд, общие нравственные представления, что является признаком морального единства новой социальной и интернациональной исторической общности, все более утверждающейся в сознании каждого как единый советский народ. Очень выпукло утверждение этой общности проявилось в системе общественно-нравственных, ценностных ориентаций. Разница в ценностных ориентациях наций, практически в основном

стертая на уровне общественно-нравственной, существенно сказывается еще в семейно-бытовой сфере.

В создании однотипной общесоюзной культуры активную роль играют современные профессиональные формы культуры. Развитие профессиональной культуры наций происходит в СССР в условиях единства идеологии и общественно-нравственных ценностных нормативов, что способствует усилению интеграционных функций профессиональной культуры.

Факты подтверждают, что в процессах взаимного проникновения культур именно профессиональные формы, а не народно-фольклорные, играют особую роль. Те нации, которые располагают развитым фондом профессиональной культуры, имеют больше возможностей оказывать культурное воздействие на другие народы. С другой стороны, при менее развитом культурном фонде нация активнее воспринимает инонациональную культурную информацию. Историческая логика культурного развития приводит к тому, что ранее отстававшие в культурном отношении нации развиваются особенно быстрыми темпами. Происходит процесс сближения культур наций, что также лежит в русле формирования однотипной культуры.

Однотипная культура советских наций не означает, однако, что они в социально-культурном отношении однородны. Между нациями сохраняются известные различия, в том числе в соотношении классов и социально-профессиональных групп. В прошлом более развитые нации до сих пор имеют относительно более высокую долю интеллигенции и рабочих. Что касается ранее отстававших наций, то у них преобладает крестьянство. Существенно разнятся нации по соотношению городского и сельского населения. Эти социальные различия обуславливают разный уровень фактического приобщения к культуре, ее освоения народами, отражаются на профессиональной культуре, нормах культурного потребления и системе ценностных ориентаций. Современные нации — это сложные, исторически сложившиеся образования, отличающиеся друг от друга не только этническими признаками (многие из которых все более стираются), но и своеобразным сочетанием и набором основных социальных и культурных характеристик, детерминируемых разным уровнем экономического и социального развития.

Разумеется, отмеченные различия преходящи, так как генеральная тенденция развития советского общества, направленная на ликвидацию существенных различий между городом и селом, классами и социально-профессиональными группами, со временем приведет к полному социально-культурному «выравниванию» наций. Как повлияет это на этнические характеристики, на этническое своеобразие народов?

Выравнивание культурного потребления, как показывают факты, не приводит к стеснению национальных форм. Безусловно, сохраняются те из них, которые носят прогрессивный характер, за счет этого абсолютно расширяется культурный диапазон народов. Характерный пример — языковые процессы. Всеми советскими народами исключительно интенсивно воспринимается русский язык, но это ни в какой мере не ограничивает возможностей использования своих языков нерусскими народами.

В условиях самых активных межнациональных контактов люди разных национальностей, все более активно усваивая общесоветскую, инонациональную, мировую культуру, продолжают пользоваться и богатством собственного культурного фонда. Это свидетельствует об оптимальном культурном развитии народов.

Сохранению этнических особенностей в культуре нации способствует также своеобразие психологии, национального самосознания, в том числе осознание национальных интересов.

Растущее культурное сродство не снижает внутренней национальной солидарности и интенсивности национальных чувств. В зависимости от этапа культурного развития включаются различные механизмы, способствующие сохранению и упрочению национальной солидарности.

Научно-техническая революция оказывает двоякое влияние на социально-культурное развитие наций. С одной стороны, она усиливает сродство между ними, способствует их выравниванию и взаимопониманию; с другой стороны, благодаря развитию средств массовой коммуникации и других каналов культуры, используемых с целью национальной консолидации, она вызывает рост национального самосознания у самых широких масс населения.

Таким образом, даже в условиях Советского Союза, при наличии мощных акселераторов культурной интеграции в настоящее время можно говорить лишь об однотипной, но не однородной культуре наций, о процессах их культурного сближения, но отнюдь не слияния. Культурная интеграция — сложный и длительный процесс, в котором диалектически сочетаются интернациональное и национальное, общее и особенное. В конечном счете темпы этнокультурной интеграции зависят от интенсивности социальных процессов, ликвидации социальных различий, создания экономического изобилия как условия полного слияния специфических интересов, в том числе и национальных.

Генеральные процессы модернизации, интернационализации культуры не исключают, таким образом, сохранения ее национальной многовариантности.

Национальная специфика развития общих процессов проявляется как в интенсивности протекания их в культуре каждого народа, так и в особенностях взаимодействия в ней в целом или в отдельных ее компонентах интернациональных и сугубо национальных элементов. Интернационализация духовной культуры более всего проявляется в политической культуре, в идеологической жизни народов, в общественной морали. Зоной наибольшего сохранения национального остается семейно-бытовая нормативная культура. Далеко не все наследуемые явления национальной культуры здесь выполняют только позитивные функции. Так, некоторые традиции в культуре, например жесткое разделение работ в семье (даже у европейских народов) на мужские и женские, снижают эффект образования и общекультурных знаний в жизни работающих женщин; традиции многодетности и крепких родственных связей в семьях среднеазиатских народов затрудняют миграционные процессы. Борьба за очищение народных традиций от вредных наслоений — важная задача, которая стала реализовываться с 70-х годов и особенно активно в середине 80-х.

В то же время национальные формы культуры отнюдь не исчерпали себя. Национальные языки, литература, искусство через свои привычные каждому народу формы несут идеи общезначимые и общедоступные для всех советских народов и служат каналом их дальнейшего распространения.

В современном мире люди включаются во все более

дифференцированные виды трудовой деятельности, что может создать угрозу однобокости жизненных восприятий. В этих условиях национальная многовариантность культуры с ее традициями, привычными для людей, может служить отдушиной, помогающей гармонизировать мироощущение.

В целом расширение границ культуры всех советских наций — процесс бесспорный и реальный. Интернационализация культуры в конечном счете идет в двух направлениях, взаимосвязанных, конечно, и взаимодополняемых, но в разной мере характерных для отдельных этносов. Одно направление — это активное восприятие и освоение инонациональной культуры, языков, литературы, искусства и т. д. Другое — осовременивание и модернизация собственного багажа культуры, его активное восприятие.

При достигнутой широкой социальной общности всех наций продолжает сказываться специфика отличительных этнических границ в культуре. Эти границы носят по существу «скользящий» характер, как бы расширяясь по системе социально-культурных признаков с «запада на восток». На нашем «крайнем востоке» у народов Средней Азии в системе этнодифференцирующих признаков не только язык, обычаи, обряды и другие элементы традиционной культуры, конфессиональные признаки, семейно-бытовые отношения, нормы общения и даже элементы повседневного поведения.

Таким образом, при общей тенденции интернационализации проявляются разные конкретные пути и формы этого процесса. Различия связаны как с определенными историческими посылками, конкретной ситуацией, например, с интенсивностью межнациональных контактов в локальных зонах, так и (что, на наш взгляд, гораздо важнее) с разной степенью необходимости и возможности приобщения к инонациональной культуре. При относительно более развитом фонде своей культуры нации в большей мере опираются на него. Обе тенденции интернационализации — приобщение к инонациональной культуре, расширение собственного фонда культуры — сочетаются друг с другом и взаимно дополняют друг друга. По разным каналам идет общий генеральный процесс развития и преобразования культуры, расширение ее диапазона в соответствии с требованиями интернациональной консолидации народов.

Рассматривая многовариантность культурной жизни народов и процесс ее интернационализации, мы вполне отдаем себе отчет, что далеко не все вопросы сейчас поддаются должному осмыслению. Предстоит дальнейшее изучение национальных особенностей культуры, присущих разным народам, выяснение того, насколько зависит выраженность этих особенностей от степени модернизации и устойчивости национальных форм. Требуется дополнительное изучение влияния культуры на социальное поведение в самом широком его понимании. Решение проблем ускорения социально-экономического развития, поставленных XXVII съездом КПСС, во многом зависит от учета и использования всего культурного арсенала, оптимального сочетания национальных и общезначимых задач.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ВВЕДЕНИЕ (с. 3—13)

¹ См., напр.: СССР на пути строительства коммунизма. М., 1971; СССР в 70-е годы. М., 1981.

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. М., 1983. С. 19.

³ Историографический анализ работ в этом направлении полно представлен: *Зак Л. М.* История изучения советской культуры. М., 1981; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. V. М., 1985. С. 568—587.

⁴ *Соколов Э.* Культура и личность. Л., 1972; Культурная деятельность: Опыт социологического исследования. М., 1981; и др.

⁵ Человек и его работа. М., 1967; *Арутюнян Ю. В.* Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971; *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Человек после работы. М., 1974; Молодые инженеры. М., 1971; *Клопов Э. В.* Рабочий класс СССР. М., 1985; и др.

⁶ Напр.: *Грушин Б. А.* Свободное время. М., 1967; *Он же.* Мнения о мире и мир мнений. М., 1967; *Коробейников В.* Пирамида мнений. М., 1981; и др.

⁷ Социальное и национальное. М., 1973; Опыт этносоциологического исследования образа жизни. М., 1980; *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М.* Социально-культурное развитие и сближение советских наций. М., 1972; *Дробижева Л. М.* Духовная общность советских народов. М., 1981; Социологические очерки о Советской Эстонии. Таллин, 1979; Социально-культурный облик советских наций. М., 1986; и др.

⁸ Расчеты выборки были проведены В. С. Кондратьевым.

⁹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 53.

ГЛАВА I (с. 14—35)

¹ История СССР. 1972. № 4. С. 13; Социальная политика и национальные отношения. М., 1982. С. 153; Социологические исследования. 1982. № 4. С. 23.

² *Арутюнян Ю. В., Сусоколов А. А.* Перепись населения СССР как источник количественного анализа этнокультурных процессов// Советская этнография. 1983. № 5. С. 19.

³ Материалы статистических расчетов на стр. 16—20 текста даны по: Социально-культурный облик советских наций. М., 1986. С. 54—75, 93.

⁴ *Зак Л. М.* История изучения советской культуры. М., 1981;

Очерки истории исторической науки в СССР. Т. V. М., 1985. С. 568—587.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 11. М., 1978. С. 94—102.

⁶ Там же. Т. 12. М., 1979. С. 522—530.

⁷ Там же. С. 584—596.

⁸ Собрание постановлений правительства СССР. 1984. № 18. Отд. 1. С. 101, 307—318, 105, 340—347.

⁹ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании общего среднего образования молодежи и улучшении условий работы общеобразовательной школы» (12 апреля 1984 г.)//Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 15. Ч. I. М., 1985. С. 407—417.

¹⁰ Собрание постановлений правительства СССР. 1982. № 2. С. 5, 27; № 31. С. 157. С. 603.

¹¹ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию руководства средними специальными учебными заведениями и об улучшении качества подготовки специалистов со средним специальным образованием» (22 августа 1974 г.)//КПСС в резолюциях и решениях... Т. 11. С. 436—444.

¹² Постановление Совета Министров СССР «О совершенствовании планирования подготовки специалистов и улучшении использования выпускников высших и средних специальных учебных заведений в народном хозяйстве» (27 января 1978 г.)//Собрание постановлений правительства СССР. 1978. № 4. Отд. 1. С. 23, 67—71.

¹³ Постановление Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании подготовки специалистов с высшим и средним специальным образованием без отрыва от производства» (15 июня 1981 г.)//Собрание постановлений правительства СССР. 1981. № 20. Отд. 1. С. 116, 536—539.

¹⁴ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 11. С. 502—506.

¹⁵ Собрание постановлений правительства СССР. 1976. № 7. Отд. 1. С. 39, 153—157.

¹⁶ Там же. 1982. № 26. Отд. 1. С. 133, 487—507.

ГЛАВА II (с. 36—62)

¹ Народное хозяйство СССР в 1922—1982 гг.: Юбилейный статистический сборник. М., 1983. С. 451.

² Народное хозяйство СССР в 1984 г. М., 1985. С. 463, 464.

³ Там же. С. 519.

⁴ Правда Востока. 1986, 31 янв. С. 4.

⁵ Народное хозяйство СССР в 1984 г. С. 513, 514.

⁶ Советская Эстония. 1986, 1 февр. С. 2.

⁷ Заря Востока. 1986, 25 янв. С. 3.

⁸ Ханазаров К. Х. Решение национальной языковой проблемы в СССР. М., 1982. С. 181.

⁹ Народное хозяйство СССР в 1984 г. С. 523.

¹⁰ Там же.

¹¹ Заря Востока. 1986, 25 янв. С. 3.

¹² Добрынина Н. Е. Теоретические и практические основы интернационализации чтения в массовых библиотеках СССР: Рукопись докторской диссертации. М., 1985. С. 257.

- ¹³ Там же. С. 256—258.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Medihan M.* The Gutenberg galaxy. Toronto, 1967; *Belson W.* The impact of television. L., 1967; *Capperman P.* The decline of reading and learning in the Public schools and what we can do about it. N. Y., 1978.
- ¹⁷ Народное хозяйство СССР в 1984 г. С. 550.
- ¹⁸ Народное хозяйство СССР в 1922—1982 гг. С. 11, 534—536.
- ¹⁹ Советская Эстония. 1986, 1 февр. С. 2.
- ²⁰ Заря Востока. 1986, 25 янв. С. 3.
- ²¹ Театр. 1985. № 6. С. 112.
- ²² Народное хозяйство СССР в 1984 г. С. 544.
- ²³ Советская Эстония. 1986, 1 февр. С. 2; Заря Востока. 1986, 25 янв. С. 3.
- ²⁴ Народное образование, наука и культура в СССР. М., 1977. С. 75.
- ²⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 12. М., 1979. С. 149—155.
- ²⁶ *Ковалев С. А.* Сельское расселение и социологические проблемы//Социологическое изучение села: культура, быт, расселение. Вып. II. М., 1968. С. 7.
- ²⁷ Социально-культурный облик советских наций. М., 1986. С. 198.
- ²⁸ *Малькова В. К.* Интернациональное и национальное в деятельности центрального телевидения//Советская этнография. 1986. № 3. С. 95—106.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Народное хозяйство СССР в 1984 г. С. 542.
- ³¹ Молодежь Эстонии. 1986, 1 февр. С. 2.
- ³² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, М., 1986. С. 38.

ГЛАВА III (с. 63—107)

- ¹ Народное хозяйство СССР в 70-е годы. М., 1981. С. 179.
- ² Народное хозяйство СССР в 1984 г. М., 1985. С. 31.
- ³ Показатель среднего числа лет обучения рассчитан для наций союзных республик см. Приложение, с. 291.
- ⁴ Трудящаяся молодежь: образование, профессия, мобильность. М., 1984. С. 152.
- ⁵ Там же. С. 155, 157.
- ⁶ Народное хозяйство СССР в 1982 г. М., 1983. С. 467; Народное хозяйство СССР в 1984 г. С. 523.
- ⁷ Народное хозяйство СССР в 1984 г. С. 525.
- ⁸ Заря Востока. 1986, 25 янв. С. 3; Правда Востока. 1986, 31 янв. С. 5.
- ⁹ Этнические процессы в СССР. М., 1975. С. 342.
- ¹⁰ *Филиппов Ф. Р.* Воздействие системы образования на развитие социальной структуры советского общества//Развитие социальной структуры советского общества: Материалы Всесоюзной научной конференции. Вып. 1. М., 1981.
- ¹¹ *Он же.* Формирование пополнения социалистической интеллигенции//Социологические исследования: 1980. № 2. С. 92.

- ¹² Социально-культурный облик советских наций. С. 85—92.
- ¹³ Социальные перемещения и студенчество: По материалам социологических исследований в Советской Прибалтике. Вильнюс, 1982.
- ¹⁴ Правда Востока. 1984, 9 янв.
- ¹⁵ Болотин И., Чижов В. Трудовые ресурсы в системе народного образования//Плановое хозяйство. 1982. № 1.
- ¹⁶ Правда Востока. 1984, 9 янв.
- ¹⁷ Профессионально-техническое образование. 1982. № 11. С. 7.
- ¹⁸ Данные о составе профессионально-технических училищ в республиках получены Л. В. Остапенко.
- ¹⁹ Профессионально-техническое образование. 1983. № 12. С. 30.
- ²⁰ Народное хозяйство СССР в 1984 г. С. 525.
- ²¹ Добрынина Н. Е. Интернационализация чтения на селе: Некоторые аспекты//Книга и чтение в жизни села: проблемы и тенденция. М., 1977. С. 25—26.
- ²² Литературная газета. 1986, 1 янв.
- ²³ Правда. 1986, 7 дек.

ГЛАВА IV (с. 108—149)

- ¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 53.
- ² Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. О социально-культурном развитии и сближении наций. М., 1972; и др.
- ³ Ленин и современные проблемы библиотековедения. М., 1971. С. 42.
- ⁴ Добрынина Н. Е. Теоретические и практические основы интернационализации чтения в массовых библиотеках СССР: Док. дис. 1985. С. 315, 321, 322, 323.
- ⁵ Советская Эстония. 1986, 1 февр.
- ⁶ Айтматов Ч. От Манаса до наших дней//Театр. 1985. № 6. С. 111.
- ⁷ Сабурова Л. М. Некоторые вопросы изучения новой обрядности//Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Вып. II. Улан-Удэ, 1969; Лобачева Н. П. О формировании новой обрядности у народов СССР//Советская этнография. 1973. № 4. С. 14; Угринович Д. М. Обряды: за и против. М., 1975. С. 110—135; Устинова М. Я. Семейные обряды латышского городского населения в XX в. М., 1980. С. 110—111; и др.
- ⁸ В данном параграфе в разделе о свадебной обрядности использован материал из статьи: Дробижева Л. М., Тульцева Л. А. Свадебная обрядность в общественном мнении: По материалам этносоциологических исследований у народов СССР.
- ⁹ Пименов В. В., Христолюбова Л. С. Удмурты. Ижевск, 1976; Устинова М. Я. Указ. соч. С. 92, 158—161.
- ¹⁰ Опыт такой работы в Эстонии широко освещался в печати. См. подробнее: Калитс В. Я. О развитии новых свадебных традиций в Эстонской ССР//Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М., 1981.
- ¹¹ Лобачева Н. П. Указ. соч. С. 15; Она же. Общесоветское национально-специфическое в новой обрядности//Традиционные и новые обряды в быту народов СССР.
- ¹² Каракеева С. И. Указ. соч. С. 155.

¹³ *Фириштейн Л. А.* Материалы по пище узбеков южного Хорезма: Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 году. М., 1972. С. 56—57.

¹⁴ *Зорин Н. В.* Изменение традиционной русской свадьбы за годы Советской власти//Очерки статистической этнографии Среднего Поволжья. Казань, 1976. С. 30.

¹⁵ Литературная газета. 1977, 16 нояб.

¹⁶ См. подробнее: Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. С. 109—112.

¹⁷ *Устинова М. Я.* Указ. соч. С. 126.

¹⁸ *Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В.* Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М., 1974. С. 193; *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964. С. 277; Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Вып. II; *Шатинова Н. И.* Семья у народов Южной Сибири в свете современных этнических процессов: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1978; *Тер-Саркисянц А. Е.* Современная семья у армян. М., 1972. С. 142—147; *Калитс В. Я.* Современная свадьба.

¹⁹ *Зорин Н. В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1981. С. 184, 187.

²⁰ *Тульцева Л. Я.* Этнографические аспекты изучения религиозного поведения// Советская этнография. 1979. № 4. С. 51, 56.

²¹ *Зеленчук В. С., Губогло М. Н.* Национальное и интернациональное в советском образе жизни. Кишинев, 1979. С. 41.

²² *Зорин Н. В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. С. 183—186.

²³ *Савоскул С. С.* Культура сельского населения Татарской АССР: Опыт этносоциологического исследования освоения культуры. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1978. С. 18; *Кумахов М. Г.* Новое и традиционное в духовной культуре кабардинцев и балкарцев//По пути Великого Октября: Материалы научно-теоретической конференции, посвященной 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Нальчик, 1980. С. 122; и др.

²⁴ Печать СССР в 1980 г.: Статистический сборник. М., 1981. С. 27, 108, 119—120; Народное хозяйство СССР в 1922—1982 гг.: Юбилейный статистический сборник. М., 1983. С. 532—533.

²⁵ Печать СССР в 1980 г. С. 98.

²⁶ Там же. С. 29.

²⁷ *Прокофьев М. А.* О дальнейшем совершенствовании преподавания русского языка в общеобразовательной школе//Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР. М., 1981. С. 49.

²⁸ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 157.

²⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1962. С. 183, 185; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. IV. Национальный состав населения СССР. М., 1973. С. 20—21; Численность и состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1980. С. 23—24.

³⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 330.

³¹ Коммунист Советской Латвии. 1984. № 12. С. 64, 67.

³² Заря Востока. 1986, 25 янв.

³³ *Дробижева Л. М.* Национальное самосознание: база форми-

рования и социально-культурные стимулы развития//Советская этнография. 1985. № 5. С. 7.

³⁴ Данные по столичному населению приведены на начало 80-х годов.

³⁵ Коммунист. 1985. № 6. С. 32.

³⁶ Печать СССР в 1980 г. С. 28, 31.

³⁷ Книжное обозрение. 1983, 24 июня.

³⁸ Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. С. 23; Вестник статистики. 1980. № 6. С. 41, 62; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. IV. М., 1973. С. 9—10; Численность и состав населения в СССР. М., 1984. С. 71.

³⁹ Надо иметь в виду, что оценка знания языка субъективна, и поэтому одни лица могут завышать эти знания, другие — занижать, в том числе из-за престижа того или другого языка в конкретный исторический момент.

⁴⁰ Печать СССР в 1984 г. М., 1985. С. 58—59.

⁴¹ Коммунист Советской Латвии. 1984. № 12.

⁴² Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР. С. 218, 289.

⁴³ Советская Киргизия. 1973, 28 апр.; Коммунист. 1977. № 13. С. 49; Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР. С. 147, 153.

⁴⁴ Вышка. 1986, 1 февр.

⁴⁵ Советская Эстония. 1986, 1 февр.

⁴⁶ Заря Востока. 1986, 25 янв.

⁴⁷ Коммунист Советской Латвии. 1984. № 12. С. 69.

⁴⁸ Коммунист Эстонии. 1984. № 1. С. 57.

⁴⁹ *Периц А. И.* Проблемы нормативной этнографии//Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 224—234; *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 125—126.

⁵⁰ *Пеньков Е. М.* Социальные нормы — регуляторы поведения личности: некоторые вопросы методологии и теории. М., 1972; *Соколов Э. В.* Культура и личность. М., 1972; *Коган Л. Н.* Структура культуры//Основы марксистско-ленинской теории культуры. М., 1976; Культурная деятельность: Опыт социологического исследования. М., 1981; и др.

⁵¹ *Бромлей Ю. В.* Указ. соч. С. 131.

⁵² *Токарев С. А.* Аксиологический подход к культурной традиции//Советская этнография. 1981. № 2; *Периц А. И.* Проблемы теории традиции глазами этнографа//Советская этнография. 1981. № 3; *Арутюнов С. А.* Обычай, ритуал, традиция//Советская этнография. 1982. № 2. С. 97.

⁵³ *Бромлей Ю. В.* Указ. соч. С. 131.

⁵⁴ *Баллер Э. А.* Преемственность в развитии культуры. М., 1969. С. 70.

⁵⁵ *Бромлей Ю. В.* Указ. соч. С. 132.

⁵⁶ Правда Востока. 1986, 31 янв.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Заря Востока. 1986, 25 янв. С. 4.

⁵⁹ Заря Востока. 1975, 25 нояб.

⁶⁰ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 165.

⁶¹ Правда Востока. 1986, 31 янв. С. 4.

⁶² *Бгажноков Б. Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.

ГЛАВА V (с. 150—182)

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 51—52.

² Численность и состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 285.

³ Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М. Советский образ жизни: общее и национально-особенное//Советская этнография. 1976. № 3. С. 15.

⁴ Народное хозяйство СССР в 1980 г. М., 1981. С. 407.

⁵ Интернациональное и национальное в социалистическом образе жизни советского народа. Фрунзе, 1982. С. 524—533.

⁶ Рывкина Р. В. Образ жизни сельского населения. Новосибирск, 1979. С. 185.

⁷ Сысенко В. А. Устойчивость брака. М., 1981. С. 76, 78.

⁸ Знание — сила. 1983. № 3, С. 37.

⁹ Янкова З. А., Радзинская И. Ю. Проблемы большого города: Опыт социологического исследования. М., 1982. С. 23, 31.

¹⁰ Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. С. 459.

¹¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 50.

¹² Наруск А. Х. Вопросы сравнительной оценки активности потребления культуры в разных национально-культурных средах//Нация и культура. Таллин, 1985. С. 79—92.

ГЛАВА VI (с. 183—273)

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 53.

² Народное хозяйство СССР в 1922—1982 гг. Юбилейный статистический сборник. М., 1983. С. 33, 49.

³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 157, 165.

⁴ Там же. С. 54.

⁵ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. М., 1983. С. 11. Справочник партийного работника. Вып. 24. Ч. I. М., 1984. С. 47.

⁶ О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик: Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 г. М., 1982. С. 19.

⁷ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 68.

⁸ Из опыта идеологической работы. М., 1973; Интернационально-политическое воспитание и формирование личности. Волгоград, 1973; Капырин П. И. Органическое единство интернационализма и патриотизма. М., 1973; Серова Н. И. Сила, сплачивающая воедино. Минск, 1975; Холмогоров А. И. Великая сила интернационального единства. Киев, 1979; и др.

⁹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 76.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 240; XX съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет. Т. I. М., 1956. С. 87, 90 и др.

¹¹ См.: История национально-государственного строительства в СССР в 1937—1978 гг. Т. 2. М., 1979. С. 96—110.

- ¹² Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет. Т. 1. М., 1959. С. 395.
- ¹³ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет. Т. 2. 1962. С. 153.
- ¹⁴ XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет. Т. 2. М., 1962. С. 153.
- ¹⁵ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 87.
- ¹⁶ Правда. 1972, 22 дек.
- ¹⁷ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 57.
- ¹⁸ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 11. М., 1978. С. 67—74, 142—149, 445—452; Т. 12. С. 299—307; Т. 13. М., 1981. С. 352—369; Об идеологической работе КПСС: Сб. док. М., 1983. С. 207—211.
- ¹⁹ Об идеологической работе КПСС: Сб. док. С. 208; КПСС в резолюциях... Т. 11. С. 148.
- ²⁰ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года. М., 1983. С. 17, 18, 72.
- ²¹ Советская Абхазия. 1978, 24 мая.
- ²² Заря Востока. 1975, 25 нояб.
- ²³ Об идеологической работе КПСС: Сб. док. С. 447.
- ²⁴ Заря Востока. 1986, 25 янв. С. 4.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Правда Востока. 1986, 31 янв. С. 4.
- ²⁷ Советская Эстония. 1986, 1 февр. С. 2.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 53.
- ³¹ Об объеме информации, направленной на воспитание интернационализма, в средствах массовой информации см.: Социальное и национальное. М., 1973. С. 303—307; *Малькова В. К.* Применение контент-анализа для изучения сотрудничества народов//Советская этнография. 1977. № 5.
- ³² *Евтушенко Е.* Просека. М., 1977. С. 137—139.
- ³³ Итоги Всесоюзной переписи населения СССР 1970 г. Т. IV. М., 1973. С. 12—15.
- ³⁴ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. С. 59.
- ³⁵ *Клементьев Е. И.* Социальная структура и национальное самосознание: на материалах Карельской АССР. Автореферат канд. дисс. М., 1971; *Кожанов А. А.* Внешность как фактор этнического сопоставления//Советская этнография. 1977. № 3. С. 19; *Старовойтова Г. В.* К исследованию этнопсихологии городских жителей//Там же, 1976. № 3. С. 48; *Пуменов В. В.* Указ. соч. С. 209.
- ³⁶ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 37, 38.
- ³⁷ Численность и состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1980. С. 29.
- ³⁸ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. С. 17, 18, 72; Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 10 апреля 1984 г. М., 1984. С. 14.
- ³⁹ *Шелепов Г. В.* Общность происхождения — признак этнической общности//Советская этнография. 1968. № 4. С. 72; *Крюков М. В.* Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза//Расы и народы. Вып. 6. М., 1976. С. 53—63; *Дашдамиров А. Ф.* Нация и личность. Баку, 1976. С. 137 и др.; *Калтахчян С. Т.* Лени-

низм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. 2-е изд. М., 1976; Куличенко М. И. Расцвет и сближение наций в СССР. М., 1981. С. 86—101; Пименов В. В. Удмурты. Л., 1977. С. 202; Левкович В. П., Панкова Н. Г. Социально-психологические аспекты проблемы этнического самосознания//Социальная психология и общественная практика. М., 1985. С. 138—152.

⁴⁰ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 176, 182, 183, 189.

⁴¹ Дашдамиров А. Ф. Национальные моменты индивидуального самосознания: Автореф. канд. дис. М., 1968. С. 17—18; Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971. С. 128—129; Кожанов А. А. Методика исследования национального самосознания: Канд. дис. М., 1978.

⁴² Чеснокова Н. И. Проблема самосознания в психологии. М., 1977. С. 30, 142.

⁴³ Кожанов А. А. Методика исследования национального самосознания: Канд. дис. М., 1978; Пименов В. В. Указ. соч. С. 99.

⁴⁴ Пименов В. В. Указ. соч. С. 96, 97, 124, 174, 180, 191, 198.

⁴⁵ Анализ материалов опросов по данному признаку осуществлен С. С. Савоскулом.

⁴⁶ Малькова В. К. Роль периодической печати в интернациональном воспитании советских людей: Канд. дис. М., 1982. С. 76, 77.

⁴⁷ Губогло М. Н. Интегрирующая функция языка: Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М., 1975.

⁴⁸ Кожанов А. А. Указ. дис. С. 96.

⁴⁹ Пименов В. В. Указ. соч. С. 102, 215.

⁵⁰ Stanley J. Morse. National identity from a social psychological perspective: a study of university students in Saskatchewan//Canadian review of studies in nationalism. 1980. Vol. VII. N 2. P. 308.

⁵¹ Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. Избранные речи и статьи. М., 1983. С. 11.

⁵² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 53.

ПРИЛОЖЕНИЕ (таблицы)

**Среднее число лет обучения коренных национальностей
союзных республик в 1959 и 1979 гг. (в расчете на 1 человека
в возрасте 10 лет и старше)***

Национальность	1959 г.			1979 г.		
	Все на- селение	Город- ское	Сель- ское	Все на- селение	Город- ское	Сель- ское
Русские	5,2	6,0	4,0	7,8	8,4	6,1
Украинцы	4,8	6,0	4,0	7,4	8,5	6,0
Белорусы	4,6	5,0	3,9	7,2	8,5	5,3
Узбеки	4,0	4,9	3,8	6,3	8,0	7,1
Казахи	3,9	4,8	3,6	7,2	8,2	6,6
Грузины	5,9	8,0	4,8	8,7	9,9	7,3
Азербайджанцы	4,6	5,6	4,1	7,5	8,4	6,7
Литовцы	3,9	5,4	3,0	6,9	8,0	5,3
Молдаване	3,6	4,8	3,5	6,5	8,1	5,8
Латыши	5,6	6,5	4,6	7,5	8,2	6,3
Киргизы	4,0	6,0	3,6	7,1	8,9	6,6
Таджики	4,0	4,6	3,8	6,9	7,6	6,5
Армяне	5,6	6,4	4,5	8,4	8,9	7,0
Туркмены	4,3	5,0	4,1	7,1	7,7	6,8
Эстонцы	5,6	6,7	4,6	7,5	8,3	6,4

* Социально-культурный облик советских наций. М., 1986. С. 214, 216.
При расчетах по материалам переписей 1959 и 1979 гг. принималось: высшее образование — за 15 лет обучения, незаконченное высшее — за 13, среднее специальное — за 12, среднее общее — за 10, неполное среднее — за 8 лет, начальное — за 4 года, ниже начального — за 1 год обучения.

Интенсивность культурной жизни городского и сельского населения * (в %)

	Город						Село			
	Русские		Узбеки		Грузины		Молдаване		Эстонцы	
Постоянно читают художественную литературу	42,0	25,6	51,1	36,9	37,3	25,3	18,8	36,3	11,9	29,5
Постоянно смотрят телепередачи	77,4	71,4	75,2	63,8	65,9	73,1	76,7			73,1
Бывают в театре не реже 1—2 раз в год	49,1	60,2	73,0	55,5	82,6	20,5	42,5	39,8	25,4	84,3
Постоянно занимаются: спортом, охотой, рыбной ловлей	28,2	31,8	59,2	23,7	38,6	22,7	30,2	38,1	17,1	39,9
художественной самодеятельностью	2,8	9,2	9,6	4,5	8,6	1,6	7,0	4,5	2,4	12,3
любительскими занятиями (вышивка, резьба, игра на музыкальных инструментах, радио-любительство и т. п.)	27,0	31,9		23,7	40,8	26,6	30,3	36,3	24,9	43,3

* Данная и последующие таблицы Приложения составлены по материалам исследования «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения советских наций» (ОСУ). Программа и методика исследования даны в кн.: *Друтюнян Ю. В., Дробягишева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А.* Этносоциология: Цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984.

**Интенсивность чтения художественной литературы в разных
возрастных группах населения коренных национальностей
союзных республик (в %)**

Постоянно чита- ют художествен- ную литературу	Возраст						
	18—19	20—24	25—29	30—39	40—49	50—59	60 и старше
Город:							
Русские	68,1	63,8	52,2	43,7	38,8	28,3	24,7
Узбеки	46,5	48,5	34,2	22,1	19,9	8,3	8,7
Грузины	50,0	67,2	56,7	41,2	38,0	33,8	26,7
Молдаване	65,0	63,1	38,8	36,4	20,9	14,3	6,3
Эстонцы	53,3	37,6	37,3	33,1	34,9	36,8	29,3
Село:							
Русские	59,0	48,0	45,6	30,2	23,8	18,2	6,9
Узбеки	43,7	34,0	35,2	16,1	11,2	11,2	3,0
Грузины	78,2	64,6	70,9	36,5	29,3	22,6	19,7
Молдаване	22,6	27,9	15,9	12,2	6,3	4,8	3,3
Эстонцы	40,1	26,3	36,8	32,9	27,2	28,2	24,9

**Посещаемость театров (не реже 1—2 раз в год) в различных
возрастных группах населения коренных национальностей
союзных республик (в %)**

	Возраст						
	18—19	20—24	25—29	30—39	40—49	50—59	60 и старше
Город:							
Русские	73,3	71,2	63,8	57,1	49,1	39,1	17,2
Узбеки	80,2	76,0	72,5	67,9	57,6	45,1	24,0
Грузины	67,6	78,7	74,2	51,7	45,6	49,4	18,2
Молдаване	79,8	79,2	68,7	57,7	44,0	28,1	12,7
Эстонцы	98,4	90,8	93,2	91,8	89,8	80,9	58,7
Село:							
Русские	29,5	35,1	32,2	27,1	23,1	15,1	3,7
Узбеки	63,3	60,3	58,8	44,9	43,0	32,0	14,3
Грузины	61,5	73,1	64,5	46,3	36,3	35,4	23,2
Молдаване	47,7	49,0	38,6	26,3	15,1	15,8	5,5
Эстонцы	84,2	92,2	90,7	95,7	89,0	81,5	49,1

Литературные интересы различных возрастных групп городского населения коренных национальностей союзных республик (в %)

Предпочитаемая литература	О войне и военных событиях	Приключенческая, фантастическая	О прошлом своего народа	О любви и дружбе	Преимущественно психологического содержания	По специальности	Общественно-политическая
Возрастная группа							
18—29 30—49 50 и старше	30,4	35,1	21,6	36,2	14,7	16,6	10,8
	43,4	23,1	22,3	23,6	11,6	12,2	13,6
	29,9	9,3	15,6	10,1	6,5	3,0	9,4
18—29 30—49 50 и старше	28,1	22,2	26,0	56,3	5,9	22,9	7,9
	23,1	16,4	29,4	22,9	4,9	14,1	6,7
	7,9	5,4	14,6	2,8	1,3	4,1	3,5
18—29 30—49 50 и старше	30,5	27,5	9,4	42,6	17,2	29,1	23,6
	29,0	18,7	8,6	18,4	11,7	16,5	10,3
	15,2	6,3	5,8	2,8	5,1	3,6	3,0
18—29 30—49 50 и старше	10,0	55,8	17,9	46,7	32,0	24,5	6,3
	18,0	45,0	23,1	35,3	33,7	24,8	9,1
	14,6	27,1	33,6	25,6	27,8	9,2	5,8

**Выбор популярных деятелей культуры людьми
коренных национальностей Эстонской
и Узбекской ССР (в %)***

Деятели культуры	Город	Село
	Эстонская ССР	
Национальные	65	71
Русские	14	6
Зарубежные	17	5
	Узбекская ССР	
Национальные	75	79
Русские	5	2
Зарубежные	2	0

**Выбор концертов людьми коренных национальностей
Эстонской и Узбекской ССР (в %)***

Концерты	Город	Село
	Эстонская ССР	
Национальные	35	50
В том числе народные	16	16
русские	9	5
зарубежные	35	23
	Узбекская ССР	
Национальные	56	78
В том числе народные	54	71
русские	4	1
зарубежные	3	1

* В таблицах не фиксировались респонденты, не ответившие на данные вопросы.

Владение русским языком (в %) *

Ответы респондентов	Город				Село			
	Молдаване	Эстонцы	Грузины	Узбеки	Молдаване	Эстонцы	Грузины	Узбеки
Вообще не говорю	4,1	8,6	7,5	12,9	13,9	15,8	25,5	32,9
С большим трудом говорю	6,8	14,0	13,9	12,4	22,5	22,4	14,9	16,8
Говорю с некоторыми затруднениями	21,7	35,7	31,0	21,0	28,6	37,9	27,7	20,1
Довольно свободно говорю	36,8	21,1	30,6	34,0	19,2	13,9	17,1	14,3
Совершенно свободно говорю, думаю на языке	29,2	16,4	14,6	9,0	10,7	8,2	5,9	5,5

*. В таблицу не включены и расчетами не охвачены лица, не ответившие на вопрос анкеты о степени владения русским языком.

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Автостереотипы национальные
258, 266, 271

Азербайджанская ССР 40, 43,
45, 55, 60, 69—71, 112, 128,
137, 152, 229, 266

Азербайджанцы 16, 17, 46,
66—68, 132, 133, 151—153,
184, 186, 265

Армянская ССР 16, 37, 40, 44,
54, 55, 58, 59, 65, 69, 70—73,
82, 84, 86, 112, 128, 230,
241, 266

Армяне 15—17, 20, 46, 66, 67,
103, 104, 115, 118, 132, 133,
151, 152, 184—186, 225, 230,
262, 266

Белорусская ССР 40, 41, 43—
45, 53—55, 57, 58, 60, 69, 70,
76, 82, 84, 112, 216, 229, 266

Белорусы 16, 17, 19, 20, 42,
46, 60, 68, 82, 132—134, 151,
186, 248, 266

Библиотеки 42, 45, 48, 50, 57—
60, 62, 86, 105, 219

языковой состав фондов 43,
46

языковой состав книговыда-
чи 43, 44

Бурятская АССР 57

Вепсы 260, 269

Воспитание 101, 237, 274

трудовое 65, 144, 145, 158,
161, 213

детей 37—39, 155, 156, 166,
168, 170—173, 245, 260,
279

Гагаузы 67, 115, 117, 225, 227,
229

Государственная политика
в области культуры 31, 32,
35, 124, 183, 276

в области образования 32—
34, 68

Грузинская ССР 9, 10, 16,
37—44, 46, 47, 50, 54, 55, 58,
59, 65, 69, 70—75, 78, 80—
84, 87, 99, 105, 118, 120, 128,
137, 184, 189, 196, 216—220,
226, 230, 232, 233, 240, 241,
254, 256, 264, 266

Грузины 15—17, 28, 29, 61, 66,
74, 77, 83, 87, 89, 97, 98—
101, 104, 111, 114, 115, 122,
126, 129, 130, 133—136, 146,
151, 158, 161—171, 179, 184,
186—188, 196, 204, 205, 225,
230, 232, 233, 236, 238, 240,
242, 245, 247, 248, 256, 260—
265, 267, 271

Двуязычие 113, 131—134, 138,
139, 223, 239, 241, 250—252,
256, 260

в возрастных группах насе-
ления республик 134

в городе и селе 134, 135, 240

в социально-профессиональ-
ных группах 134—136, 240,
243

Евреи 113, 117, 198, 225, 228

Знания научные, общеобразо-
вательные *см. также* Куль-
тура, Образование 15, 19,
68, 235, 249, 250, 268

Идентификация национальная
130, 210, 211, 258—261, 269—
271

Идеология советская 4, 112,
129, 145, 185, 191, 215, 225,
249

Индустриализация 7, 27, 152,
215, 275

Интеллигенция 10, 11, 15, 16, 22, 24—27, 46, 61, 62, 68—70, 74, 75, 78, 79, 81, 83, 90, 100, 124, 157, 187, 191, 194, 197, 201—203, 230, 233, 238, 243, 264, 269, 270, 277
источники формирования 22, 23, 79—81
производственная 11, 17, 18, 230
массовых профессий 11, 17, 18, 76, 79, 80
научная 11, 17, 18, 79, 191, 203, 204, 216, 230, 269, 270
художественно-творческая 11, 17, 18, 46, 76, 78, 79, 109, 191, 203, 204, 216, 222
Интересы национальные 216, 217, 220, 232, 233, 259, 267—269, 278, 279
Интернационализация культуры 4, 12, 108, 109, 183, 210, 241, 279—281
духовной 115, 118
материальной 110, 111
Интернационализм 79, 212, 213, 218, 223, 224, 236, 242
Источники исследования 9—11

Казахская ССР 37, 40, 41, 44, 45, 50, 52, 54, 59, 60, 69, 70, 71, 73, 82, 87, 113, 148, 152, 229
Казахи 16—20, 46, 60, 66, 132, 133, 151, 153, 186
Карельская АССР 57
Карелы 260, 269
Кино 21, 28, 47, 48
Киргизская ССР 37, 44, 45, 50, 52, 54, 55, 59, 60, 69—71, 112, 137
Киргизы 17, 18, 66, 122, 132—134, 151, 153, 186
Клубы 48, 50, 56—60, 62, 86, 101
Коммунистическая партия Советского Союза 185, 186, 191, 209, 214, 215, 217, 257
Крестьянство колхозное 22, 24, 27, 75, 230, 277
Культура
методология исследования 4—13

духовная 6, 9, 109, 111, 259—261, 269
материальная 9, 12, 108—111, 259, 261, 275, 276
народная художественная 35, 253, 255
профессионально-художественная 241, 242, 253, 261, 263, 267, 277
производственная 6, 8, 12, 62
общественно-политическая 6, 32, 39, 185, 218, 223
соционормативная 6, 11, 12, 108, 139, 141—149, 235, 243, 249, 252—255, 259
семейно-бытовая 150—182
Культурно-досуговая активность 8, 28—32, 85, 86, 103, 106, 107, 174—182, 269
занятия самодетельностью 88, 94, 101
любительские занятия 29, 30, 88, 92—96, 101, 102, 175
посещаемость кино 21, 28, 47, 60, 88, 92—96, 174
посещаемость музеев 28, 55, 59, 62, 88, 105, 179
посещаемость театров 21, 28, 30, 50, 51, 54, 55, 59, 62, 88—96, 103—106, 174
просмотр телепередач 21, 28, 52—54, 88, 92—96, 175, 243, 266
чтение газет 21, 28, 174, 175
чтение художественной литературы 28, 30, 44, 86, 88—97, 103—106, 174, 202
см. также Литература

Латвийская ССР 37, 40, 44, 45, 48, 53—55, 59, 60, 65, 69, 70, 84, 87, 112, 138, 153, 230
Латыши 15—17, 19, 20, 66, 124, 132—134, 151, 152, 155, 186
Литература 46, 47, 224, 225, 238 *см. также* Культурно-досуговая активность
издание книг на русском и национальных языках 44, 45, 58, 59, 128, 130, 131
обращаемость книг на русском и национальных языках 43, 44

Литовская ССР 41, 44, 45, 48, 51, 54—56, 59, 65, 69—71, 87, 113, 128, 137, 229, 241

Литовцы 16, 17, 19, 20, 134, 137, 151, 186

Личное подсобное хозяйство 161, 162

Марийцы 138

Методология и методы исследования 4—13

Миграция 73, 74, 148, 221, 256, 279

Мобильность социальная 3, 4, 15—20, 22—25, 148, 226, 228, 229

Молдавская ССР 9, 10, 20, 38—41, 43—45, 47, 49, 50, 52, 54, 55, 58, 60, 61, 65, 69, 70, 72—74, 76—78, 80, 81, 83, 87, 93—96, 113, 117, 120, 136, 147, 155, 184, 189—191, 196, 199, 220, 225, 227—229, 239, 244, 254, 270

Молдаване 15—17, 19—21, 25, 28, 66, 68, 77, 81, 87, 88, 89, 92, 93, 97, 99—101, 103, 110, 111, 114, 115, 122, 124, 130, 132—136, 143, 146, 151, 154, 156, 158, 161—164, 168, 170, 171, 173, 179, 184—188, 190, 192, 196, 198, 203, 204, 225, 227—230, 236, 238, 239, 244, 245, 252, 264—267, 269

Мордва 138, 252

Музеи 28, 55—59, 62, 88, 105, 175, 179, 181

Национальные ориентации в культуре 96—98, 101, 104, 108, 260—267, 275, 276

Научно-техническая революция и культура 4, 15, 16, 19, 27, 65, 127, 163, 220, 278

Национальные отношения 210—216, 218—222, 226, 228, 229, 232—234, 236, 242, 243, 249, 251, 252, 254, 257, 269
межличностные 12, 143, 179, 182, 211, 213, 225, 241, 250, 253, 254

Образование 11, 15, 16, 20—22, 28, 29, 31, 35, 65, 108, 138, 148, 156, 172, 173, 177—180, 193, 194, 236, 237, 268, 278

государственная политика в области образования 32—34, 68, 271

школьное 32—34, 37—39, 40, 64, 65, 67, 82, 158

среднее специальное 34, 72, 75, 81, 90

профессионально-техническое 32, 33, 65, 67, 75, 82—84

высшее 34, 40—42, 68—84, 90, 103

Образовательный уровень социальных групп 24, 27

Общение 14, 28, 238, 239, 241, 248, 254

межнациональное 38, 130—132, 137, 139, 211, 213, 225, 226, 232, 236—245, 247—250, 252, 270, 271

неформальное 3, 6, 238, 249

Общественное сознание 9, 12, 141, 183, 209, 235, 270

ориентация на социальные авторитеты 185—187

Общность народов СССР

государственная 188

социально-экономическая 187, 197, 225, 254

в идеологии 185, 210, 215, 225, 226, 276, 277

в интересах и ценностных ориентациях 188, 205, 276, 277

в морали, нормах поведения 243, 249, 254, 276, 277

Образ жизни народов СССР 126, 141, 144—146, 210, 215, 218, 239

Обрядность 11, 119—127, 235, 244—246, 248, 260, 280

Обычаи 11, 79, 141, 218, 221, 235, 243, 245, 248, 259, 260, 280

Предубеждения национальные 146, 147, 212, 213, 215, 236—238, 240, 243, 258

Рабочие 10, 15, 19, 22—27, 75, 83, 84, 123, 136, 144, 230, 233, 264, 277

квалифицированные 15, 19, 20, 23, 69, 90, 117, 124, 135, 189, 197, 206, 208, 230

неквалифицированные 15, 20, 61, 82, 90, 117, 124, 135, 154, 157, 170, 189, 194—197, 202, 206—208, 230

Религиозность 127, 146, 147, 242, 244, 245

РСФСР 10, 16, 20, 37—39, 42, 45, 47, 54, 55, 57—59, 69—72, 82—84, 86, 98, 103, 104, 120, 122, 124, 126, 148, 164, 195, 199, 201, 202, 206, 207, 223, 229, 254

Русские 15—17, 19, 20, 24, 25, 28, 29, 42, 46, 49, 50, 58, 61, 65—67, 73, 74, 78, 80—84, 86, 88, 92—94, 97, 99—101, 103, 104, 107, 110—112, 114, 115, 117, 122, 124, 143, 146, 147, 151, 155, 156, 161—166, 169—173, 184—188, 192, 198—201, 204, 208, 221, 222, 225, 226, 228—233, 237, 238, 241, 248, 249, 253—256, 261, 263—265, 267

Самосознание национальное 3, 9, 12, 51, 97, 100, 101, 109, 123, 124, 126, 127, 129, 138, 179, 187, 210, 214, 217, 224, 229, 235, 241, 252, 257, 258, 261, 271, 272, 278

структура 258—269

рост 257, 268—270, 272

чувство Родины 183, 184

Сближение наций в СССР 7, 183, 214, 215, 279

в сфере культуры 36, 91, 109, 113, 179, 211, 223, 248, 276—278

в образовании 40—42, 63—67, 71, 72, 76, 85, 274

в досуговой жизни 28, 89—91, 103—105

в интересах и ценностных ориентациях 199, 276

Семья

численность 151—155, 159, 160

состав 152—155

детность 155—157

воспитание детей 166, 168, 172—174, 177, 178, 266

распределение обязанностей 155, 164—169, 171, 172

трудовая активность женщин 155, 157, 164—166, 172

культурная активность 140, 173—179

традиционные нормы отношений 122, 123, 159, 160, 163, 164, 167, 168, 170—173, 245, 260, 279

национальные особенности культурно-бытового уклада жизни 173—179

Служащие 15, 22, 264

Советский народ 7, 183, 184, 212, 214, 215, 275, 276

Социальная удовлетворенность жизнью в целом 205—207, 231, 232

культурно-бытовыми условиями 25, 60, 61, 157, 161, 205—208, 231

работой 25, 205—208, 226, 231

Средства массовой информации 6, 7, 18, 27, 35, 49, 51, 61, 62, 101, 150, 163, 177, 179, 211, 212, 217, 223, 251, 264, 269, 270

издание газет и журналов на русском языке и языках народов СССР 45, 51, 52, 57, 127, 128

кино 47, 48, 57, 60, 86, 150, 175, 181, 211, 224

музеи 55—59, 62, 175, 181

радио 51, 57, 160, 175, 179, 223, 225, 250, 266

телевидение 21, 28, 44, 51—54, 57, 59, 62, 150, 160, 175, 179, 223, 238, 250

Студенты 34, 41, 42, 85, 230

источники формирования 34, 75, 76, 79, 80

национальный состав 71—74, 76, 77, 79—81

численность по республикам 41, 42, 68—70

Таджикская ССР 40, 44, 45, 55, 60, 69, 84, 112, 128, 266

Таджики 16, 17, 20, 46, 66, 84, 121, 132, 133, 151, 186, 248, 249

Татарская АССР 57, 173, 238, 239

Татары 103, 113, 138, 168, 225
 Театр 54—60, 62, 152, 153, 224
 Телевидение 44, 51—54, 58, 179, 270
 Традиции национальные 35, 79, 85, 91, 93, 99, 119—123, 125—127, 129, 141—149, 151—155, 159, 160, 163, 167, 170, 179, 182, 217, 218, 221, 235, 241, 244—248, 260, 261, 264, 275, 278—280
 Трудовые коллективы 3, 137, 198, 231
 участие в управлении 194—197
 Туркменская ССР 40, 44, 45, 59, 60, 69—71, 84, 128
 Туркмены 16—18, 20, 46, 66, 132, 133, 151—153, 186
 Удмурты 138, 225, 252, 260, 261, 269
 Узбекская ССР 9, 10, 20, 37—45, 47, 49, 50, 54, 55, 59, 65, 66, 69—72, 76—80, 93, 103, 104, 111, 116, 120—122, 128, 136, 143, 155, 159—161, 184, 195, 196, 201, 206, 207, 219—221, 227—229, 254—256
 Узбеки 16, 17, 21, 22, 24, 25, 28, 29, 49, 50, 61, 65, 66, 76, 77, 86, 88—90, 92, 93, 97, 99—101, 103, 110, 111, 114—117, 120, 122, 130, 132—136, 143, 151—154, 156—158, 163, 165, 168—171, 173, 186, 188, 196, 198, 200, 201, 225, 228, 229, 236, 238, 242, 244, 245, 248, 252, 255, 261—266
 Украинская ССР 37, 40, 45, 50, 52, 54, 55, 57, 59, 66, 70, 72, 75, 82, 112, 113, 229
 Украинцы 16, 17, 19, 20, 42, 66, 73, 78, 80—82, 103, 115, 132, 133, 151, 155, 184—186, 198, 227—229, 248, 249, 254
 Урбанизация 8, 17—22, 27, 58, 66, 67, 78, 80, 89—91, 101, 103, 124, 126, 127, 149, 152, 156, 162, 167, 169, 198, 230, 232, 237, 238, 245, 247, 248, 261, 266, 274, 275

Чувашская ССР 138, 225
 Чувства 221, 224, 237, 242
 Эстонская ССР 9, 10, 20, 37—41, 43—48, 52, 54—56, 58, 73, 75, 77, 78, 80, 82—84, 86, 91, 98, 103, 105, 115, 123, 138, 140, 143, 153, 155, 159, 161—163, 174, 176, 177, 179, 180, 195, 198, 199, 201, 202, 206, 207, 221, 222, 230, 231, 236, 237, 240, 241, 246, 254, 265
 Эстонцы 15—17, 19—22, 25, 28, 61, 65, 66, 77, 86, 89, 90, 92—94, 96—101, 103, 110, 111, 114—117, 122—124, 130, 132—135, 143, 151, 152, 155—158, 162—164, 166, 168, 170—172, 174—176, 179, 185, 186, 196, 198, 201, 204, 207, 208, 222, 225, 230—232, 237, 238, 240, 242, 245, 247, 248, 252, 256, 261, 262, 265, 267
 Этносоциология 4, 5, 23, 49, 74, 130, 143, 154, 213, 238, 251, 256, 260, 262
 Этноцентризм 242, 244, 258
 Этноязыковые процессы 127, 128, 251, 252, 278

Язык 4, 38, 51, 52, 73, 74, 79, 85, 127, 129, 130, 218, 219, 233, 235, 237, 259, 261, 268, 280

национально-русское дву-
язычие 131—135, 138, 223,
238, 239, 241, 250, 252,
256, 260
обучение на русском языке
в школах 40, 128, 136, 137,
240

употребление и ориентация
на использование родного
языка в школах 18, 73,
130, 138, 139, 217, 240
язык и национальное само-
сознание 129, 130, 240, 241

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. СТИМУЛЫ КУЛЬТУРНОГО РОСТА	14
1. Культура и социальные позиции	—
2. Культура как общественная ценность	26
Глава II. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ	36
1. Изменения в условиях культурной жизни населения союзных республик	37
2. Национальные и региональные особенности культурной среды и оценка ее населением	56
Глава III. КУЛЬТУРНАЯ АКТИВНОСТЬ ЛЮДЕЙ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ	63
1. Выравнивание уровня образования народов СССР	—
2. Приобщение к культуре: социальные и национальные аспекты	85
Глава IV. НЕКОТОРЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ КУЛЬТУРЫ И ПРОЦЕССЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ	108
1. Этнокультурные предпочтения	109
2. Социальные аспекты этноязыковых процессов	127
3. Национальные традиции в соционормативной культуре и совершенствование социалистического образа жизни	139
Глава V. ОБЩЕЕ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСОБЕННОЕ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ	150
1. Сходство и национально-региональные особенности в составе семьи и бытовых условиях жизни	151
2. Культура семейных отношений	163
Глава VI. ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ	183
1. Единство и историческая обусловленность общественных ориентаций советских наций	—

2. Общность идеологической атмосферы и историческая специфика ситуации межнациональных контактов в республиках	209
3. Культура и межнациональные отношения	234
4. Динамика культуры и национальное самосознание	257
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	274
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	282
ПРИЛОЖЕНИЕ (таблицы)	291
ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	297

Юрий Вартанович Арутюнян
Леокадия Михайловна Дробизева

МНОГООБРАЗИЕ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ НАРОДОВ СССР

Заведующий редакцией *В. С. Антонов*
Редактор *Г. И. Пылаева*
Младший редактор *Л. П. Желобанова*
Художественный редактор *А. Б. Николаевский*
Технический редактор *Т. В. Лячина*
Корректор *С. С. Новицкая*

ИБ № 3158

«Сдано в набор 07.08.86. Подписано в печать 06.02.87. А 04018. Формат 84×108^{1/32}. Бум. типогр. № 1. Литературная гарн. Высокая печать. Усл. печати, листов 15,96. Усл. кр.-отт. 15,96. Учетно-издательск. листов 17,01. Тираж 10 000 экз. Заказ № 441. Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Мысль». 117071, Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 11 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113105, Москва, Нагатинская ул., 1.